

история / география / этнография

Алексей Казаков

Ш

пионаж

ПОД СЕНЬЮ МУЗ

Как представители
творческих профессий
служили разведке

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Казаков

Шпионаж

ПОД СЕНЬЮ МУЗ

Как представители
творческих профессий
служили разведке

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 355.401
ББК 63.3(0)6
К14

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-528-9

© Алексей Казаков, 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

Предисловие

Литературное, музыкальное, драматургическое, художественное творчество сродни разведывательной деятельности — сродни умением собирать, анализировать и структурировать информацию, импровизировать соответственно обстановке и еще, безусловно, куражом.

Но есть принципиальные отличия. Книги, картины, спектакли, киноэкран — это, в широком смысле слова, сцена. Разведка же — закулисье. И порой сцена выступает лишь прикрытием закулисья. Великий французский драматург-комедиограф и разведчик Бомарше однажды совершил дерзкий маневр: он поставил «Женитьбу Фигаро», чтобы отвлечь вражеских агентов от проводимой им спецоперации.

Известно, что в разведке (или на разведку) работали Джонатан Свифт, Иван Тургенев, Редьярд Киплинг, Джон ле Карре, Афра Бен, Джеффри Чосер, Кристофер Марло, Уильям Вордсфорт, Кристофер Ли, Фрэнк Синатра, Кэри Грант, Гарри Гудини, Ольга Чехова и другие известные представители творческих профессий. Великий русский писатель и государственный деятель Александр Грибоедов в свое время отбыл в Персию в качестве не только дипломата, но и разведчика; его трагическая гибель не позволила ему проявиться в этой ипостаси.

В этой книге рассказаны истории, в которых музы и разведка переплелись. Что любопытно: люди искусства и литературы, как правило, охотно соглашались сотрудничать со спецслужбами. А спецслужбы с удовольствием приглашали их к разведывательной работе, тем более что они были вхожи в высокие общественные круги и умели располагать к себе людей.

Автор оставляет за собой право на минимальные художественные интерпретации и реконструкции в том случае, если отсутствуют (или не рассекречены) документальные источники.

Даниэль Дефо —
создатель английской разведки

У позорного столба

Руки зажаты деревянными колодками. Больно и унижительно. И очень жарко, июль. И так придется простоять три дня на трех центральных площадях Лондона, сносить немудреные насмешки простолюдинов и высокомерные ухмылки аристократов.

— Что, жарко, что ли? Пить хочется? Вот на носу капля пота висит, пей ее! Ха-ха-ха!

Ладно уж, чего взять с простаков, те могут и гнилым луком запустить в лицо, и огрызком яблока. Не ведают, что творят. Но вот аристократы... ведь именно из-за них, этих напыщенных снобов, он, Даниэль Дефо, стоит сейчас у позорного столба.

— Очень печально видеть вас, Даниэль, в таком виде и в такой неудобной позе... Но кого винить в этом? У вас есть время подумать...

Религиозную нетерпимость аристократии высмеял он в своем памфлете «Простейший способ разделаться с дис-

сентерами*». И хоть издал брошюрку под псевдонимом, они быстро поняли, кто автор.

Надо выдержать эти три дня.

Ему тяжело и жарко, с кончика длинного носа падают тяжелые капли пота, на остром подбородке выступила щетина, однако в серых глазах — глухая злость и желание проявить стойкость: ничего, посмотрим еще, кто кого.

Три дня — 29, 30 и 31 июля 1703 года — по несколько часов стоял Дефо на лондонских площадях, зная, что его, увязнувшего, помимо прочего, еще и в долгах, после позора у столба ждет тюремная камера. Редкие почитатели его таланта и политических воззрений бросали цветы к ногам. Впрочем, почитателей, наверное, было больше, просто цветы они бросали редко. Опасались.

Чумное детство и диссидентское отрочество

Белый свет он увидел в сентябре 1660 года в Лондоне. Отец Даниэля Дефо, фламандец по происхождению, был мясником, мать, коренная англичанка, скорее всего, была домохозяйкой. 1665 год вошел в историю благодаря Великой лондонской чуме. От болезни пал каждый пятый житель Лондона. Семья Дефо чудом не пострадала. Детские воспоминания лягут потом в основу книги «Дневник чумного года», где Дефо опишет жизнь в охваченном эпидемией Лондоне.

В 1668 году умерла мать восьмилетнего Даниэля. Отец отдал сына учиться в школу-пансион при Диссентерской духовной академии в лондонском пригороде Ньюингтоне. Даниэль окончил школу, потом академию. Собрался было стать пастором, но передумал. Хлеб насущный показался ему притягательнее хлеба духовного, и он занялся торговлей. По делам купеческим объездил почти всю Европу, выучил множество языков.

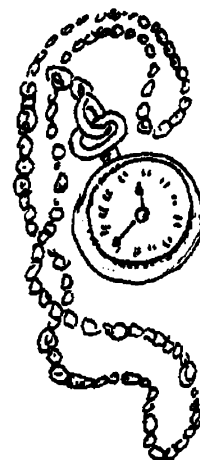
* Напомним: диссентеры — одно из направлений английского протестантизма, спорившего с главенствующей англиканской церковью; иногда их называют диссидентами.

В 1683 году корабль, на котором плыл Дефо по делам коммерции, был захвачен алжирскими корсарами. Впрочем, на следующий день пленников освободил британский сторожевой фрегат. Эти впечатления потом найдут отражение в книге «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», где есть эпизод, когда на корабль нападают пираты-мусульмане. Позже Дефо будет внимательно изучать историю морских разбойников и напишет роман «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона» и документально-историческое исследование «Всеобщая история пиратов».

В 1690-х годах бизнес Дефо сильно подкосился. Он взял в долг крупные денежные суммы, на которые построил кирпичный завод, но сбыта произведенных стройматериалов практически не было. Предприятие катилось к банкротству.

Новая стезя — журналистика

Чтобы поправить свои дела, Дефо занялся журналистикой. Он блистал в разных жанрах, писал о криминальной изнанке лондонских трущоб, о политике и экономике. Со временем дух противоречия, заложенный в Диссентерской школе, подвиг его сосредоточиться на политической сатире. Он стал писать и издавать памфлеты — сатирические брошюры, в которых едко высмеивал власть предержавших и капитал имущих. В 1701 году, после выхода поэмы «Чистокровный англичанин», в которой автор говорит о сложных истоках английской нации, к Дефо пришла известность.

Здесь Документы немые, вроде рыб, —
 Настолько затуманен Прототип.
 А потому чрезвычайно странен
 Мне этот Чистокровный Англичанин;
 Скакун Арабский мог бы дать скорей
 Отчет о чистоте своих кровей.
 Мы знаем из Истории, что Званье
 Дворянству принесло Завоеванье,
 Но, черт возьми, как, за какой пробел
 Француз стать Англичанином успел?
 И как мы можем презирать Голландцев

И всех новоприбывших иностранцев,
Когда и сами мы произошли
От самых подлых сыновей земли, —
От Скоттов вероломнейших и Бриттов,
От шайки воров, трутней и бандитов,
Которые насильничали тут,
Чиня Разбой, Смертоубийства, Блуд,
От рыжекудых Викингов и Данов,
Чье семя узнаешь, едва лишь глянув, —
От Смеси коих и родился клан
Всех наших Чистокровных Англичан.

Пер. И. Кутика

Английская элита была в бешенстве, а простые люди поняли, что есть кто-то, кто пишет правду, и он на их стороне. Дефо понимал, что рискует. Но продолжал жонглировать острыми памфлетами.

После брошюры в жанре фельетона «Простейший способ разделаться с диссентерами» он был обвинен в антиклерикальной деятельности. Его приговорили к стоянию у позорного столба, а также к семи годам тюрьмы и штрафу за невозможность расплатиться с кредиторами. Кирпичный заводик его совсем угас. В какой-то момент Дефо стало казаться, что все его перспективы — это тюремная похлебка на долгие годы.

...Он даже не подозревал, что назревает коренной перелом в его жизни, что в то время, когда он мучается у позорного столба, о нем говорят в кабинете королевы Англии. Скоро руками, которые сейчас закованы в колодки, Даниэль будет подписывать документы, имеющие государственное и мировое значение.

Королевская милость вместо тюрьмы

В судьбу Дефо вмешался высокопоставленный английский политик Роберт Харли — граф Оксфорд, спикер палаты общин, государственный министр (то есть министр иностранных дел). Графу нужен был умный человек с литературными и организаторскими способностями.

...Королева Анна, недавно взошедшая на престол, улыбнулась Роберту Харли чуть сдержаннее, чем обычно. Впрочем, подумал граф, ей, возможно, нездоровится, лицо одутловатое, мешки под глазами; недавняя смерть одиннадцатилетнего сына пошатнула здоровье ее величества.

— Благодарю вас, ваше величество, за оказанную мне честь быть принятым. Обещаю быть кратким и содержательным.

Королева протянула графу руку, он почтительно коснулся ее пальцев в белоснежной перчатке, украшенной орнаментом из золотых и серебряных нитей.

— Чем порадуете, граф?

Он почтительно подождал, когда королева сядет.

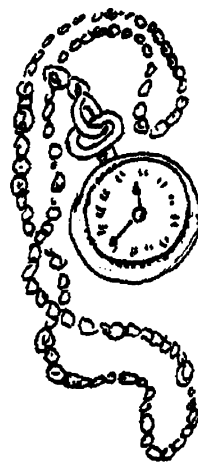
— Мэм, шотландский фактор становится все более угрожающим счастью и процветанию Англии, о которых вы радеете. Я, как и многие ваши подданные, буду всегда поддерживать вас в стремлении объединить Англию и Шотландию. Работа англо-шотландской комиссии буксует.

— Что вы предлагаете, граф?

— Предлагаю начать выгодную нам подготовку общественного мнения и в Англии, и в Шотландии. Для этого у меня на примете есть талантливый и предприимчивый человек. Правда, сейчас он в непростой ситуации... Но если ему помочь, то он, в свою очередь, поспособствует созданию объединенной страны. Он будет полезен трону, ваше величество.

Вскоре, по настоянию Роберта Харли, королева Анна объявила о прощении Дефо за его резкие публикации. Роберт Харли уладил вопрос с долгами обанкротившегося кирпичного предприятия, и в ноябре 1703 года Дефо вместо тюрьмы получил лестное приглашение: стать помощником государственного министра.

Ему поручили ездить по стране и измерять накал политических страстей в регионах, изучать и собирать мнения людей по вопросам внутренней и внешней политики. Одновременно он становится издателем и главным автором (практически единственным) газеты «Ревью», которая была обязана позитивно освещать взгляды и деятельность правительства, независимо от того, каковы будут состав кабинета и его политическая линия.

В 1704 году параллельно с пропагандистской государственной «Ревью» начала выходить и собственная газета Дефо «Обозрение», которая все девять лет своего существования субсидировалась правительством и патронировалась лордом Харли. Разумеется, издание было лояльным к трону и правительству Англии.

Осенью 1706 года Дефо получил от Харли первое серьезное задание. Но не по журналистской и издательской линии, а по шпионской.

Перекроить политическую карту острова

Было беспокойно в Шотландии. Горцы не хотели окончательно терять независимость от Англии. Шотландия уже почти сто лет была объединена с Англией единой королевской властью, но при этом в Шотландии правил свой парламент, действовали собственные законы, и единого государства на острове фактически не существовало. Брожение умов в ситуации слишком широкой автономии в любой момент грозило вооруженными беспорядками. Это очень тревожило королевский двор и политическую элиту Англии.

И вот теперь Даниэлю Дефо предстояло принять участие в великой миссии, призванной создать единую (не формально, а фактически) страну.

Роберт Харли был педантом и аккуратно хранил все рапорты и донесения, а также письма. Из 193 писем, находящихся ныне в Британской библиотеке, нам сегодня известно, куда ездил Дефо, с кем встречался, какими методами действовал и даже то, как оплачивалась его деятельность.

Прежде всего Дефо получил задание выяснить, как отреагируют шотландцы, если королева Анна объявит о ликвидации их парламента и о полном переходе территории в правление Вестминстерского дворца. Чем грозит такой шаг со стороны Англии? И как избежать или хотя бы минимизировать опасность бунта?

Вот как Дефо, как бы проверяя, все ли он понял правильно, сформулировал свое первое задание в письме к лорду Харли:

«1. Быть в курсе всего, что предпринимается различными группировками против нашей унии, и стараться помешать их попыткам.

2. Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов склонять сознание людей в пользу единения.

3. Опровергать в печати всякие выступления, порочащие идею союза, самих англичан, английский двор во всем, что касается того же союза.

4. Устранять всевозможные подозрения и беспокойства у людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви».

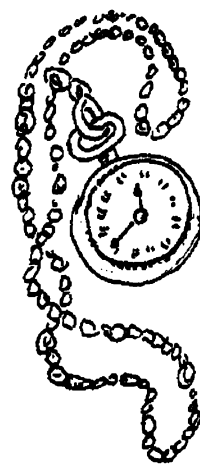
Путь — на север острова, в Шотландию. Ох, не напороться бы на шпиль сумрачного Эдинбурга...

...Сонно клюя длинным носом в карете, Даниэль под утро прибыл в шумный город. Ему в полудреме мерещился позорный столб с колодками для запястий, летящие в лицо огрызки яблок и высокомерные ухмылки вельмож. Что ждет его? Как построить дело так, чтобы не подвести лорда Харли, ее величество королеву и не обрушить навсегда свою карьеру?..

На удивление, в Эдинбурге его встретили благожелательно и местные воротилы, и простолюдины. В Шотландии сочли Дефо жертвой произвола английских властей, от коих он потерпел страдания у позорного столба, штрафы, тюремное заключение. Они приняли его за своего соратника и единомышленника. Вскоре он стал советником в Верховном собрании шотландской церкви и в нескольких комитетах парламента.

Дефо перенес в Эдинбург издание своего «Обозрения», которое выходило два-три раза в неделю. В нем он выступал во всех жанрах — печатал стихи, очерки, статьи о пользе объединения, причем делал это под псевдонимами, сталкивая разные мнения и всякий раз оставляя противников унии в проигрыше. Страсти в спорах кипели невероятные. Но мало кто знал, что у газеты один-единственный автор, который умело меняет стиль и лексику.

В качестве советника по церковным и парламентским делам Дефо формировал пакеты документов для обсуждения

проблем окончательного объединения Англии и Шотландии, умело пряча минусы и эффектно преподнося плюсы унии.

Он сообщал в секретном донесении лорду Харли:

«Хотя я еще и не могу поручиться за успех, но, надеюсь, самый образ моих действий не заставит вас пожалеть, что вы облекли меня своим доверием, послав меня сюда. Свои первые шаги я совершил вполне удачно в том отношении, что никто меня и не подозревает в каких-либо английских связях. С пресвитерианами и раскольниками, с католиками и беззаконниками общаюсь я, мне кажется, с неизмеримой осмотрительностью. Лыщу себя мыслью о том, что вы не станете осуждать моего поведения. У меня есть верные люди во всяком кругу. И вообще с каждым я говорю на подобающем языке. С купцами советуюсь, не завести ли мне здесь торговлю, как строятся тут корабли и т. п. От юриста мне нужен совет по части приобретения крупной недвижимости и земельного участка, поскольку я, видите ли, намерен перевезти сюда мою семью и жить здесь (вот на какие средства, Бог ведает!). Сегодня вхож я в сношения с одним членом парламента по части стекольной промышленности, а завтра с другим говорю о добыче соли. С бунтовщиками из Глазго я рыботорговец, с абердинцами — шерстянщик, что же касается жителей Перта или западных областей, то мой интерес для них — полотно, а по существу разговора речь все-таки сводится к унии, и будь я не я, но чего-нибудь все-таки добыюсь».

Хоть Дефо и говорит о своей осмотрительности, все же один раз она дала сбой: толпа простолюдинов чуть не избила его лишь потому, что он заговорил в трущобной части Эдинбурга по-английски. Позже один из современников Дефо вспоминал: «Если бы только стало известно, что он шпионит, мы бы разорвали его на куски».

Союз Англии и Шотландии был провозглашен в 1707 году. Обошлось без крови. Дефо, однако, не спешил уезжать из Шотландии. В нем проснулся задремавший было бизнесмен: он еще шесть лет прожил в Эдинбурге, занимаясь поставками в Шотландию эля и вина. В знак своей победы в тайной войне Даниэль Дефо заказал у местных ткачей скатерть, на которой был выткан флаг объединенной Британии.

Якобиты.

Дискредитация шведского короля

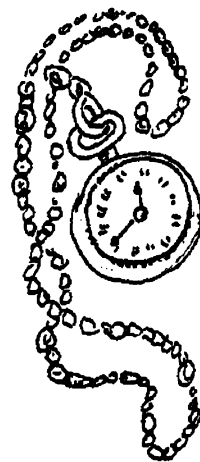
Впрочем, Дефо не ограничивается в Шотландии торговлей. Вскоре он получил новое задание — следить за якобитами (производное от имени свергнутого с трона в 1688 году английского короля Якова II), которые не приняли слияние Шотландии с Англией.

После смерти королевы Анны в 1714 году на британский престол взошел протестантский курфюрст Ганновера Георг I, основавший новую Ганноверскую династию. Но Франция, Испания и папа римский королем Яковом III признали жившего в эмиграции сына Якова II.

В 1715 году якобиты попытались поднять восстание, базой которого служила бы горная Шотландия. Оно было сорвано, в чем немалая заслуга Даниэля Дефо. Через два года поступает информация о том, что якобиты опять что-то замышляют и нити тянутся в шведское посольство. Дефо решает провести акцию по дискредитации шведского короля. Он начинает издали, решает использовать факт, который понемногу начинал забываться. Всплыл сюжет 1708 года, когда король Швеции Карл XII казнил через колесование состоявшего на русской службе лифляндского дворянина генерал-поручика Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, приближенного к Петру Великому. Дефо использовал это событие как сюжет для нового памфлета, который был стилизован под перевод брошюры некоего пастора, будто бы присутствовавшего при казни. Памфлет был полон выпадов против Карла XII. Сегодня мы сказали бы, что это была мощная информационная атака, задачей которой было подорвать авторитет шведской короны.

После публикации памфлета шведский посол в Англии граф Юлленбург потребовал наказания для «распоясавшегося критика». Но английские власти «не смогли» обнаружить автора памфлета и принесли официальные извинения послу. Памфлет тем временем уже гулял по рукам по обе стороны Ла-Манша.

Памфлетист-разведчик Дефо внедрялся в оппозиционные газеты и даже в оперативных целях иногда публиковал антиправительственные статьи и заметки. При этом следил за ре-

акцией на провокационные публикации со стороны разных социальных кругов и персон. Но главной его задачей было не допустить резких выступлений против короны и государственных устоев. В письме от 26 апреля 1718 года Дефо сообщал заместителю нового государственного секретаря Сандерленду:

«Под видом переводчика иностранных новостей я вошел с санкции правительства в редакцию еженедельной газеты некоего господина Миста с тем, чтобы держать ее под скрытым контролем, не давая ей возможности наносить какой-либо ущерб. Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково мое истинное направление... Благодаря такому же контролю, проводимому мной, и еженедельный “Дневник” и “Дормерова почта”, а также “Политический Меркурий”, за вычетом отдельных промахов, считаясь печатными органами тори, на самом деле будут полностью обезврежены и лишены какой-либо возможности нанести ущерб правительству».

Однажды случился прокол. В типографии был проведен обыск, во время которого нашли оригинал опубликованного в газете антиправительственного письма, подписанного «Сэр Эндрю Политика». Запуганный властями Мист дал показания, что письмо написано Даниэлем Дефо. И что же? А ничего. Об этом письме с самого начала от самого Дефо знал лорд Сандерленд. Дело было замято. Дефо похлопотал, и Миста выпустили из тюрьмы.

Такую тонкую двойную игру вел уже не просто агент, а руководитель разведки и контрразведки — сначала Англии, а потом объединенной Великобритании. При этом Дефо официально не занимал никаких государственных постов. Но фактически по 1719 год он возглавлял крупнейшую спецслужбу Европы, оставаясь формально свободным художником, мастером публицистики.

Масоны как инструмент внешней политики

В 1717 году в Англии появилась первая масонская ложа. Лозунги вольных каменщиков потом подхватят большевики в России: ликвидация национальных государств и постро-

ение нового, справедливого, общества. Свобода, равенство, братство!

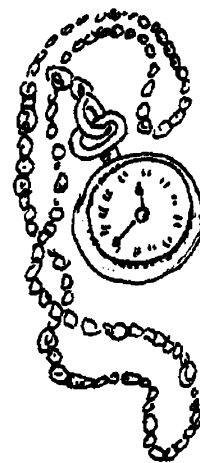
Но, позвольте, какие свобода, равенство и братство могут быть при абсолютной монархии? Да никакие! Вывод: масоны вредят короне.

Что делает в этой ситуации Даниэль Дефо? Он... становится масоном. Ведь вольные каменщики под знаменем красивых и благородных идей ставят своей целью свержение существующей власти и уничтожение государства в принципе. Надо держать их в поле зрения.

Масоны были сильны и влиятельны, без них не обошлись все европейские революции XVIII — XIX веков. При этом единственной страной, в которой масоны просто мирно заседали и лишь вели глубокомысленные беседы о смысле жизни, не покушаясь на монархические устои, была Великобритания. Из чего можно сделать вывод, что масонство фактически представляло собой структуру, подконтрольную спецслужбе Даниэля Дефо.

Более того, оставаясь лояльными британской короне, вольные каменщики помогали ей в вопросах внешней политики. Стараниями масонов, в том числе английских, в XVIII веке были организованы революции во Франции, в Австрии, Венгрии, Германии, Италии. В результате государства — конкуренты Великобритании сильно ослабли из-за внутренних вооруженных конфликтов, а в некоторых из них к власти пришли силы, лояльные короне Туманного Альбиона. При этом формально британский престол не нес никакой ответственности за случившееся.

Таким образом, можно считать Даниэля Дефо еще и автором методики применения масонства как инструмента тайной войны.

Робинзон в Сибири... Робинзон ли?

Дефо в 1719 году объявляет о своем желании уйти в отставку и посвятить себя литературе. Подарив главному герою девичью фамилию своей матери, он пишет и издает свою

самую знаменитую свою книгу — «Жизнь и приключения Робинзона Крузо». Затем, буквально через пару месяцев, появляется продолжение этой книги — роман «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо». Была еще и третья часть, наполненная философскими сентенциями, но это отдельная тема.

«Дальнейшие приключения» не очень известны в России, роман в полном объеме не издавался на русском языке с 1935 по 1992 год. Его автор, как считается, никогда не бывал в России. А так ли это на самом деле? Попробуем разобраться.

Роман рассказывает о путешествии Робинзона по трем частям света. Начинается он с того, что, вернувшись в Англию и разбогатев, Робинзон возжаждал активной и интересной жизни. В январе 1694 года он снаряжает корабль и вместе с верным оруженосцем Пятницей отправляется на свой остров, где проводит реформы, пытаясь установить в среде поселенцев закон и порядок, причем в одной из стычек с дикарями Пятница погибает. Далее Робинзон следует к берегам Юго-Восточной Азии. Побывав в Китае, Крузо добирается до границы московских владений и переходит вместе со своим спутником, неким шотландским купцом, границу неподалеку от населенного пункта Аргунское, у реки Аргун.

Даниэль Дефо вкладывает в уста Робинзона такие мысли и чувства:

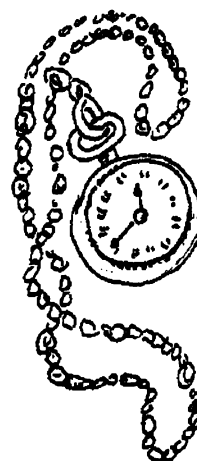
«Путешествуя по московским владениям, мы чувствовали себя очень обязанными московскому царю, построившему везде, где только было возможно, города и селения и поставившему гарнизоны — вроде солдат-стационаров, которых римляне поселяли на окраинах империи. Впрочем, проходя через эти города и селения, мы убедились, что только эти гарнизоны и начальники их были русские, а остальное население — язычники, приносившие жертву идолам и поклонявшиеся солнцу, луне и звездам, всем светилам небесным; из всех виденных мною дикарей и язычников эти наиболее заслуживали названия варваров, с тем только исключением, что они не ели человеческого мяса, как дикари в Америке. В одной деревне близ Нерчинска мне вздумалось, из любопытства, присмотреться к их образу жизни, очень грубому

и первобытному; в тот день у них, должно быть, назначено было большое жертвоприношение; на старом древесном пне возвышался деревянный идол — ужаснейшее, какое только можно себе представить, изображение дьявола. Голова не имела даже и отдаленного сходства с головой какой-нибудь земной твари; уши огромные, как козы рога, и такие же высокие; глаза величиной чуть не в яблоко; нос словно кривой бараний рог; рот растянутый четырехугольный, будто у льва, с отвратительными зубами, крючковатыми, как нижняя часть клюва попугая. Одет он был в овчину, шерстью наружу, на голове огромная татарская шапка, сквозь которую торчали два рога. Ростом идол был футов в восемь, но у него не было ни ног, ни бедер и никакой пропорциональности в частях. Это пугало было вынесено за околицу деревни; подойдя ближе, я увидел около семнадцати человек, распростертых перед ним на земле. Невдалеке, у дверей шатра или хижины, стояли три мясника — я подумал, что это мясники, потому что увидел в руках у них длинные ножи, а посредине палатки трех зарезанных баранов и одного теленка. Но это, по-видимому, были жертвы, принесенные деревянному чурбану — идолу, трое мясников — жрецы, а семнадцать бедняков, простертых на земле — люди, принесшие жертвы и молившиеся об исполнении своих желаний».

Дальше Робинзон неожиданно вступает в конфликт с язычниками:

«Сознаюсь, я был поражен, как никогда, этой глупостью и этим скотским поклонением деревянному чудищу. Я подъехал к этому идолу, или чудищу — называйте, как хотите, — и саблей рассек надвое его шапку, как раз посредине, так что она свалилась и повисла на одном из рогов, а один из моих спутников в это время схватил овчину, покрывавшую идола, и хотел стащить ее, как вдруг по всей деревне поднялся страшный крик и вой, и оттуда высыпало человек триста; мы поспешили убраться подобру-поздорову, так как у многих туземцев были луки и стрелы».

Робинзон и шотландец весь день готовили адскую смесь из водки, пороха и других воспламеняющихся веществ. Захватив в плен сонных жрецов (тех самых, которые Робинзон

поначалу принял за мясников), Крузо и его спутник связали им руки и заставили стоять и смотреть на гибель сгорающего идола Чам-Чи-Тонга. Но затем угрозы заставили путешественников спешно ретироваться.

Интересно описание Тунгусской области (так во времена Дефо называлась обширная территория Восточной Сибири между Енисеем и Охотским морем, побережьем Ледовитого океана и границей Китая):

«Я думал было, что, приближаясь к Европе, мы будем проезжать через более культурные и гуще населенные области, но ошибся. Нам предстояло еще проехать через Тунгусскую область, населенную такими же язычниками и варварами; правда, завоеванные московитами, они не так опасны, как племена, которые мы миновали. Одеждой тунгусам служат звериные шкуры, и ими же они покрывают свои юрты. Мужчины не отличаются от женщин ни лицом, ни нарядом. Зимой, когда все бывает покрыто снегом, они живут в погребках, сообщающихся между собою подземными ходами. Русское правительство нисколько не заботится об обращении всех этих народов в христианство, оно лишь прилагает усилия, чтобы держать их в подчинении».

Уставший Робинзон решает перезимовать в Тобольске. Робинзон вспоминает (большая цитата из книги Дефо важна):

«Здесь климат был совсем не похож на климат моего милого острова, где я чувствовал холод только во время простуды. Там мне было трудно носить самую легкую одежду, и я разводил огонь только для приготовления пищи. Здесь же, чтобы выйти на улицу, нужно было закутываться с головы до ног в тяжелую шубу.

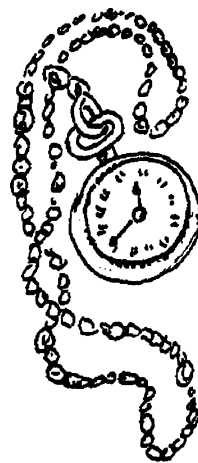
Печь в моем доме была совсем не похожа на английские открытые камины, которые дают тепло, только пока топятся. Моя печь была посреди комнат и нагревала их все равномерно; огня в ней не было видно, как в тех печах, которые устраиваются в английских банях.

Всего замечательнее было то, что я нашел хорошее общество в этом городе, расположенном в варварской стране, недалеко от Ледовитого океана, лишь на несколько градусов южнее Новой Земли. Неудивительно: Тобольск служит местом ссылки

государственных преступников; он весь полон знати, князей, дворян, военных и придворных. Тут находился знаменитый князь Голицын, старый воевода Робостиский и другие видные лица, а также несколько дам. Через своего спутника, шотландского купца, с которым я здесь расстался, я познакомился с несколькими аристократами и не без приятности проводил с ними долгие зимние вечера... Я прожил в Тобольске восемь месяцев, в течение мрачной и суровой зимы. Морозы были так сильны, что на улицу нельзя было показаться, не закутавшись в шубу и не покрыв лица меховой маской или, вернее, башлыком с тремя только отверстиями: для глаз и для дыхания. В течение трех месяцев тусклые дни продолжались всего пять или шесть часов, но погода стояла ясная, и снег, устилавший всю землю, был так бел, что ночи никогда не были очень темными. Наши лошади стояли в подземельях, чуть не околевая от голода; слуги же, которых мы наняли здесь для ухода за нами и за лошадьми, то и дело отмораживали себе руки и ноги, так что нам приходилось отогревать их.

Правда, в комнатах было тепло, так как двери в тамошних домах закрываются плотно, стены толстые, окна маленькие с двойными рамами. Пища наша состояла, главным образом, из вяленого оленьего мяса, довольно хорошего хлеба, разной вяленой рыбы и изредка свежей баранины и мяса буйволов, довольно приятного на вкус. Вся провизия для зимы заготавливается летом. Пили мы воду, смешанную с водкой, а в торжественных случаях мед вместо вина — напиток, который там готовят прекрасно. Охотники, выходявшие на промысел во всякую погоду, часто приносили нам прекрасную свежую оленину и медвежатину, но последняя нам не очень нравилась; у нас был большой запас чаю, которым мы угощали наших русских друзей. В общем, жили мы очень весело и хорошо».

Не будем дальше цитировать и пересказывать книгу, желающие найдут ее. Нам нужна была обширная цитата для того, чтобы, оттолкнувшись от нее, высказать гипотезу о том, что Дефо все-таки бывал в России, хотя официальных данных о его пребывании в нашей стране нет. И нет их по той причине, что писатель находился в нашей стране нелегально. С разведывательной миссией.

Находка тюменских школьников

Можно предположить, что трон и правительство Великобритании были обеспокоены растущей мощью экономического и военного конкурента, и Дефо был командирован в Россию, куда попал через Китай, чтобы разузнать все на месте. Родившаяся по итогам этой миссии книга — своего рода отчет о командировке, закамуфлированный под художественное произведение. Тщательное описание бытовых традиций и обрядов местного населения мог сделать только очевидец. С чужих слов вряд ли получилось бы с такой точностью.

Предположение о том, что Дефо шпионил в России, было бы голословным, если бы не появившаяся несколько лет назад в СМИ информация о том, что тюменские филологи нашли в Тобольске... так называемый дом Робинзона Крузо. В интервью газете «Труд» доктор филологических наук, заведующая сектором филологии института гуманитарных исследований Тюменского госуниверситета Ирина Карабулатова рассказала, как через триста лет тюменские исследователи отправились в экспедицию по местам, описанным в «Дальнейших приключениях...», причем маршрут до мелочей сверяли по тексту книги. Она отмечает, что Дефо подробно и верно описывает быт и культуру коренных народов Сибири, точно фиксирует даты и передает географические названия.

«В Тобольске недалеко от музейного комплекса мы обнаружили старый домик, внутреннее убранство которого полностью соответствует описанию того дома, в котором жил “литературный отец” Робинзона Крузо — Даниэль Дефо. Когда мы вошли туда, просто ахнули. Для нас и для самих жителей города это было настоящее открытие, — поделилась с журналистами впечатлениями И. Карабулатова. И подытожила смелой гипотезой: — Если еще учесть, что писатель был одним из основателей британской разведки, а Крузо — это девичья фамилия его матери, то можно смело утверждать, что вторая книга Дефо — бесценное автобиографическое произведение».

На посту

Годы шли, но Дефо продолжал служить рыцарем не только плаща и кинжала, но и пера. В 1720 году вышли его «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона». Еще через два года — романы «История полковника Джека», «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» и «Дневник чумного года». В 1724 году издаются последние книги — «Всеобщая история пиратов» и «Счастливая куртизанка».

1732-й — последний год его жизни. Но пока ноги двигались, а голова оставалась светлой, он посещал заседания лондонских масонских лож. И составлял подробные отчеты об этих встречах для своих преемников на посту руководителя спецслужбы.

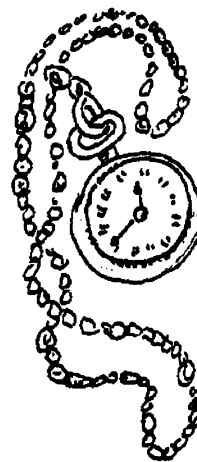

Доклад, найденный спустя двести лет после смерти автора

Существует рукопись, стоящая особняком во всем творчестве Даниэля Дефо. Она была обнаружена лишь в XX веке. В 23-страничном письме на имя лорда Харли Дефо изложил схему организации в Англии секретной службы. Кстати, сделал он это еще до того, как стал советником лорда.

В начале XVIII века в Англии не было государственной разведывательной службы. Ее функции по приказам правительства выполнялись частным образом. Отметим, что такого рода деятельность считалась в XVIII веке недостойной дворянского звания. Неофициальный статус разведки создавал определенные трудности с ее финансированием: в Англии госбюджет утверждался парламентом, а по закону было запрещено выделять деньги из казны на частные предприятия. Поэтому средства на разведдеятельность поступали из внебюджетных источников: из личных средств короны, как правило — из прибылей монархов от их участия в различных госкомпаниях.

И вот нашелся человек, который впервые в мире (!) выступил инициатором создания политической и экономической разведки и контрразведки под крылом государства.

Из письма лорду Харли ясно, что главной задачей Дефо считал не подрывные действия за границей, а сбор информации, в первую очередь политической и экономической и уж потом военной. Ведь точная информация о состоянии экономики какого-либо государства поможет предсказать его политику. Важный раздел в письме был посвящен работе внутри страны. Дефо считал необходимым исследовать настроения не только в придворных кругах, но и среди простонародья. Для этого он предложил создать по всей Англии широкую агентурную сеть, чтобы осведомители информировали о деятельности подозрительных лиц во всех уголках страны и одновременно отслеживали настроения различных слоев населения.

Будущий автор «Робинзона» предлагал составлять досье на представителей видных аристократических и дворянских семей, служителей церкви, богатых и влиятельных граждан. В секретных папках должна была копиться информация об их политических воззрениях и человеческих пристрастиях и слабостях. Все это при необходимости можно было предъявить объектам разработки. Да, шантаж, но ведь — во благо государства. Дефо полагал, что обладание такими сведениями позволит государству не только на корню предотвращать мятежи и восстания, но и прогнозировать, например, результаты выборов в парламент.

Дефо можно считать также и первым в мире социологом и политтехнологом: он предлагал работать на опережение в случае появления в обществе недовольства по какому-либо вопросу и, чтобы не дать разгореться страстям, организовывать специальные пропагандистские кампании в поддержку властей.

Он был категорически против политических репрессий и считал, что собирать информацию о настроениях общества нужно не для того, чтобы рубить «внутренним врагам» головы, а чтобы понять их мотивы, переубедить, сделать друзьями. За то время, пока Дефо руководил английской разведкой и контрразведкой, от него не пострадал ни один человек.

Бомарше, секретный агент двух Людовиков

Часы на благородных перстах

По нему сверял время весь королевский двор. В буквальном смысле слова: он был искусным часовщиком, причем потомственным. Превзошел в этом деле своего отца, изготовил сверхточные инструменты, позволявшие мастерить миниатюрные часы. В окружении французского короля Людовика XV особенно популярны были часы-перстни — особая гордость Пьера-Огюстена Карона, пока еще не ставшего Бомарше. На циферблаты крошечных часов поглядывала аристократия во время прогулок по Версальскому парку.

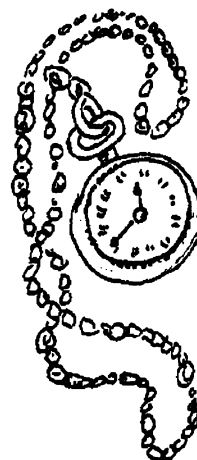
В ближний круг короля Карон попал не только благодаря своему таланту часовщика, но и умению играть на флейте и арфе. Его ценили в высшем свете, но держали на дистанции. Он был красив, честолюбив, талантлив... Всем хорош, но — не дворянин.

Как стать влиятельной особой

Нужно было придумать способ войти в элиту на правах равного. И Карон заключает последовательно два выгодных брака, причем оба раза быстро становится вдовцом (так уж получилось, просто совпало, Синей Бородой он не был). После первого брака он уже не просто Карон, а дворянин де Бомарше (фамилия — от названия принадлежавшего жене поместья). Если полностью, то так: Пьер-Огюстен Карон де Бомарше. Полученные по наследству состояния, а также сотрудничество с банкиром Дюверне (Бомарше был его частным агентом) делают свежее испеченного дворянина еще и богачом.

Вскоре он становится контролером королевской кладовой. Тогда это был высокий пост. Бомарше, нарядный, напудренный, в красивом парике, поддерживал блюдо, на котором королю подавали еду. Шутка ли, какая честь! Разумеется, это была придворная синекура.

О королевском фаворите, интересном рассказчике (а Бомарше частенько развлекал короля забавными историями), заговорили в свете. Даже дофин с некоторым удивлением, к которому примешивалась ревность, замечал, что лишь Бомарше дозволено без последствий говорить в глаза королю правду, часто нелицеприятную.

Бомарше становится также учителем музыки и передает секреты игры на арфе четверем дочерям Людовика XV.

Став дворянином и вельможей, Бомарше уже не мог не включиться в аристократические интриги. Когда умер его компаньон по коммерческим делам Дюверне, наследники покойного, чтобы не платить долг Бомарше, обвинили его в обмане и даче взятки. В первой инстанции Бомарше выиграл дело, но во второй проиграл. Начал судиться с судьями. Выпустил «Мемуары», в которых обличал судебные порядки тогдашней Франции. Судья Гезман лишился должности. Казалось бы — победа!

«Мемуары»: казнь через сожжение

Но Бомарше был пока еще новичком в подковерных схватках. Его все же переиграли в интригах — обвинили в подделке документов и наложили арест на его имущество. 26 февраля 1774 года на совместном заседании палат парижского парламента был вынесен приговор по делу, который гласил:

«...Пьеру-Огюстену Карону де Бомарше... надлежит явиться в суд, дабы, стоя на коленях, выслушать порицание; кроме того, ему надлежит уплатить три ливра в королевскую казну, кои должны быть взысканы с него. Учитывая требование королевского прокурора, полученное и приложенное к делу по решению суда от 18 февраля, и полностью к нему присоединяясь, суд приказывает, чтобы четыре мемуара, напечатанные в 1773 и 1774 годах... были разорваны и сожжены на площади у лестницы Дворца правосудия королевским палачом, как содержащие дерзостные выражения и наветы, позорящие и оскорбляющие судебную корпорацию в целом и некоторых из ее членов в отдель-

ности, а также поклепы на разных частных лиц; запрещает упомянутому Карону де Бомарше выпускать в дальнейшем такого рода мемуары под угрозой телесного наказания; а за то, что он их написал, приговаривает его к уплате штрафа в сумме двенадцати ливров, кои пойдут на хлеб заключенным Консьержери...»

Приговор, вынесенный книгам Бомарше, был приведен в исполнение королевским палачом во дворе Дворца правосудия 5 марта 1774 года.

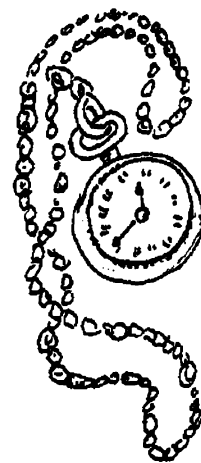

Спасти репутацию короля

И что же — неужели пепел от сожженных книг лег черной полосой в судьбе Бомарше? Вовсе нет. Людовик по-прежнему ценил своего талантливое приближенного, и вскоре Огюст становится одним из доверенных советников монарха. И агентом королевской секретной службы.

Первое же поручение отличалось особой важностью: оно касалось чести Людовика XV. Бомарше срочно отбывает в Англию.

В Лондоне проживало немало французских эмигрантов, вступивших в конфликт с официальным Парижем. В свободной английской прессе они критиковали французского короля, не скупясь на эпитеты и страшные пожелания в его адрес. Ежемесячно, а то и каждые две недели, появлялась на свет обидная для короля книжонка или шевалье д'Эона (о нем чуть позже), или маркиза де Пельпора, а то и острой на язык и на перо госпожи де Годвиль.

Но самым «ядовитым» был литератор Тевено де Моранд. Людовику XV доложили его тайные осведомители в Англии, что Моранд подготовил книгу, в которой описываются нравы французского двора. Речь в основном шла о любовных похождениях короля и его приближенных. Моранд собирался ввезти во Францию изданные в Англии скандальные (чтобы не сказать сальные) памфлеты под говорящими названиями: «Как потаскуха становится любовницей короля», «Записки публичной женщины» и «Жизнь одной куртизанки». В не-

больших брошюрках смаковались амурные похождения любовницы короля мадам Дюбарри.

Сначала король попытался расправиться с Морандом руками подосланных к нему головорезов, которым было дано задание похитить шелкопера и тайно вывезти в Париж. Но нашла коса на камень: у Моранда была своя группа силовой поддержки — головорезов сильно побили и искупали в Темзе.

Тогда для улаживания деликатного дела в Лондон отправился шевалье де Ронак. Это и был Бомарше, а Ронак, как можно догадаться, — это анаграмма его первоначальной фамилии Карон.

Ни похищать, ни шантажировать литератора Бомарше не собирался. Зачем, когда есть более эффективные методы? Деньги! Надо подкупить памфлетиста.

...Они встретились за столиком в кафе, которые тогда набирали популярность в Лондоне. Бомарше угощал: ростбиф, два вида пудинга и, разумеется, свежее холодное пиво.

— Дорогой Моранд, что-нибудь желаете еще? Возможно, что-то из экзотических фруктов?

Моранд с улыбкой, как бы сдаваясь, приподнял над столом обе ладони:

— Помилуйте, сэр. С моей комплекцией не стоит поддаваться искусству чревоугодия... Благодарю, великолепный ужин. М-да... И все же, позвольте полюбопытствовать, какова же повестка нашей встречи? Мне показалось, когда я получил от вас письмо-приглашение, что вы хотите со мной что-то обсудить. Не так ли, сэр?

— Да, конечно, дорогой друг. Прежде всего позвольте мне выразить свое восхищение вашим разящим, острым литературным пером. Ваши брошюрки идут нарасхват. Признаюсь вам... но сначала позвольте наполнить вашу кружку из нашего дружеского кувшина... признаюсь вам, что у меня дома целая библиотечка ваших произведений. Это отрада для моей души и даже, если угодно, некий камертон, который показывает, как надо писать: хлестко, точно, убедительно.

— Благодарю вас, но вы преувеличиваете.

— О нет! Нет, дорогой Моранд. Более того: я уверен, что ваш талант недооценен. Не в фигуральном, а в буквальном

смысле. Денежном. Да-да... И я хотел бы исправить эту несправедливость.

— Вы издатель? — воодушевленно заинтересовался Моранд.

Бомарше задумчиво коснулся левой рукой своих худых скул и острого подбородка.

— Хочу поделиться с вами, сэр, своими мыслями по поводу... по поводу того пепла, что терзает мое сердце. Это пепел от сожженных по решению суда моих книг, — скорбно произнес Огюстен.

— О боже! — воскликнул Моранд. — Как жаль...

— А вот и нет, — неожиданно возразил Бомарше. — Мне стало легче, когда я освободился от страниц, написанных ядом и желчью. Неблагодарное это дело оказалось.

— Вот как?..

— Слово, как известно, обоюдоострое оружие. Порой колет и режет своего владельца — того, кто намеревался атаковать им реального или призрачного врага... Да-да... Сегодня я думаю, что достойный человек должен пополнять свой арсенал менее коварным оружием. Которое не предаст своего владельца.

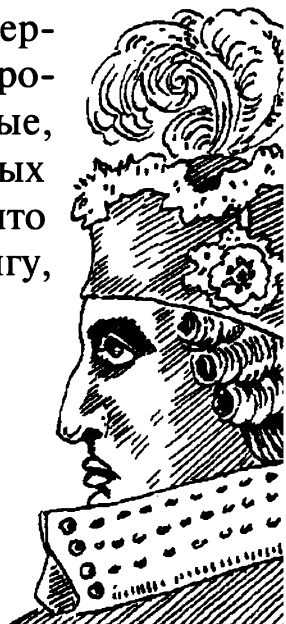
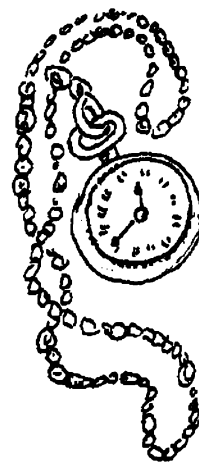
Моранд откинулся на стуле, как бы желая дистанцироваться от своего собеседника. Спросил напрямик:

— К чему вы клоните, уважаемый Огюст?

— К дружбе с вами, сэр. К дружбе, которая поможет нам обоим не совершать ошибок. И к тому же быстро разбогатеть, занимаясь более престижным делом, чем терзание бумаги пером и чернилами. Уж извините, мой друг...

За окном совсем стемнело, когда Бомарше уже обсуждал с Морандом условия сделки:

— Вы получите 32 тысячи ливров и пенсию в 4 тысячи. В нас обоих течет французская кровь. Я прошу вас помогать Франции. Не надо наносить ущерб друг другу, надо поддерживать своих... От вас ничего особенно не требуется, просто копите, а потом не держите в себе интересные данные, касающиеся английской короны, политики, всевозможных интриг высшего света. Делитесь со мной. Будем считать, что мы наговариваем, как встарь, друг для друга устную книгу, сборник интересных историй. Вы понимаете меня?

Моранд молчал.

— Могу ли я, сэр, принять ваше молчание за согласие?

Собеседник Бомарше молча кивнул. Он сомкнули кружки, словно провели ритуал негласной клятвы.

Спустя два дня в присутствии Бомарше автор злых памфлетов уничтожил весь тираж своей книги в печи для обжига извести. Бомарше перед отбытием во Францию положил в свой карман письменное обязательство Моранда содействовать интересам официального Парижа. Вербовка удалась. О ней он доложил королю в письме, блеснув не только сутью результата, но остроумной литературной формой, полной иронии и сарказма:

«Я оставил в Лондоне своим политическим шпионом автора одного из пасквилей — он будет предупреждать меня обо всех затеях такого рода, готовящихся в Лондоне. Это пронырливый браконьер, из которого мне удалось сделать отличного егеря. Под предлогом порученных ему мною литературных разысканий в хранящихся в Лондонской библиотеке древних хартиях, кои трактуют взаимные права обеих корон, можно будет, прикрывая истинные мотивы, выплачивать ему скромное жалованье за шпионаж и тайные донесения о вышеупомянутых пасквилях. Этот человек будет обязан собирать сведения о всех французах, прибывающих в Лондон, сообщать мне имена и дела, их туда привлечшие; он связан со всеми лондонскими типографиями, что позволит ему тотчас обнаружить рукописи, с коими он будет меня знакомить. Его тайные сообщения могут затрагивать также бесконечное множество иных политических дел, и благодаря выдержкам, секретно пересылаемым мною, король всегда будет в курсе событий».

Взрывоопасные письма

В апреле 1775 года на трон Франции восходит новый король — Людовик XVI, сменивший почившего в бозе деда, Людовика XV. Бомарше по-прежнему при дворе. Он готов действовать в интересах короны при новом монархе.

Людовик XVI, как и прежний король, основным врагом и недоброжелателем Франции по праву считал Англию и английскую монархию.

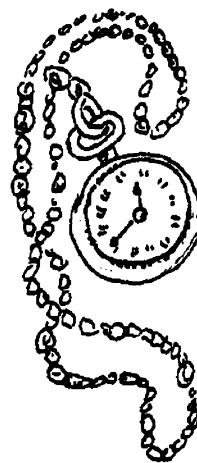
...И вновь Бомарше — на палубе корабля, пробивающего туманы над Ла-Маншем. На третий день качка на пути к Британским островам становится для Бомарше невыносимой, его рвет, он в полуобморочном состоянии... Но надо терпеть. Ведь на груди, в медальоне, у него — письмо молодого короля, так сказать, высочайший мандат:

«Господин Бомарше, имея мои секретные указания, должен отбыть возможно скорее к цели своего назначения. Соблюдение тайны и скорое выполнение порученного явятся самым любезным подтверждением его рвения к моей службе, кое может он мне дать... Людовик».

Это письмо было припасено на тот случай, если придется прибегнуть к помощи французских дипломатов в Англии или тайных агентов короля. Интересен ответ Бомарше после получения королевского письма; снова перо драматурга выписывает вензеля тонкой лести:

«Любовник носит на груди портрет своей возлюбленной, скупец — ключи, ханжа — медальон с мощами; я заказал овальный золотой ларчик, большой и плоский, в форме чечевицы, вложил в него приказ Вашего Величества и повесил себе на шею на золотой цепочке, как предмет самый необходимый для моей работы и самый для меня драгоценный».

Задача Бомарше на этот раз такая: найти некоего шева-лье д'Эона, у которого есть документы, взрывоопасные для французского королевского двора. Это были письма покойного Людовика XV, в которых содержались наметки оперативного плана по высадке десанта на британском побережье. Другими словами, речь шла о разработке плана военной интервенции. Получи огласку эти документы, не миновать войны между Англией и Францией! На Бомарше ложится ни много ни мало задача предотвратить большую беду, которая может быть чревата людскими смертями, экономическим ослаблением обеих стран и, возможно, даже территориальным переделом в Европе...

Бомарше начал наводить справки о злокозненном шевалье. И узнал много чего интересного и пикантного, особенно о жизни д'Эона в России. С удивлением Бомарше узнал, что этот французский дворянин, искусный фехтовальщик, тайный агент Людовика XV, превратился там... в женщину. Это была своего рода легенда прикрытия. По одной из версий, на идею переодеть шпиона в женское платье короля натолкнула его фаворитка и любовница маркиза де Помпадур. Немало секретов русского двора утекло в Париж через д'Эона, пока в 1760 году он не покинул Россию. Людовик XV наградил его пенсией 20 тысяч ливров и чином драгунского поручика. Вновь обретя мужское обличье, 32-летний офицер-красавчик купался в славе и почете, коим окружили его придворные, посвященные в его тайны.

В 1763 году д'Эон отправился шпионить в Англию. Теперь как мужчина. Но на этот раз удача от него отвернулась: капризная маркиза де Помпадур сменила милость на гнев, и шевалье впал в немилость. Манипулируемый фавориткой король был им недоволен. Д'Эон, обиженный и разозленный, не остался во Франции. После смерти Людовика XV ситуация для него резко ухудшилась: новый король лишил шевалье регулярной пенсии.

И тогда оставшийся без средств д'Эон в ультимативной форме потребовал возобновить выплату пенсии, положенной ему за верную службу. И стал грозить, что в противном случае продаст англичанам секретные документы, — те самые письма, из-за которых в Лондон прибыл Бомарше, борясь с дурнотой от качки посреди Ла-Манша.

Пощупать даму, дабы прощупать ситуацию

Авантюрист Д'Эон артистичен и дерзок. И Бомарше поначалу становится жертвой обмана. Шпион-перебежчик со слезами на глазах рассказывает Бомарше трогательную историю, согласно которой он, д'Эон, вовсе не мужчина, а все-таки женщина, а вот, так уж сложилась жизнь, приходится скрывать истину. Д'Эон жалуется Бомарше на жизнь

и трогательно поправляет шаль на плечах, подносит один платок к глазам, другой — к покрасневшему носику, всхлипывает. «Эта женщина влюблена в меня», — пишет королю растроганный Бомарше. Король недоумевает.

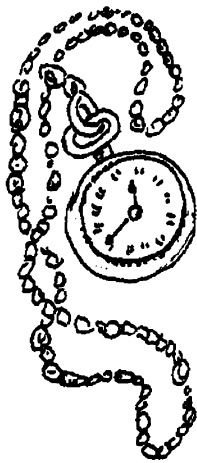
Драматурга, писавшего об интригах и запутанных любовных историях, «не смутило даже то, что д'Эон пил, курил и ругался как пруссак», — замечал с насмешливым удивлением Рене де Кастр, биограф Бомарше. А Бомарше все больше и больше подпадал под чары интригана и писал королю о сочувствии к бедняжке: «Когда думаешь, что это преследуемое создание принадлежит к тому полу, которому все прощают, сердце сжимается от нежного сострадания».

Но в какой-то момент Бомарше все же вспомнил, что он на службе и прибыл в Англию с важным государственным заданием. И для того, чтобы развеять сомнения короля, попросил дозволения пощупать даму, чтобы убедиться в том, что она женщина. Пощупать в буквальном смысле слова. Король дал добро. Но и тут д'Эон обыграл Бомарше. Шевалье в образе женщины, капризничая и кокетничая, согласился на деликатную долю петтинга, при условии, что процедура должна проходить в полной темноте, а сам он будет плотно укрыт одеялом. Трюк удался.

В том, что д'Эон — женщина, в конце концов поверил и Людовик XVI. И пообещал восстановить ему/ей пенсию. Это, а также лесть и дорогие подарки сделали свое дело: д'Эон передал Бомарше все опасные для Парижа письма. И подписал договор, согласно которому продолжил оказывать тайные услуги французскому королю.

«Женитьба Фигаро» как прикрытие секретной операции

Во время одного из светских раутов д'Эон познакомил Бомарше с известным английским публицистом и политическим деятелем Джоном Уилксом. Тот, в свою очередь, свел его с Артуром Ли, представителем американских колоний в Лондоне. Важное и нужное получилось знакомство, так

как к этому времени Бомарше получил новое секретное задание.

Американские колонисты боролись за независимость от британской короны. Французский королевский двор всячески поощрял восставших, помогал им. Людовик XVI поручает Бомарше закупить военное снаряжение и переправить его в Америку.

Драматург-разведчик, не лишенный коммерческой жилки, создает специально для этого экспортно-импортное предприятие и начинает закупать все необходимое для отправки за океан. И когда нагруженные под завязку оружием и боеприпасами французские корабли уже готовятся отшвартоваться в порту Бордо и взять курс на Америку, Бомарше привозит в город театральную группу, которая играет там веселую и остроумную «Женитьбу Фигаро». И не только для того, чтобы порадовать многочисленных ценителей театра, но и чтобы отвлечь английских шпионов, которыми наводнен портовый город.

Пятьдесят судов с военным снаряжением тронулись по волнам в дальний путь. А со сцены на припортовой площади звучало:

«Сюзанна. Интрига и деньги — это твоя область.

Фигаро. Меня не стыд удерживает!

Сюзанна. А что же, страх?

Фигаро. Задумать какое-нибудь опасное предприятие — это не шутка, надо суметь все проделать безнаказанно и добиться успеха...»

Как удачно рифмовались эти слова Фигаро с секретной деятельностью автора пьесы!

Во время этой спецоперации была предусмотрена еще одна хитрость, чтобы сбить с толку английских осведомителей: у капитанов судов были фальшивые путевые листы с заданием направиться к островам Карибского моря, но на середине пути корабли поменяли курс и пошли к побережью Северной Америки.

Удачно проведенное мероприятие лишний раз подтвердило компетентность Бомарше как разведчика, умного и удачливого. В 1783 году при посредничестве французского короля Людовика XVI был подписан Парижский (Версальский) мир,

завершивший Войну за независимость США. Участниками договора были Великобритания, с одной стороны, и США, Франция, Испания и Нидерланды, с другой. В подготовке и подписании договора участвовал и Пьер-Огюстен Карон де Бомарше в ранге чрезвычайного и полномочного представителя короля Франции.

Но с началом Великой французской революции и казнями короля и королевы полоса удач в жизни Бомарше закончилась. Дабы заработать на хлеб насущный, он занимался издательскими проектами, затем армейскими поставками, на чем и погорел. Его обвинили в махинациях, в 1792 году он бежал за границу и вернулся на родину через четыре года уже при Директории.

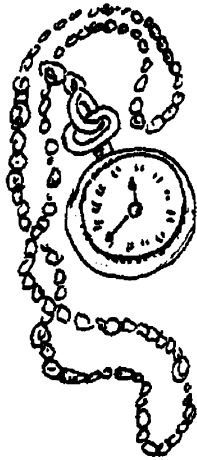
Умер Бомарше 18 мая 1799 года. Год спустя генерал Бонапарт стал диктатором Франции, на европейской сцене развернулись новые сюжеты и появились новые герои.

Смахнув вековую пыль...

В 1830-х годах литератор Луи де Ломени трудился над монографией об авторе «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». Ему удалось получить разрешение вскрыть архивы Бомарше, которые пылились в его доме, в чердачной камерке с ржавым замком на двери. Проникнув в мрачное помещение, увешанное паутиной и густо припудренное многолетней пылью, Ломени обнаружил папки. Чего здесь только не было! набросок курса всеобщего уголовного права, заметки о гражданских правах протестантов во Франции, рассуждение о пользе посадок ревеня, проект займа, «равно выгодного для короля и его подданных», проспект строительства мельницы в Арфлере, предложение перебросить мост через Сену подле Арсенала, план торговых сношений с Индией через Суэцкий перешеек, заметки о превращении торфа в уголь и преимуществах, которые сулит это открытие, расчеты по авиации...

Бомарше был одарен многочисленными талантами: разведчика, коммерсанта, музыканта. А еще он писал замеча-

тельные пьесы, которые и сегодня ставятся на театральных площадках мира. Его произведения продолжают доносить до нас мысли, чувства, остроумие человека, по циферблатам которого многие важные люди сверяли время уже тогда, когда Бомарше был всего лишь придворным часовщиком.

Бремя страстей шпионских Сомерсета Моэма

Оперативный псевдоним — Соммервиль

Август 1917 года, Петроград, Николаевский вокзал. Тяжело дышит паровоз Транссибирского экспресса, отдувается облачками белого пара. Элегантный, со вкусом одетый мужчина артистично прикладывает ко лбу клетчатый красно-белый платок — жарко, неважно спал, да и дорога не из близких. Почти полмира по рельсам. Из Англии в Петроград он прибыл окольным путем: США — русский Дальний Восток — Сибирь — Урал — Европейская часть России и, наконец, ее столица. Дорога заняла около месяца.

Железнодорожные служащие в форме, бородатые насупленные носильщики: «Извольте, барин...», господа, щурящиеся от солнечных лучей, дамы в шляпках, многие в вуалетках... Нет ли под одной из вуалеток Саши, милой Сашеньки с грустными глазами?.. Да нет, конечно, она и не знает, что он в России.

Это был первый и последний приезд в Москву британского прозаика и драматурга Сомерсета Моэма, уже получившего известность в Европе благодаря романам «Лиза из Ламбета», «Бремя страстей человеческих» и пьесе «Леди Фредерик». Впоследствии он станет автором 78 книг, займет в литературе место одного из самых преуспевающих писателей. А в истории разведки останется как агент британской секретной службы МИ-6 под оперативным псевдонимом Соммервиль.

Вместе с 43-летним джентльменом с модными тонкими усиками и широкополой шляпой на голове в поезде ехали

чешские эмигранты, с одним из которых Моэм был знаком. В дороге, занявшей без малого месяц, они не общались — конспирация. Чехи должны были помочь британскому агенту установить контакты с Томашем Масариком, который занимался в России формированием Чехословацкого корпуса. Этот корпус, как предполагалось, должен был превратиться в таран по снесению с исторической сцены неугодного Великобритании российского Временного правительства.

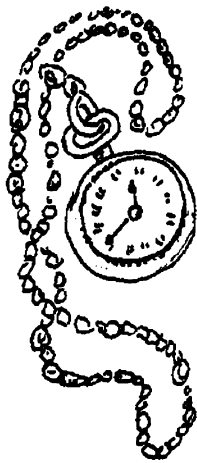
Моэм-Соммервиль устроился в номере фешенебельного отеля «Европа», заказал завтрак. Через час, источая запах дорогого одеколона и поправляя галстук под похрустывавшим от крахмала воротником свежей сорочки, он отправился в посольство Великобритании. Пиджак казался немного тесноватым: в спрятанном под белоснежной сорочкой поясе была защита 21 тысяча фунтов стерлингов — на текущие шпионские расходы. Оставлять их в гостинице было бы опрометчиво. Вместе с деньгами Моэм получил от резидента британской разведки в Нью-Йорке сэра Уильяма Вайзмана лист с кодовыми именами для секретной переписки. «Дэвис» будет означать Ленина, «Кол» — Троцкого, «Лейн» — Керенского, «Локк» — Милюкова.

Ревность британского посла

По пути Моэм мысленно продумал беседу с послом. Он рассчитывал на его помощь. А в британское посольство накануне прибытия агента в Петроград поступила шифровка: «Мистер Уильям Сомерсет Моэм (кодовое имя “Соммервиль”) находится в России с тайной миссией, цель которой — знакомить американскую общественность с положением дел в этой стране. Просьба предоставить ему возможность посылать шифрованные каблограммы через британского генерального консула в Нью-Йорке. Сообщите телеграммой, когда Моэм явится в посольство».

Вопреки ожиданиям Сомерсета, британский посол сэр Бьюкенен встретил его сухо. И нехотя согласился предоставить Моэму секретный код для переписки. Бьюкенен

ревновал и боялся, что рапорты Моэма, с которыми ему знакомиться запретили, будут сильно отличаться от его, посла, донесений и вызовут массу вопросов у правительства. В дальнейшем посол, по сути, саботировал сотрудничество с Моэмом и игнорировал полученные в шифровке указания.

Моэм понимал: без помощников не обойтись. Надо устанавливать полезные контакты, строго под прикрытием. Те, с кем он будет сотрудничать, должны быть уверены в том, что в Петроград прибыл не разведчик, а писатель и журналист Сомерсет Моэм с заданием готовить репортажи и очерки для газет Великобритании.

Кто поможет? Саша Кропоткина? Почему бы и нет? Но... как ей представиться?.. Разумеется, всю правду она знать не должна, хотя Сашенька может обо всем догадаться... Ведь когда-то, в эпоху их бурного романа в Лондоне в 1912 году, они понимали друг друга без слов... Впрочем, лирика пусть останется на потом.

Моэм, думая обо всем этом, тяжело вздыхал. Теплые, напитавшиеся скудным солнцем, перила Николаевского моста ласкали ладони... Сомерсет смотрел на тяжело двигавшуюся невскую воду. Куда движется все в мире? Куда движется он, британский агент Соммервиль, опоясанный под пиджаком фунтами стерлингов, а в душе — сомнениями и тревогой за порученное дело?

Цели и задачи

Вечером после ужина, в своем номере отеля, пуская папиросный дым в открытое окно, Моэм-Соммервиль с удивлением и неприязнью думал о таком парадоксе: только что он убедился в том, что официанты в русском ресторане хамоваты, прислуживают дурно и небрежно, но при этом отказываются от чаевых, которые, по их словам, унижают человеческое достоинство. Вот и пойми этих людей...

Его шеф Уильям Вайзман четко сформулировал задачу. Она состояла в том, чтобы создать в России широкую разведывательно-пропагандистскую сеть для противодействия

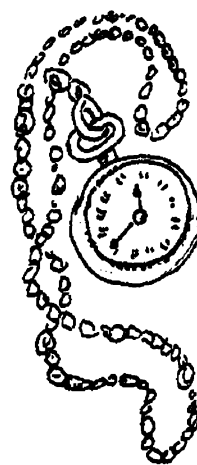
антивоенным тенденциям. Россия не должна выйти из войны. Нужно постараться встретиться с первым лицом страны Керенским и убедить его продолжать военные действия. Одновременно надо завязать тесные контакты с Томашем Масариком и отслеживать, как создается чехословацкий «таран». Надо создать мощные механизмы противодействия большевистской пропаганде. Это может быть сеть завербованных докладчиков для рабочих митингов, ораторов на неформальных заводских и армейских собраниях и в очередях за хлебом.

Самая сложная задача — установить контакт с Керенским. Это легче всего было сделать с помощью посла, но тот жаждет самоустраниться и всячески демонстрирует свое недовольство. Заниматься выяснением отношений с ним некогда.

Итак, Саша Кропоткина... Сашенька, энергичная и целеустремленная, поможет ему. Ведь она вхожа в круги, близкие к Керенскому.

Через одиннадцать лет дочь русского анархиста Петра Кропоткина — Александра станет прототипом Анастасии Леонидовой — героини одной из новелл Сомерсета Моэма в сборнике «Эшенден, или Британский агент». Его Александра-Анастасия покорила Эшендена, который во многом и есть сам Моэм, «прекрасными глазами, чуть пышноватыми формами, высокими скулами, вздернутым носиком (возможно, доставшимся от татар), большим ртом с крупными, квадратными зубами и белоснежной кожей. В одежде она предпочитала яркие тона. В ее темных, меланхолических глазах Эшендену виделись бескрайние российские степи, Кремль с бьющими колоколами, пасхальные службы в Исакиевском соборе, густые серебристые березовые леса и Невский проспект. Просто удивительно, сколь много видел он в этих глазах, круглых, блестящих, чуть выпученных, как у пекинеса. Они напоминали об Алеше из «Братьев Карамазовых» и о Наташе из «Войны и мира», об Анне Карениной и «Отцах и детях»».

...Писатель дозвонился до Саши. Она отвечала сухо, видимо, не могла говорить. Но обещала завтра прийти на встречу.

Сашенька

Наверное, лучше было бы в русле мелодрамы встретиться с Сашей белой ночью, подумал Моэм. Но сезон прошел, и вечер был обычный — сумрачный. Нева была густой, свинцовой. Ветерок обдавал лицо свежестью, запахами чуть зацветшей у берега воды и сгоревшего в топках теплоходов угля.

Она шла быстро, чуть сутулясь — спешила, не хотела опаздывать.

— Извини, задержалась, — сказала она и опустила голову.

Он хотел поцеловать ее, как когда-то, но она лишь подставила щеку.

— Я соскучился, Сашенька...

Они говорили по-английски, но имя девушки Моэм произносил на русский манер, уменьшительно-ласкательно.

— Сомми, послушай меня. То, что между нами было, пусть останется в прошлом. У меня есть жених...

Да, Саша Кропоткина больше не видит в нем того, кем он был для нее тогда, в Лондоне, во время их романа... Ну что же, и так бывает. Пора переходить к делу, решил Моэм.

— О'кей, Сашенька. Предлагаю зайти куда-нибудь выпить индийского чая с русскими бубликами. И запить хорошим шампанским.

Саша Кропоткина чуть заметно улыбнулась то ли шутке, то ли наивности Моэма.

В ресторане на Невском проспекте они взяли столик в углу, возле окна, уже задернутого снаружи звездным небом.

— ...Конечно, помогу. Если не помешает что-то чрезвычайное, — ответила Саша на вопрос Моэма о том, реально ли ему встретиться с Александром Керенским. — Но мне нужно знать, зачем тебе Керенский.

Моэм почувствовал, как охватывает его легкая тоска и обида. Да, бывшее не воротить. Сашенька задает вопросы. Любящая женщина делает иначе — она готова быть полезной тому, кто для нее что-то значит, без оговорок, условий и вопросительных знаков.

— Сашенька, я здесь с заданием от ряда британских изданий. Намерен сделать несколько интервью с Керенским и его министрами. Возможно, получится серия очерков.

— Можно попробовать организовать встречу завтра. Тебя устроит? — спросила Кропоткина.

— Да, конечно.

Она смотрела деловито, вежливо и холодно. Но Моэм уже постепенно переключался на другое: надо хорошо подготовиться к встрече с главой Временного правительства. Как пойдет разговор? О чем он, агент Сомервиль, напишет в шифровке своему шефу после этой встречи?..

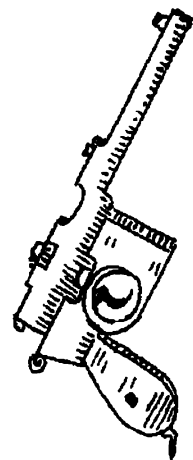
Он останется в России до тех пор, пока не выполнит задачу. С Сашей, судя по ее поведению, нет смысла выяснять отношения. Надо полностью заняться делами на пользу Великой Британии.

Литератор, он же водитель «неотложки»,
он же агент

Хотя он ведь никакой не шпион по складу характера. И никогда не мечтал об этой профессии. Как-то само все вышло. Во время войны Моэм служил шофером в Бельгии, в составе британского Красного Креста, входил в объединение «Литераторы — водители автомобилей скорой помощи». (Кроме него, в этом престижном списке были еще 23 известных писателя из Великобритании и США). В книге «Подводя итоги» Моэм вспоминал о единственном экстремальном случае в своей военной биографии:

«Я никогда не считал себя очень храбрым, да и не видел, зачем мне это нужно. Единственный случай проверить себя представился мне в Ипре, когда на Главной площади снарядом разбило стену, возле которой я за минуту до того стоял, а потом отошел, чтобы поглядеть с другой стороны на разрушенный дом цеха суконщиков; но тут я так удивился, что мне было не до наблюдений над самим собою».

Шофер «неотложки» получил отпуск, поехал в Лондон — и вскоре руль его судьбы как-то сам собой вывернулся в не-

ожиданную сторону. Случилось это на одной из светских вечеринок. Моэм познакомился с неким полковником, который предложил ему позже встретиться. Там за коньяком они разговорились... Уже много позже Моэм понял, что полковник изучал его с помощью хитроумных тестов. В конце беседы вербовщик МИ-6 сказал ему, что у него, несомненно, есть предрасположенность к агентурной работе. Большой плюс — знание в совершенстве французского и немецкого языков. (Моэм родился во Франции, а учился в Германии). Полковник отметил, что профессия литератора — удобное прикрытие для работы. Всегда можно оправдаться сбором материала для публикации. И уже прощаясь, после того как он получил согласие Моэма сотрудничать с английской внешней разведкой, со светской улыбкой пообещал писателю «множество интереснейших сюжетов» для будущих книг.

В поисках интереснейших сюжетов

Первая командировка — в Женеву, столицу нейтральной Швейцарии. Город заполонен разведчиками всех воюющих сторон. В книге «Подводя итоги» Моэм писал:

«Новая работа давала пищу и моей любви к романтике, и чувству юмора. Методы, какими меня учили спасаться от слежки, тайные встречи с агентами в самых несусветных местах, зашифрованные сообщения, передача сведений через границу — все это было, конечно, необходимо, но так напоминало мне дешевые детективные романы, что война в большой мере теряла свою реальность и я поневоле начинал смотреть на свои приключения как на материал, который смогу когда-нибудь использовать. Впрочем, все это было до того старо и избито, что я сильно сомневался в пригодности такого материала. Год я работал в Швейцарии. Работа была сопряжена с разъездами, зима выдалась суровая, а мне по долгу службы приходилось во всякую погоду пересекать на пароходиках Женевское озеро».

Документы о его работе в Швейцарии до сих пор засекречены, но характер ее можно отчасти представить себе уже

упомянутому сборнику «Эшенден, или Британский агент», где рассказывается о карьере английского шпиона в первой четверти XX века. Так, например, в рассказе «Предатель» фигурирует живущий в швейцарском городе Люцерне англичанин Грантли Кейпор, избалованный в шпионаже в пользу немцев. С помощью хитроумной комбинации Эшендену удается выманить Кейпора в Англию, где его казнят...

В другой новелле рассказывается о том, как британского агента вместе с завербованным им наемным убийцей, мексиканцем Мануэлем Сантаной, направляют в Неаполь с задачей перехватить в пути некоего грека, везущего секретные документы в германское посольство в Риме. По недосмотру агента и небрежности киллера погибает посторонний человек. Но агенты не очень расстроены такой оплошностью: производственные издержки, так сказать.

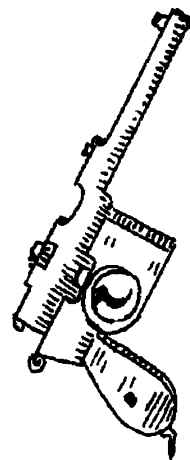
Когда работа в Швейцарии закончилась, Моэм, с согласия начальства МИ-6, поехал в США, где готовились к постановке две его пьесы. Но вскоре «боевая труба» призвала его в Петроград, в страну Достоевского, Толстого и Чехова, чьими книгами он зачитывался с юности.

...Итак, завтра встреча с Керенским.

Встречи в «Медведе»

Моэм решил пойти пешком в сторону дорогого ресторана «Медведь», где была запланирована встреча. В «Записных книжках» он делится своими впечатлениями о Петрограде 1917 года:

«Ярко выраженный характер имеет Невский проспект. Он грязный, унылый, запущенный. Очень широкий и очень прямой. По обеим его сторонам невысокие однообразные дома, краска на них пожухла, в архитектурном отношении они мало интересны... Витрины магазинов забиты жалкими изделиями. Нераспроданные товары разорившихся пригородных лавчонок Вены или Берлина — вот что они напоминают. Густой людской поток беспрерывно течет взад-вперед. Пожалуй, именно толпа определяет характер Невского. Если

на других улицах в толпе встречаются по преимуществу люди одного слоя общества, то здесь — самых разных; разгуливая по Невскому, кого только ни увидишь — и солдат, и моряков, и студентов, и рабочих, и предпринимателей, и крестьян; они без умолку разговаривают, образуют толчею вокруг газетчиков, продающих свежий выпуск».

Далее все о том же Петрограде:

«Вечерами он куда красивее. Здешние каналы удивительно своеобразны, и хотя порой в них можно уловить сходство с венецианскими или амстердамскими, оно лишь подчеркивает их отличие. Неяркие, приглушенные краски. Близкие к пастельным, но такие нежные, какие художникам редко удается передать: туманно-голубые и тускло-розовые тона, как на эскизах Кантен де Латура, зеленые и желтые, как сердцевина розы. Они пробуждают те же чувства, что французская музыка восемнадцатого века с ее пронизанным грустью весельем. От каналов веет тишиной, бесхитростностью и наивностью; этот фон представляет отраднй контраст русским с их необузданным воображением и буйными страстями».

Вот и ресторан «Медведь». Саша встретила Моэма. Вместе они вошли в отдельный кабинет. Моэм готовился увидеть волевого, жесткого и решительного лидера огромной воюющей страны. Но был разочарован. Он вспоминал о встрече с Керенским:

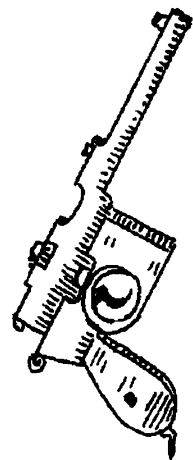
«Вид у него болезненный. Все знают, что он нездоров; он и сам, не без некоторой бравады, говорит, что жить ему осталось недолго. У него крупное лицо; кожа странного желтоватого оттенка, когда он нервничает, она зеленеет; черты лица недурны, глаза большие, очень живые; но вместе с тем он нехорош собой. Одет довольно необычно — на нем защитного цвета костюм, и не вполне военный, и не штатский, неприметный и унылый... Я не почувствовал в нем особого обаяния. Не исходило от него и ощущения особой интеллектуальной или физической мощи. Однако поверить, что своему возвышению он обязан исключительно случаю и занял такое положение лишь потому, что никого другого не нашлось, невозможно. На протяжении беседы — он все говорил и говорил так, словно не в силах остановиться, — в нем

постепенно проступило нечто жалкое... В итоге он произвел на меня впечатление человека на пределе сил. Судя по всему, бремя власти ему непосильно».

Последующие встречи лишь усиливали разочарование, и через связника Моэм шлет в Лондон нелестный отзыв о главе Временного правительства. Дела в России ухудшаются день ото дня. Керенский, слабый и безвольный человек, при этом снедаемый тщеславием, увольняет любого министра, который, как ему кажется, представляет угрозу для его положения. С трибун трещат бесконечные речи. Нехватка продовольствия становится все более угрожающей, приближается зима, а топлива нет. Находящиеся в подполье большевики активизировались. Ленин уже в Петрограде, и Керенский знает, где он находится, но не осмеливается его арестовать.

На основе обрывочной информации, оговорок и намеков, полученных во время салонных бесед в «Медведе» и в квартире Саши Кропоткиной с людьми, близкими к Керенскому, в первую очередь с членами его правительства, Моэм докладывал своему шефу: у главы Временного правительства нет твердой и однозначной позиции по поводу выхода или невыхода России из войны.

Одной из задач Моэма было исследовать общественные настроения в России 1917 года. В этом деле ему помогал баронет Хью Уолпол, британский писатель, работавший в то время в России в Красном Кресте. Он снабжал коллегу важной информацией. Моэм также вел долгие обстоятельные беседы с Томашем Масариком: обсуждался вопрос о средствах для организации Чехословацкого легиона.

Савинков

Да, Керенский — тяжелое разочарование. Но встречи в «Медведе» продолжают. И с Керенским, и с его министрами, и с влиятельными людьми, не входящими во Временное правительство. Раз в неделю писатель-разведчик приглашает именитых гостей в отдельный кабинет. Он не скупится за-

казывать водку, черную икру и прочие разносолы — дорогое, надо сказать, удовольствие в столице воюющей страны.

Моэм дает понять Керенскому о своих высоких полномочиях, превышающих журналистские. Он заверяет: правительство Соединенного Королевства готово предоставить необходимые финансы и военные силы, лишь бы Россия не выходила из войны. В ответ на это Керенский пускается в пространные рассуждения, демагогию, не говорит ничего конкретного о стратегических и тактических планах Временного правительства. В своих шифровках Моэм едва сдерживает раздражение по этому поводу.

Но несомненной удачей стало знакомство с Борисом Савинковым. Он произвел самое сильное впечатление на Моэма. Англичанин был сражен обаянием личности знаменитого террориста. Как-то раз за банкетным столом в «Медведе» тот, держа в руке бокал с шампанским, заявил Моэму:

— Или Ленин поставит меня к стенке, или я его!

Савинков — это реальная сила, — приходит к такому выводу Моэм. Помимо воли и компетентности, Савинков обладал еще и высоким постом: был управляющим военного министерства и товарищем военного министра (военным министром был сам премьер Керенский).

В своих «Записных книжках», изданных в 1949 году, Моэм вспоминал о Савинкове:

«До революции он возглавлял террористов. Разработал и осуществил убийство Плеве и великого князя Сергея. Полиция охотилась за ним, и он два года жил по британскому паспорту. В конце концов его настигли в гостинице. Отвели в столовую, где ознакомили с сутью дела. Савинкову сказали, что он может просить все что угодно. Он попросил содовой и папирос. Принесли содовую, и офицер, командовавший солдатами, производившими арест, вынув папиросу из портсигара, кинул ее Савинкову. Савинков взорвался. И швырнул папиросу в лицо офицеру со словами: “Не забывают, что я такой же дворянин, как и вы”. Пересказывая мне этот эпизод, он посмеивался. И я еще более утвердился во мнении, что люди, волнуясь, говорят точь-в-точь как в мелодрамах. Вот почему лучшие писатели так недостоверны.

Я спросил, что он чувствовал, когда его арестовали, испытал ли он страх,

— Нет, — сказал он. — Я же знал, что раньше или позже все этим кончится, и когда меня арестовали, я, как ни странно, испытал облегчение. Не забывайте, я жил в чудовищном напряжении, и силы мои были на исходе. Помнится, первая моя мысль была: теперь я смогу отдохнуть.

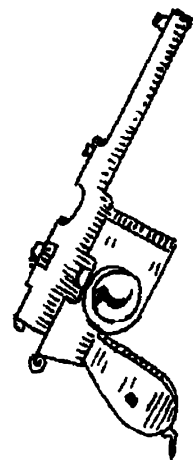
Его приговорили к смерти, он ожидал казни в севастопольской тюрьме. Мне рассказывали, что своими зажигательными речами он распропагандировал тюремщиков, и они дали ему убежать; я спросил его, правда ли это. Он рассмеялся. На самом деле история была далеко не столь романтическая. Поручик, начальник тюремной охраны, сочувствовал революционерам, и товарищи заставили его устроить Савинкову побег. План побега был донельзя прост. Поручик дерзко вошел в камеру Савинкова, велел вывести заключенного и сказал, чтобы тот следовал за ним. Часовые, видя, что Савинков идет за офицером, не остановили его, и так они очутились на улице. Дошли до порта, сели в заранее заготовленную шлюпку и пустились в плавание по Черному морю. Несмотря на то, что сильно штормило, они за четыре дня доплыли до Румынии. Оттуда Савинков перебрался во Францию, жил в Париже, на Ривьере, затем разразилась революция, и он смог вернуться в Россию.

Чтобы организовать и совершить эти убийства, сказал я, несомненно, нужна невероятная смелость.

Он пожал плечами:

— Отнюдь нет, можете мне поверить. Дело как дело, ко всему привыкаешь».

Моэм был свидетелем того, как твердо проявил себя Савинков во время так называемого корниловского мятежа: настоял на введение войск из Финляндии в Петроград для наведения порядка и стабилизации ситуации в городе. Энергичность, решительность, жесткость Савинкова в этой ситуации Моэм подробно описал в своих шифровках в Лондон. Он предложил делать ставку на Савинкова. Центр дает Соммервиллю разрешение на вовлечение Савинкова в свою работу.

Меньшевики как союзники

Моэм увлечен своей работой в России. Входит в контакт с английским нелегалом в Петрограде. Тот помогает с вербовкой агентуры. Осведомители снабжают Моэма информацией и облегчают его потайной пояс с фунтами стерлингов: деньги быстро разлетаются. Что ж, за ценные сведения надо платить. Уильям Вайзман доволен Моэмом, он отправляет в Форин Офис шифровку следующего содержания:

«Я получил интересную телеграмму от Моэма из Петрограда. Он послал агента в Стокгольм и в Финляндию для сбора информации, и тот сообщает о секретной договоренности между Финляндией и Швецией о присоединении к Германии с целью захвата Петрограда. Правительство ежедневно меняет свое мнение о переезде в Москву... Керенский теряет популярность, и сомнительно, чтобы он удержался. Убийства офицеров продолжаются. Казаки планируют мятеж. Сепаратного мира не будет, но будет хаос и пассивное неповиновение на русском фронте. Моэм спрашивает, может ли он работать с офицером британской разведки в Петрограде, чтобы помогать друг другу и избегать путаницы. Я не вижу препятствий этому... Я считаю, что Моэму для безопасности следует хранить свои шифры и бумаги в посольстве. Он очень благоразумен и не скомпрометирует их... В любом случае я сообщу ему, что вы заинтересованы в его информации».

В сентябре Моэм присутствовал на нескольких заседаниях Демократического совещания в Александринском театре, где выступали представители всех политических партий и общественных организаций России. Он вспоминал:

«Ораторы говорили очень долго. Заседание, назначенное на четыре, началось лишь в пять и продолжалось чуть ли не до полуночи. За это время выступило всего пять человек, речи были примерно одной продолжительности. Ораторы говорили очень быстро, пылко, но однообразно; все были убийственно серьезны и не пытались оживить речь ни занимательной историей, ни шуткой; они даже не давали слушателям передохнуть, приведя простой факт, а ограничивались

общими фразами и призывами; все речи были, в сущности, пустой болтовней».

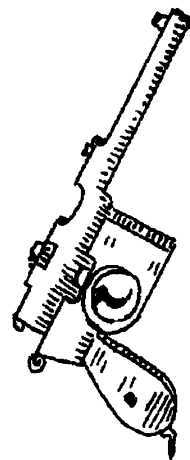
Постепенно Моэм приходит к выводу: болтуны все-таки не все, опираться надо на меньшевиков. Моэм информирует своего шефа о влиятельности и реальном политическом потенциале этой партии. На основе информации, полученной от агента Сомервилля, Уильям Вайзман шлет в Форин Офис докладную записку, в которой говорит о необходимости создания нового подразделения в структуре разведки:

«Отдел № 3 должен будет поддерживать умеренную социалистическую партию, известную как меньшевики. Эта партия является противником большевиков, или экстремистов, и выступает за реорганизацию армии и энергичное ведение войны. Однако она абсолютно либеральная и даже социалистическая по своему характеру. Но она выделяется своим антипруссачеством. Этот отдел будет выпускать фронтовую газету для распространения среди солдат в целях противодействия очень опасной газете большевиков, которую они там сейчас издают».

Создание подпольной организации

С помощью британского нелегала и своих сторонников глубоко вошедший в курс дел Моэм все увереннее и энергичнее готовит заговор с участием крупных чиновников, депутатов и военных высокого ранга. Масарик говорит ему, что сформированный им из пленных военнослужащих австро-венгерской армии Чехословацкий корпус готов поддержать заговор против сторонников выхода России из войны.

В октябре 1917 года Моэм завершил свою работу по созданию подпольной организации и отправил в Лондон зашифрованный план «наведения порядка» в России. Моэм писал позже, что план был принят, одобрен, готовились финансовые средства для его реализации. Но дело буксовало. Активность Моэма, решительность Савинкова, полная боевая готовность руководителей Чехословацкого корпуса и других участников заговора — все это натыкалось на неясную по-

зицию Керенского. Он союзник Британии или противник? Почему он игнорирует сведения о том, что Ленин — германский шпион? Он за продолжение войны или против? И что за странная двойственная позиция Керенского: военные действия должны быть продолжены, но Россия может сражаться только при условии пересмотра Антантой целей войны, отказа от аннексий и контрибуций? О каком пересмотре может идти речь, когда надо совместными усилиями добивать общего врага? Большевики усиливаются. Кто может возглавить Россию, если свергнуть Керенского?

Ответ был очевиден: Савинков.

Керенский запрашивает помощь

Октябрь 1917 года стремительно отсчитывает дни до роковой для России цифры «25». Неожиданно Моэм получает приглашение срочно прибыть в Зимний дворец в кабинет Керенского.

Министр-председатель Временного правительства чисто выбрит. Очень усталые глаза. Даже полные отчаяния. Полувоенный френч безупречно выглажен, сапоги блестят. На столе — документы, книги. Раскатившиеся по столу карандаши. Пожалуй, подумал Моэм, эти карандашные россыпи — символ паники и сумятицы в душе хозяина кабинета. Да и символ стремительно нараставших российских беспорядков, в первую очередь в армии и столице.

Керенский сдержанно поздоровался. Предложил сесть.

— Господин Моэм, наступают очень тяжелые для России дни... — Повисла пауза. Моэм молча ждал продолжения. — Мы переживем их, конечно. Но нам будет легче, если наши друзья помогут нам.

— Как и чем я могу быть вам полезен, господин председатель?

Керенский взял со стола запечатанный конверт, протянул его Моэму.

Моэм взял на удивление легкий конверт. Похоже, там всего один-два листка бумаги.

— Прошу вас передать... как можно срочнее... вашему премьер-министру, г-ну Дэвиду Ллойд Джорджу. Письмо это, господин Моэм, чрезвычайной важности, по почте оно отправлено быть не может. Прошу передать его из рук в руки лично адресату.

— Конечно. Это секретный пакет?

Керенский колебался. Потом снова заговорил:

— Вам расскажу. Было бы бестактно делать из вас просто, извините, почтальона... Если коротко, то Временному правительству экстренно необходима военная помощь Антанты. Если союзники не поддержат Россию в ее стремлении к миру, она будет вынуждена выйти из борьбы в одиночку.

Керенский приподнялся из-за стола.

— Благодарю вас за доверие, господин Керенский. Я сегодня же отправляюсь в Великобританию, — сдержанно ответил Моэм.

— С богом! — по-русски напутствовал его глава Временного правительства.

Моэм срочно выехал поездом в Норвегию, откуда английский миноносец доставил его на север Шотландии. 23 октября Моэм прибыл в Лондон, где ему была назначена аудиенция у премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа.

Моэм ждал увидеть строгое и деловое лицо премьер-министра, который начнет немедленно читать письмо Керенского. Но Ллойд Джордж улыбался, предлагал курить, попросил секретаря принести чаю.

Разговор начался для Моэма неожиданно. Хозяин кабинета мечтательно произнес:

— «Леди Фредерик»... Прекрасная пьеса, до сих пор помню ее в постановке «Корт-Тиэтра»... Комедия — ваш конек... Что пишете сейчас, дорогой Сомерсет?

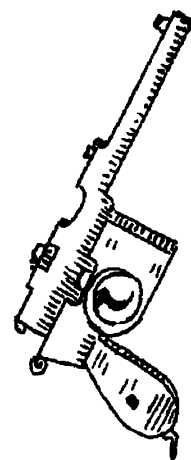
Моэм грустно улыбнулся:

— Увы, сейчас не хватает ни времени, ни сил. Но я привез вам из России произведение эпистолярного жанра...

Премьер-министр не отреагировал на шутку, делано заскучал.

— Прочтите, пожалуйста.

Моэм внутренне вскипел. Такого унижения он не ожидал.

— Простите, сэ. Я немного заикаюсь при чтении и боюсь отнять у вас драгоценное время. — С этими словами Моэм протянул премьер-министру конверт.

Треснул, разломился сургуч, поддалась костяному ножу плотная бумага конверта, потом зашелестело письмо. С недовольным видом Дэвид Ллойд Джордж бормотал себе под нос, водя глазами по письму, но одну фразу прочитал вслух отчетливо, усиленно артикулируя:

— ...Если этого не будет сделано, тогда с наступлением холодной погоды я не смогу удержать армию в траншеях. Я не вижу, как мы могли бы продолжить войну. Разумеется, я не говорю этого людям. Я всегда говорю, что мы должны продолжать борьбу при любых условиях, но это продолжение невозможно, если у меня не будет что сказать моей армии... — Ллойд Джордж отложил письмо на край стола. — Понятно. Что ж, положение Керенского очень сложное...

В задумчивости премьер-министр отхлебнул остывший чай. Потом его голос зазвучал твердо и официально:

— Прошу вас, сэ, передать господину Керенскому, что выполнение его просьбы, к моему великому сожалению, невозможно. Прошу простить меня, я тороплюсь на заседание кабинета.

Ллойд Джордж встал из-за стола. Аудиенция была окончена...

В своих воспоминаниях Сомерсет Моэм корил себя за «ненастойчивость», как он выразился, в попытках убедить Керенского и Ллойда Джорджа действовать решительнее:

«...Я упустил шанс повернуть колесо истории в другую сторону... Я самым плачевным образом провалился».

Существует версия, что колесо истории Моэм мог повернуть весьма круто. Возможно, это было главное задание Моэма в России.

Убить Ленина

Версию о том, что Моэм участвовал в подготовке плана о физическом устранении Ленина, выдвинул публицист

Вадим Штольц. Он оттолкнулся от фразы из мемуаров Моэма, где тот говорит о том, что, попади он в Россию шестью месяцами раньше, то мог бы предотвратить Октябрьскую революцию.

Вадим Штольц отмечает, что у Моэма был агент, входящий в узкий круг большевистского руководства и имевший возможность «навести» убийцу на Ленина или даже самому стать киллером. Информация о существовании этого британского агента содержится в секретном меморандуме Вайзмана от 19 января 1918 года под названием «Разведка и пропаганда в России с июля по декабрь 1917»:

«Один из наших агентов из Америки — хорошо известный международный социалист; он был сразу же принят большевиками и допущен на их совещания. Он призвал Троцкого к публичной дискуссии о сложившейся ситуации, его вызов был принят, и в начале ноября такая дискуссия состоялась в Петрограде».

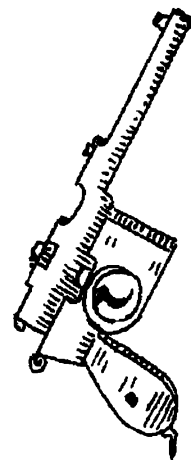
Пока мы ничего не знаем об этом агенте. Кто мог им быть? Ну не Саша же Кропоткина, в конце концов...

В малоизвестном очерке под названием «Террорист Борис Савинков», опубликованном в 1943 году в дамском журнале «Редбук», Моэм напишет:

«...Это имя вполне могло бы стать для нас таким же знакомым, как имя Ленина. И в этом случае имя Ленина осталось бы в забвении. Борис Савинков мог легко стать человеком с огромной властью в России».

Вадим Штольц предполагает, что Моэм и Савинков обговаривали возможность убийства Ленина. Взять на себя эту миссию мог бы Савинков, у которого, что называется, рука не дрогнула бы.

Но это пока лишь гипотеза. Вероятно, где-то хранятся документы, подтверждающие то, что в своих донесениях в Лондон Моэм предлагал в этом смысле делать ставку на Савинкова. По совокупности своих качеств тот, безусловно, годился в диктаторы, он мог бы железной дланью подавить стремительно большевизировавшиеся Советы. А потом установить в России жесткий порядок. И при этом Россия продолжила бы участвовать в войне.

Провал или удача?

Насколько удачной можно считать шпионскую карьеру Сомерсета Моэма? Достоин ли выдержал он бремя страстей второй своей профессии?

В 2010 году вышла книга историка британской разведки Майкла Смита «Six: A History of Britain's Secret Intelligence Service» («Шесть: история британской секретной разведывательной службы»). Во время презентации книги Смит сказал журналистам:

«Хотя у Моэма был некоторый опыт разведывательной работы в Швейцарии, он прибыл в Россию в разгар войны и революции, не обладая серьезным опытом работающего под прикрытием агента. В Британии большевиков считали германскими агентами и опасались, что их приход к власти выведет Россию из войны. Миссия Моэма потерпела неудачу еще и потому, что он не сумел разобраться в политической ситуации, поверил Керенскому и Савинкову, которые были неспособны усмотреть угрозу со стороны находившегося под большевистским влиянием Петроградского совета и больше всего боявшихся реставрации правых сил. Подлинная реальность была далека от той, которую описывал в своем отчете Моэм».

Миссия Моэма потерпела неудачу в той части, что касалась противодействия выводу России из войны. Здесь Майкл Смит прав. Но тем не менее объективно получилось так, что уже после отбытия Моэма запущенные им механизмы в той или иной степени успешности начали работать против большевиков, что согласовывалось с внешнеполитической линией Великобритании.

Как уже говорилось, к концу октября 1917 года Моэм завершил большую работу по созданию мощной подпольной организации и отправил в Лондон план «наведения порядка» (а по сути — государственного переворота) в России. Цейтнот помешал осуществить этот план. Но сложная разветвленная сеть заговора осталась. Даже запоздалые выступления некоторых организаций, участвовавших в нем, едва не опрокинули новую власть в России. В мае 1918 года за Уралом взбунтовался Чехословацкий корпус, который решено было отправить в Ев-

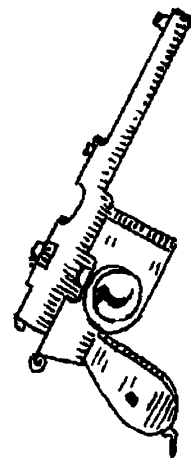
ропу в силу обстоятельств кружным путем через Владивосток. Чехословаки овладели крупными городами, расположенными по Транссибирской железной дороге, взяли под свой контроль значительную часть Сибири, Урала и Поволжья и даже стали угрожать центральной части России. Против них выступили уже сформированные части Красной армии. Гражданская война в России становилась реальностью, и вскоре она, подобно гангрене, стала разъедать истерзанное тело страны.

В июле 1918 года был поднят мятеж в Ярославле, Рыбинске, Ростове, Владимире, Муроме. Мятежники под руководством Бориса Савинкова удерживали власть шестнадцать дней, ожидая прибытия с севера интервентов. Те уже высадились на Кольском полуострове и собирались взять Архангельск. В ходе мятежа Савинков поддерживал связи с Чехословацким корпусом.

После подавления ярославского мятежа савинковский «Союз защиты родины», разбитый на группы по 5–6 боевиков и тайно расквартированный в Москве, Казани, Костроме, Калуге и других городах, долго еще сохранял боеспособность.

Образно говоря, Моэм был одним из тех, кто вольно или невольно закладывал мины под Советскую Россию.

На склоне лет Моэм вспоминал о своей работе разведчика с иронией, чуть ли не как о забавном приключении, в которое его случайно втянули. Но рассекреченные в последние годы документы свидетельствуют: он был далек от легкомысленного отношения к миссии в России. Его работа в качестве британского агента в 1917 году могла бы изменить ход мировой истории и судьбу нашей страны.

Любовь к «колдовской стране»
Николая Гумилёва

Лондонская находка

В 1947 году в лондонском архиве русского художника-монументалиста и поэта Бориса Анрепа была обнару-

жена написанная по-французски «Записка об Абиссинии». Под документом — подпись: «Прапорщик 5-го Александрийского гусарского полка Российской Армии Гумилёв». Почерк большей части документа не оставлял сомнения: это рука Николая Степановича Гумилёва, русского поэта Серебряного века, создателя школы акмеизма, прозаика, переводчика, литературного критика. Что же за произведение мастера пера было найдено в архиве Анрепа, который в свое время был дружен с первой женой Гумилёва — Анной Ахматовой?

Речь идет о написанном Гумилёвым по-французски служебном рапорте, в котором он представил свои выкладки о том, сможет ли Абиссиния мобилизовать добровольцев для пополнения союзнических войск на германском фронте. Вот текст этого рапорта в переводе с французского:

«Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка
Российской Армии
Гумилёв

Записка относительно возможности набора отрядов добровольцев для французской армии в Абиссинии

По своему политическому устройству Абиссиния делится на известное число областей: Тигрэ, Гондар, Шоа, Улиамо, Уоло, Галла Арусси, Галла Коту, Харрар, Данакиль, Сомали и т. д.

Население Тигрэ составляет 2 миллиона жителей. Это превосходные воины, но, к несчастью, очень независимого и буйного нрава. К тому же многие из них мусульмане и питают мало сочувствия к итальянцам.

В Гондаре и Шоа живет от 6 до 7 миллионов чистокровных абиссинцев, почти сплошь православных и обладающих следующими качествами: духом дисциплины и подчинения вождям; храбростью и стойкостью в бою (это победители итальянцев); выносливостью и привычкой к лишениям — до такой степени, что человек опережает лошадь на пробеге в 30 километров и что при переходах, длящихся несколько

недель, каждый человек несет на себе запас провианта, необходимый для своего прокормления. Будучи горцами, они способны выносить самый суровый климат.

Племена Улиамо и Уоло — это покоренные абиссинцами негры. Из них выходят хорошие воины, но они скорее годятся для обозных и санитарных частей. В эту же категорию можно отнести племя Галла Коту.

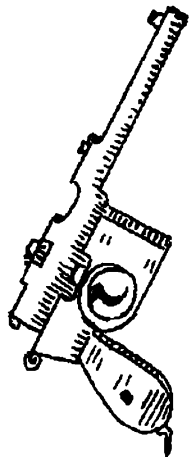
Племя Галла Арусси обладает теми же качествами, что и абиссинцы, и вдобавок гигантским ростом и атлетическим сложением. Данакильцы, сомалийцы и часть харраритов храбры, ловки и воинственны, но с трудом подчиняются дисциплине. Их можно было бы использовать для образования отрядов разведчиков, чистильщиков окопов и тому подобных заданий.

Помимо того, в Абиссинии имеются очень хорошие лошади и мулы. Средняя цена лошади равнялась до войны 25 франкам, а мула — 100 франкам. Всегда можно было бы получить несколько тысяч этих животных для военных надобностей.

Политическая обстановка в Абиссинии следующая: страна управляется императором (в данный момент — императрицей, которой помогает знакомый мне князь, рас Тафари, сын раса Маконена) и советом министров. Кроме того, в каждой области имеется почти независимый губернатор и ряд вождей при нем.

Чтобы начать набирать вождей с отрядами от 100 до 500 человек, необходимо получить разрешение от центрального и областных правительств. Расходы составят, несомненно, меньшую сумму, чем в такого же рода экспедициях в других частях Африки, благодаря легкости сообщений и воинственному нраву жителей.

Я побывал в Абиссинии три раза и в общей сложности провел в этой стране почти два года. Я прожил три месяца в Харраре, где я бывал у раса Тафари, некогда губернатора этого города. Я жил также четыре месяца в столице Абиссинии Аддис-Абебе, где познакомился со многими министрами и вождями и был представлен ко двору бывшего императора российским поверенным в делах в Абиссинии. Свое послед-

нее путешествие я совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Российской Академией наук».

Это единственный на сегодня обнародованный документ, подтверждающий то, что великий поэт и романтик был в другой своей ипостаси русским разведчиком. Возможно, других документов просто и нет — не пощадил отечественные архивы горячий XX век. А может, не пришло время их рассекретить.

Попробуем по крупницам собрать косвенные сведения, касающиеся работы Николая Степановича в качестве добытчика секретных сведений и аналитика разведывательной информации. Подспорьем нам послужат воспоминания о поэте и, разумеется, его путевые африканские дневники. Особенно подробно рассмотрим его экспедицию 1913 года, самую длительную и насыщенную в преддверии Первой мировой войны и трехлетней гражданской войны в Эфиопии (1914–1917 годы)

Прирожденный путешественник

Еще в детстве проявилась его тяга к путешествиям. Тут свою роль сыграли наверняка и гены. Родился Гумилёв 3 апреля 1886 года в городе-порте Кронштадте. Отец, Степан Яковлевич Гумилёв, был морским врачом, не раз ходившим в кругосветные путешествия; мать, Анна Ивановна Львова, была сестрой адмирала Ивана Львовича Львова.

Коля Гумилёв в детстве много болел, но фантазии уносили его далеко от постели, компрессов на горле и тумбочки с пилюлями и микстурами. Он читал запоем Майна Рида, Жюль Верна, Фенимора Купера, Гюстава Эмара. Любимыми книгами его были «Дети капитана Гранта» и «Путешествие капитана Гаттераса». Петербургская квартира Гумилёвых была обиталищем попугаев, собак, тритонов. Романтический Николай мастерил на досуге картонные латы, шлемы, доспехи. Так вызревали две его страсти — к экзотическим путешествиям и приключениям, часто опасным, и, конечно, к литературе.

Но пока свои путешествия мальчик, а потом юноша совершал в границах Российской империи. Семья Гумилёвых переезжает в Тифлис, где Николай подолгу гуляет в горах. Там его ждет первая публикация — в газете «Тифлисский листок». Его стихотворение «Я в лес бежал из городов» — тоже ведь о путешествии:

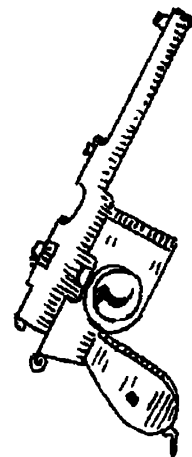
Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

В 1903 году семья переезжает в Царское Село. Учеба в гимназии. Потом — Париж, учеба в Сорбонне. Николай посещает лекции по французской литературе, издает небольшой журнал, где печатает свои стихи под псевдонимом. Тема путешествий не отпускает его. Больше всего его притягивает Африка. Душа его рвется

В страну, где в полночь
Непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

В Африке его прежде всего интересует Абиссиния (нынешняя Эфиопия). Почему именно эта страна?

Россия и Абиссиния

В конце XIX — начале XX века Абиссиния и Россия начали сближаться. Предпосылок к этому было несколько. Прежде всего близость церквей. Абиссинская (Эфиопская) церковь — одна из древних восточных православных церквей; от европейского христианства она откололась за 500 лет до основания Русской церкви. Сходство в обряде и одеянии русских и абиссинских священников было очевидным. Доктринальные различия были отданы на откуп богословам.

Российская элита понимала геополитическую важность укрепления связей России с Абиссинией. Ведь с открытием Суэцкого канала Абиссиния оказалась на океанском пути из Европы в Азию и на Дальний Восток. Российское правительство намеревалось обеспечить свой флот гаванью на пути из Одессы во Владивосток, чтобы не зависеть от желания или нежелания западных стран снабжать русские корабли углем в дальнем переходе.

В то же время негус-негести (император, «царь царей») Абиссинии с 1889 года, Менелик II видел в России державу, не заинтересованную в колониальном захвате африканских территорий и готовую поставлять современное оружие, которое было ему необходимо для защиты независимости своей страны.

Новый этап российско-абиссинского сближения пришелся на начало итало-абиссинской войны 1895–1896 годов, когда итальянская армия вторглась во владения Менелика II. Попытка колонизировать африканскую страну закончилась для Италии полным поражением и даже контрибуцией.

В марте 1896 года Российское общество Красного Креста отправило в Абиссинию санитарный отряд. В Аддис-Абебе стал действовать русский госпиталь. В феврале 1898 года в столицу Абиссинии прибыла российская императорская миссия. Были установлены дипломатические отношения между странами.

В Петербурге даже поговаривали о том, что было бы неплохо... присоединить Абиссинию к России! Об этих настроениях позже вспоминал писатель Виктор Шкловский: «Хорошо бы присоединить кафров и Абиссинию к русской империи. Об этом в газетах не столько говорили, сколько проговаривались».

Увлечение «колдовской страной» Абиссинией охватило и Николая Гумилёва.

Экспедиция 1913 года

Первые две африканские поездки, 1907 и 1910 годов, Гумилёв совершил на свой страх и риск. Его вели на Черный

континент страсть к приключениям и желание произвести впечатление на Анну Горенко, которая станет в 1910 году Горенко-Гумилёвой. После развода с Николаем в 1918 году она возьмет фамилию Ахматова.

Но нас интересует третья экспедиция Николая Гумилёва. Эту поездку профинансировало правительство Российской империи. Официально это была научная этнографическая экспедиция под патронатом Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Назначить руководителем экспедиции двадцатисемилетнего поэта предложил и в необходимости этого убедил своих коллег директор музея, академик и действительный тайный советник Василий Радлов.

Гумилёв получает оружие и боеприпасы в Главном артиллерийском управлении, ему обеспечен бесплатный проезд на пароходе Российского добровольного флота. С собой он везет рекомендательные письма к российскому вице-консулу в Джибути и в Русскую православную миссию в Абиссинии.

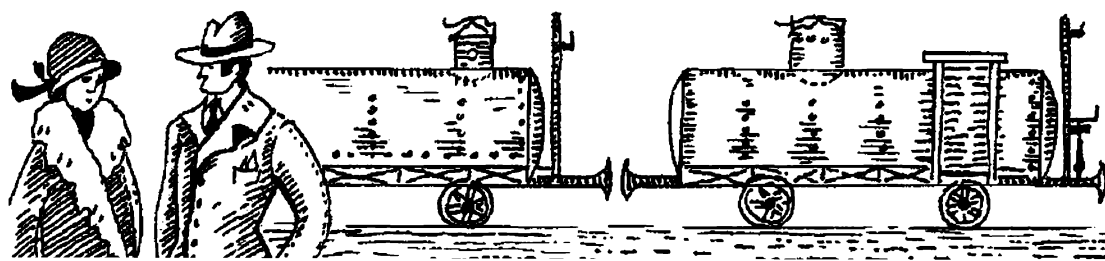
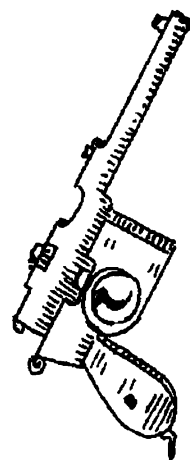
Из «Африканского дневника» Гумилёва:

«Я должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, оттуда по железной дороге к Харару, потом, составив караван, на юг в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции».

В белоснежных костюмах и шляпах 1 апреля 1913 года в семь часов вечера Николай Гумилёв и его племянник (и ассистент в экспедиции) Николай Сверчков на теплоходе «Тамбов» отплыли в Константинополь. А дальше их путь лежал в Абиссинию, где они провели четыре месяца.

Гумилёв обстоятельно описывает в своем «Африканском дневнике» эту поездку. Но иногда невольно спотыкаешься при чтении, когда, например, встречаешь такие места:

«В Константинополе к нам присоединился еще один пассажир, турецкий консул, только что назначенный в Харар... Мы с ним уговорились предложить турецкому правитель-

ству послать инструкторов на Сомалийский полуостров, чтобы устроить иррегулярное войско из тамошних мусульман. Оно могло бы служить для усмирения вечно бунтующих арабов Йемена, тем более что турки не переносят аравийской жары».

Вряд ли этот пассаж относится к антропологии и этнографии. А вот еще один фрагмент, где дается подробная характеристика будущего императора Эфиопии Хайле Селассие I, который впоследствии правил своей страной аж до 1974 года:

«Это юноша 18–19 лет, который по требованию харарского войска был, несмотря на свою молодость, назначен генерал-губернатором или, лучше сказать, владельцем Харара. Молодой мальчик, худенький, только что перенесший воспаление легких, он видом скорее напоминал безмолвную куклу. Носит по отцу титул высочества. Понимает он, впрочем, по-французски и имеет при себе переводчика-абиссинца, католика, знающего французский язык. Прекрасна у Тафари (имя Хайле Селассие I до коронации. — *Ред.*) его улыбка, которая делает его одновременно привлекательным и живым».

Речь идет о важной политической фигуре. Для кого подмечались детали характера будущего регента, а потом императора страны? Для музея? Для читателей? Или все же для Генштаба?

Военный разведчик-кавалерист

В 1914 году, когда привычную жизнь Европы начала корчить начавшаяся Первая мировая война, Николай Гумилёв решает для себя: воевать за Россию — это теперь главное в его жизни. Воевать не только поэтическим словом, но и в буквальном смысле слова, не боясь крови, боли и смерти. Он добивается, чтобы его, несмотря на близорукость и небольшое косоглазие, взяли на действительную военную службу.

Местом его службы стал сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде. В ожидании боевых походов частным образом за собственные деньги он обучился владеть шашкой. Современник поэта Андрей Левинсон писал:

«Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание».

Главный редактор журнала «Аполлон» Сергей Маковский вспоминал о своих встречах с Гумилёвым:

«Не раз встречался я с ним летом 1915 и 1916 годов, когда он приезжал с фронта в отпуск, гордясь двумя солдатскими Георгиями... за участие в боях... Во время второго отпуска, после того, как он был произведен за отличие в боях в унтер-офицеры, Николай Степанович получил разрешение сдать экзамены на офицерский чин. Весной... получил он, по своему желанию, командировку от Временного правительства в русский экспедиционный корпус...»

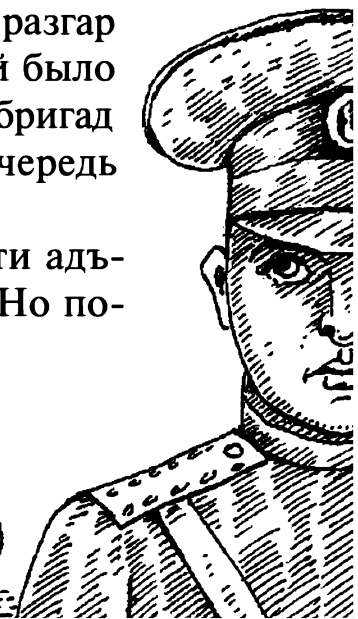
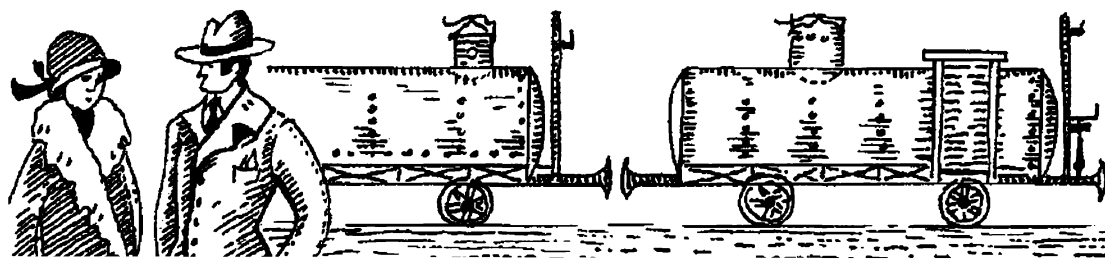
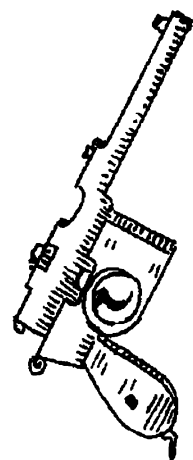
Речь идет о весне 1917 года. Весна эта была наполнена смесью горечи и вдохновения, иллюзиями и разочарованиями, кровью, слезами и надеждами. Власть законная и привычная в лице императора рассыпалась в прах, Временное правительство было в политической лихорадке. Наступали, по выражению Ивана Бунина, «окаянные дни».

Прапорщик Гумилёв получает новое назначение. 27 апреля в штаб кавалерийской дивизии, где он служил, поступила телеграмма из Главного управления Генерального штаба:

«Прошу телеграфировать Петроград... не встречается ли препятствий и достаивается ли Вами прапорщик Александрейского полка Гумилёв к командированию в состав наших войск Салоникского фронта тчк Начальник мобилизационного отделения ГУГШ полковник Саттеруп тчк».

15 мая Николай Гумилёв покинул Петроград и направился в русский экспедиционный корпус в Париже. Еще в разгар Первой мировой войны между Россией и Францией было заключено соглашение об отправке четырех пехотных бригад на Французский и Салоникский фронты. В свою очередь Франция обязалась поставлять военное снаряжение.

В Париже Гумилёв проходит службу в должности адъютанта при комиссаре Временного правительства. Но по-

сле падения Временного правительства и прихода к власти большевиков во главе с Лениным Гумилёв решает отправиться в Персию и участвовать в Месопотамской кампании, в боевых действиях между войсками Британской империи (в основном индийскими) и армией Османской империи.

В письме к своей возлюбленной Ларисе Рейснер он писал: «Я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмирением бахтиаров. Закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана...»

Но этим планам не суждено было сбыться. Вместо Персии он оказывается в Лондоне.

Шифровки о поставках оружия

Уже упоминавшийся Борис Анреп в годы Первой мировой войны работал в Лондоне в Русском правительственном комитете, который занимался поставками вооружения в Россию. Вероятно, он был связан с русской разведкой. И вот по протекции Анрепа Николай Гумилёв три месяца работал в Комитете. Ни много ни мало — шифровальщиком. Ничего удивительного нет в том, что в архиве Анрепа сохранился рапорт Гумилёва, точнее та самая «Записка об Абиссинии». Есть версия, что документ передала Анрепу Анна Ахматова. Но не исключено, что это сделал сам Гумилёв, так как и он, и Анреп доверяли друг другу.

(Впервые «Записка об Абиссинии», вместе с послужным списком Н.С. Гумилёва, была опубликована в статье Г.П. Струве в нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 16 декабря 1947 года. Был ли дан этой записке какой-нибудь ход — не известно).

Из Лондона Гумилёв возвращается в Россию, уже советскую. Там его ждут развод с Ахматовой, женитьба на Анне Энгельгардт, преподавание в Институте живого слова, работа в Петроградском отделе Всероссийского союза поэтов. Публикации стихотворных сборников. А потом...

Неправый суд и быстрая казнь

А потом — арест в августе 1921 года по подозрению в участии в надуманном ВЧК заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева».

Быстрый неправый суд — и Гумилёва вместе с другими 56 осужденными расстреляли в ночь на 26 августа 1921 года.

...У Николая Гумилёва есть стихотворение «Смерть». Там такие строки:

...Смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

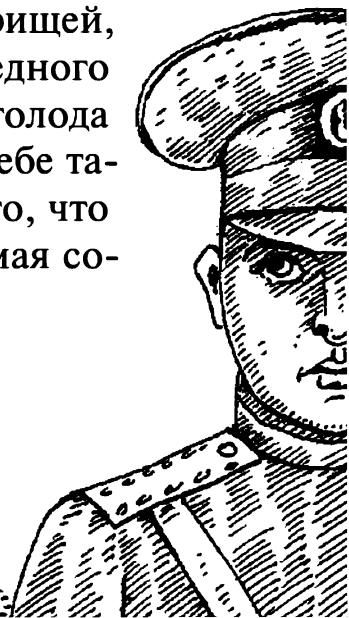
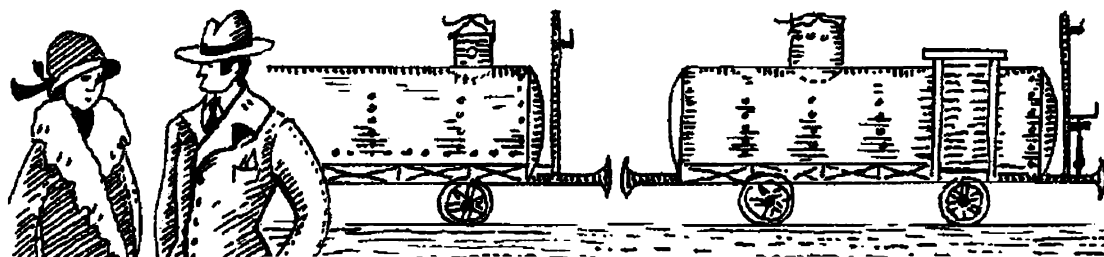
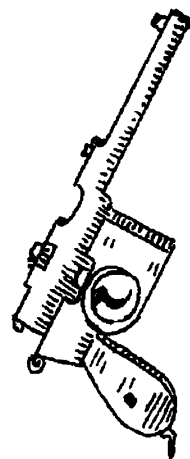
Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Нет, не осталось даже едва заметного холма. Точное место расстрела и захоронения поэта неизвестно. У Гумилёва нет могилы. Его кенотафом стали его стихи и путевые дневники.

Романтик и военный разведчик
Владимир Арсеньев

Выжить любой ценой

Звезды расплывались в глазах Арсеньева. Он сидел в одиночестве на берегу реки, в отдалении от своих товарищей, и плакал. Плакал не от выпавшего на его долю очередного испытания (мало ли их бывало в его жизни), не от голода и не от холода (еще чего! — разве может позволить себе такую слабость боевой офицер!), нет, он плакал от того, что сейчас совершит предательство. Была ночь, и любимая собака спала.

Удар ножом в теплый пушистый бок, прямо в сердце... смерть мгновенная. «Прости, Альпа, другой еды нет. А я не могу рисковать жизнью моих товарищей по экспедиции».

Утром обросшие бородами, оголодавшие и измученные члены отряда Владимира Арсеньева ели мясо пойнтера. Не было больше с ними белой, с темно-коричневыми пятнами и большими лапами, Альпы, любимицы не только начальника, но и всех, кто ушел в экспедицию в северную часть Уссурийского края. Но была еда. Без нее не выжить.

Пересекая горную реку на склоне хребта Сихотэ-Алинь, экспедиция чуть не погибла: лодка ударилась об упавшую в воду сосну и разбилась. Оружие, продукты, медикаменты унес бурный поток... Теперь — костер. Мясо собаки. Жаль, что лес «пустынный», еды никакой в нем не добудешь. Благо, что есть вода из реки. Главное — не пасть духом. Спасательный отряд прибудет рано или поздно.

Арсеньев прилег на еловые ветки в своем, тоже еловом, шалаше. Ждать — вот их главное занятие на ближайшее время... Да, тяжела и опасна каждая экспедиция. Но ведь он сам отказался от тихой и спокойно жизни. Иначе жизнь потеряла бы вкус. Поэтому-то на стыке веков он подал рапорт, который в корне изменил его жизнь.

Свитки тайного общества

Подпоручик Владимир Арсеньев подал рапорт с ходатайством о переводе его из Польши в одну из пехотных частей Приамурского округа или Квантунской области в январе 1900 года. Просьбу удовлетворили. В мае он отправился по месту назначения в первый Владивостокский крепостной пехотный полк. Но добрался лишь в августе, так как в составе Благовещенского отряда генерала Грибского пережил бомбардировку города, а потом сражался с китайскими диверсантами у города Сахалян. Боевое крещение увенчалось серебряной медалью «За поход в Китай».

Потом — должность начальника Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды. А в январе 1904 года

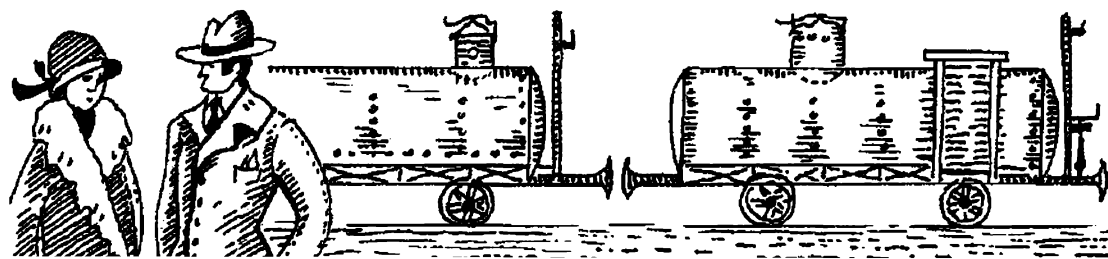
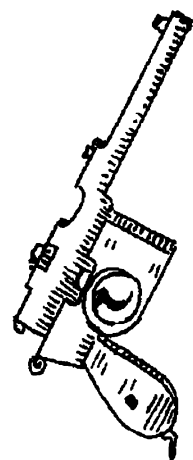
грянула Русско-японская война. Южно-Уссурийский край стал прифронтовым. На конно-охотничьи команды сибирских стрелковых полков были возложены задачи разведки и охраны побережья и сухопутных подступов к крепости. После того как японские корабли обстреляли Владивосток и крепости, конно-охотничьи команды были сведены в летучий отряд (батальон) во главе с подпоручиком Арсеньевым.

Отряд вел постоянную рекогносцировку местности. О значимости и результатах разведки свидетельствует вторая боевая награда подпоручика Арсеньева: 18 августа 1904 года был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». Позже он получил еще два ордена: Святого Станислава и Святой Анны III степени.

В июле 1904 года вместе с инженер-капитаном Ф. Постниковым Арсеньев занимался отладкой взаимодействия наземной и воздушной (новинка в те времена!) разведок. Воздушный шар «Чайка» объемом 400 кубических метров был поднят в небо с транспортного судна «Колыма», пришвартованного близ мыса Эгершельда.

Во время Русско-японской войны Арсеньев и его подчиненные вели разведку в районе станции Надеждинской, по рекам Суйфун и Майхе и даже в Корее, где была группировка японцев. Отважному поручику и его разведчикам не раз приходилось переплывать через пограничную реку Тюмень-Ула, чтобы добыть «языка» в лагере противника.

В 1906 году группа Арсеньева впервые перевалила через горный хребет Сихотэ-Алинь. И вот новая сихотэ-алиньская экспедиция, которая стартовала 24 июня 1908 года. В ее состав входили хозяйственник Т. Николаев, флорист Н. Десулави, геолог С. Гусев, охотовед и сотрудник журнала «Наша охота» И. Дзюль, десять стрелков Восточно-Сибирского стрелкового полка, двое казаков из Уссурийского казачьего дивизиона, а также двое проводников — китаец Чжан Бао и нанец Тимофей Косяков. Экспедиция спустилась на лодках по течению Амура, достигла селения Троицкое, а потом поднялась по его правому притоку Анюю. Пройдя многочисленные мели, косы, каменистые пороги, 1 августа группа

достигла перевала через хребет Сихотэ-Алинь. И именно тут, в, казалось бы, уже знакомом и изученном месте, Арсеньева и его товарищей подстерегла та самая злокозненная сосна, о которую разбилась лодка.

«Это были настоящие скелеты...»

Арсеньеву не спалось. Он думал о том, что, наверное, было бы легче, если бы рядом с ним был нанаец Дерсу Узала. Он придумал бы, как выйти из положения. Как пропитаться, не убивая собаку. Недаром он называл себя «лесным человеком». С 1902 по 1907 год Арсеньев и Узала вместе прошли многие километры уссурийской тайги. Особенно нравились Арсеньеву горные вершины, где тропические лилии, лотос, маньчжурский абрикос соседствовали с пихтами и елями, кустами брусники, голубики, клюквы.

Арсеньев и Узала стали близкими друзьями. Когда в 1907 году Дерсу почти ослеп, Арсеньев пригласил его жить в своем доме в Хабаровске. Но лесному человеку было «душно» в четырех стенах. И он отправился пешком из Приамурья в Приморский край, домой, к истокам реки Уссури. По пути погиб. Скорее всего, от руки беглого каторжника.

Тяжелые мысли мучали Арсеньева. Но что это? Голоса! Да ведь это спасатели!

В архиве Приамурского отдела Русского географического общества сохранился отчет спасателей, добравшихся до потерпевшего бедствие отряда Владимира Арсеньева: «На людей было страшно смотреть. Это были настоящие скелеты, только обтянутые кожей. Некоторые были еще в силах подняться, остальные же лежали на земле без движения. Когда стали подходить лодки, силы оставили и Арсеньева. В эту минуту он почувствовал, что не может стоять на ногах, и лег на землю. Опоздай отряд стрелков еще суток на двое-трое, и, вероятно, у Арсеньева трех четвертей людей недосчитались бы живыми».

В книге «В горах Сихотэ-Алиня» Арсеньев потом напишет о том, что еще долгие годы будет его мучить, — о любимой

собаке: «Бедная Альпа! Восемь лет она делила со мной все невзгоды походной жизни. Своей смертью она спасла меня и моих спутников».

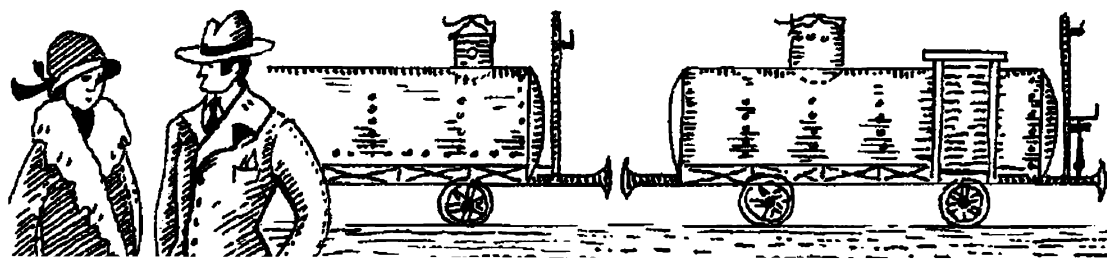
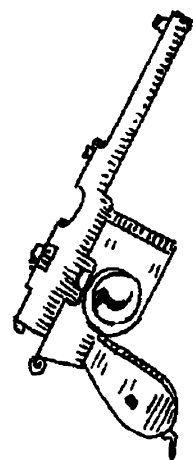
«Собрать самые обстоятельные сведения»

Китайские браконьеры постоянно покушались на природные богатства Приморья. Надо было укреплять охрану границы. В 1911 году во главе спецотряда по поиску и задержанию нарушителей границы на территории нынешних Уссурийского, Пограничного и Ханкайского муниципальных образований был поставлен Владимир Арсеньев.

17 июня 1911 года генерал-губернатор Приамурья Николай Львович Гондатти подписал секретную инструкцию следующего содержания (приводится в сокращении):

«Штабс-капитану Арсеньеву В. К. — начальнику экспедиции, командированной распоряжением Приамурского генерал-губернатора на побережье Японского моря к северу от залива Св. Ольги для выяснения условий проживания там китайцев, для ареста и выселения не имеющих прав жительства — собрать самые обстоятельные сведения о китайцах по следующей программе:

- Хунхузы, район их деятельности, численность.
- Элемент наиболее беспокойный и подозрительный.
- У кого какое оружие.
- Выяснить личные отношения между русскими, китайцами и инородцами.
- Организовать тайную агентуру с денежным вознаграждением.
- Ко времени прихода парохода арестовать тех китайцев, которые окажутся, на основании собранных сведений, наиболее вредным элементом.
- Арестовать представителей власти китайской нелегальной организации.
- Отобрать оружие.
- Опий, найденный при обыске и предназначенный для продажи, отбирать и при актах отправлять во Владивосток.

- Вести дневник ежедневно.
- Воспрещать чинам отряда ходить по китайским фанзам в одиночку».

Документы свидетельствуют: в январе 1913 года Арсеньев с отрядом казаков разыскал, задержал в верховьях Бикина и выдворил из России отряд хунхузов (китайских бандитов) численностью 16 человек, а в верховьях Имана уничтожил 36 лесных баз китайских браконьеров. Борьбу с хунхузами-браконьерами Арсеньев вел также в Уссурийске, Дальнереченске, Ольге.

Знакомство с Нансеном

В 1913 году в Хабаровске побывал знаменитый норвежский ученый и путешественник Фритъоф Нансен. В своей книге «В страну будущего» он писал, что ему было чему поучиться у бывалого путешественника Арсеньева.

Нансен и Арсеньев обсуждали план дерзкого похода из Хабаровска к Ледовитому океану на собаках и оленях, а затем морем во Владивосток. Но Октябрьская революция нарушила эти планы.

Новая власть назначила Арсеньева комиссаром по инородческим делам Приамурской области.

Неблагоденный

Арсеньев был счастлив в личной жизни. Но то, что происходило в стране, не доставляло ему радости. Малоизвестный факт: сохранилось письмо, подтверждающее сотрудничество Арсеньева сразу после революции... с офицерами из американского экспедиционного корпуса, которым он помогал топографическими картами. Предательство? Ни в коем случае! США в то время боялись усиления на Дальнем Востоке Японии и вольно или невольно способствовали установлению советской власти.

Разруха, кровь, злоупотребления новых властей — все это угнетало Арсеньева. Позже он напишет:

«В 1918 году я мог уехать в Америку, а в следующем 1919 году — в Новую Гвинею. Но я уклонился от того и другого предложения. Я мог бы уехать совершенно легально, но новые власти в известной степени расценили бы мой поступок как побег. Я должен был бы поставить крест на всей своей исследовательской работе. Мои родные, друзья и знакомые находились в бедственном положении, а я вместо того, чтобы как-нибудь помочь им, бежал бы, бросив их на произвол судьбы».

Он пришел к такому печальному выводу:

«Таким экспедициям, как мои, имеющим цель естественно-историческую, пришел конец. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старым исследователям и путешественникам, пришли новые люди. Скорей бы кончилась эта солдатская эпоха со всеми ее жестокостями и насилием».

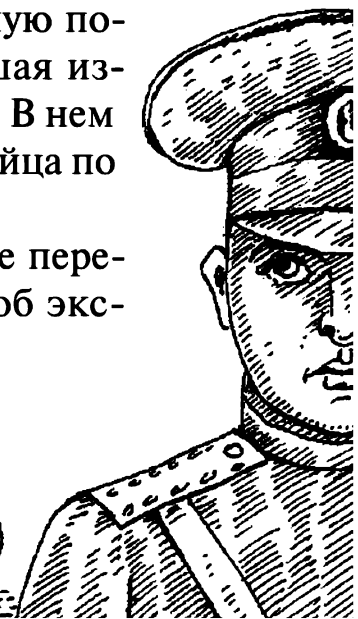
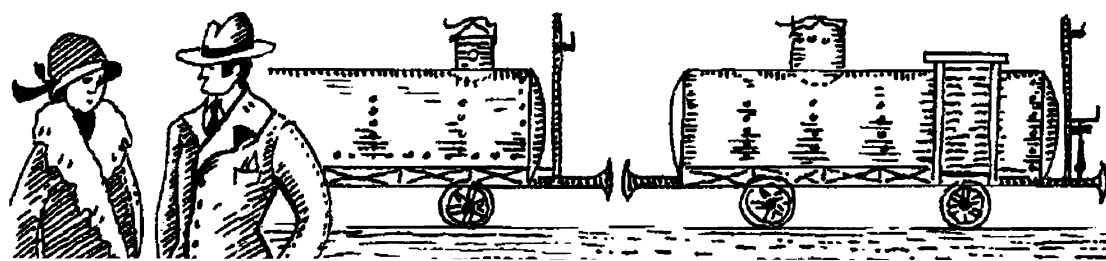
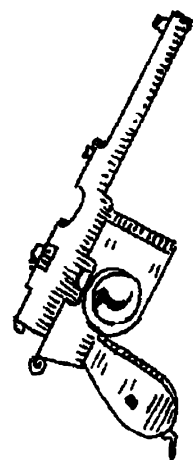
В 1922 году бывшего царского офицера Арсеньева поставили на оперативный учет в ОГПУ. Его подозревали в предательском сотрудничестве с японцами. В 1926 году к нему появились новые претензии — якобы он ведет враждебную пропаганду. Арсеньев с горечью пишет:

«Если бы не близкие мне люди, если бы я был один, я бы давно ушел далеко-далеко в горы, подальше от города, от толпы, от фальши, зависти и злобы, которые ныне пропитали всю нашу жизнь, как воды губку в море. Ушел бы в такие дебри, в такую глушь, куда никто проникнуть не сумеет. И никто никогда бы там меня не нашел».

Писательские успехи

Тем временем книги Арсеньева набирают все большую популярность. Главная среди них, быстро приобретающая известность, — приключенческий роман «Дерсу Узала». В нем описывается путешествие Арсеньева и его друга-нанайца по восточной Маньчжурии.

По сути, это даже не роман, а скорее литературное переложение дневников и военных отчетов Арсеньева об экс-

педиции в дебри Уссурийской тайги, где он занимался военной топографией и изучал местное китайское население. И — дань памяти своему другу, «лесному человеку».

Кино, спецслужбы и фальсификации

В 70-х годах прошлого века самую известную книгу Арсеньева «Дерсу Узала» взялся экранизировать всемирно известный японский режиссер Акира Куросава. Он собирался снимать в Приморье, одном из самых закрытых пограничных районов СССР, где была база Тихоокеанского флота. Тем не менее японской съемочной группе разрешили туда въехать. Разрешение на съемки фильма было дано КГБ с одобрения ЦК КПСС, где надеялись: имя прославленного режиссера будет способствовать пропаганде успехов Страны Советов.

При этом было решено внедрить несколько агентов КГБ в российскую часть съемочной группы. Как много позже рассказывали журналистам чекисты, входившие в группу, они знали, что в составе команды Куросавы были сотрудники японских спецслужб. Так как у съемочной группы Акиры Куросавы была хорошая кино- и фотоаппаратура и киношники (а вместе с ними японские разведчики и наши контрразведчики) частенько взбиралась на высокие горы Сихотэ-Алиня, то решено было вывести из бухты Ракушка, которая хорошо просматривалась сверху, все военные суда.

Словом, проблем не возникло. Но после выхода фильма на экраны и особенно после того, как лента в 1976 году получила «Оскара», в Японии стали поговаривать, что, мол, и Арсеньев, и Узала были шпионами: первый — английским (и/или ватиканским), а второй — японским.

Суть сводилась к следующему: дескать, Владимир Арсеньев был завербован британской разведкой (по другой версии — Ватиканом) еще до перевода на Дальний Восток, когда служил в Польше. А Дерсу Узала на самом деле был хорошо законспирированным японским разведчиком. Он как бы случайно вышел из тайги на русский отряд, и Арсеньев взял

в проводники вражеского лазутчика (напомним, в это время шла Русско-японская война).

Болезненной фантазии нет предела: выведав русские военные секреты и выполнив свое задание, «японский шпион» Дерсу Узала симитировал собственную смерть, подкинув труп похожего на него человека, после чего отбыл в Токио.

Никаких документальных подтверждений на сей счет не приводится. Если, конечно, не считать «железного аргумента»: Акира Куросава потому и снял фильм «Дерсу Узала», что хотел прославить засекреченного японского разведчика...

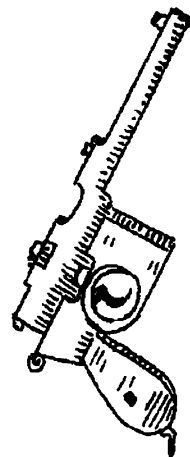
Остается только развести руками. И удивляться тому, что все это воспроизводят в своих книгах некоторые российские литераторы и журналисты.

Ноты и шифры Надежды Плевицкой

Ловушка для генерала Миллера

Полдень, 22 сентября 1937 года, Париж, угол улиц Жасмен и Раффе. Брусчатка в желтых заплатках осенних листьев. Генерал Евгений Миллер, руководитель Русского общевосточного союза — обосновавшейся в Париже эмигрантской военизированной организации, плотный мужчина с длинными усами кончиками вверх, запахивает плащ, смотрит на часы-брегет. Он ждет своего подчиненного: через несколько минут должен подъехать генерал Скоблин, один из лидеров РОВСа.

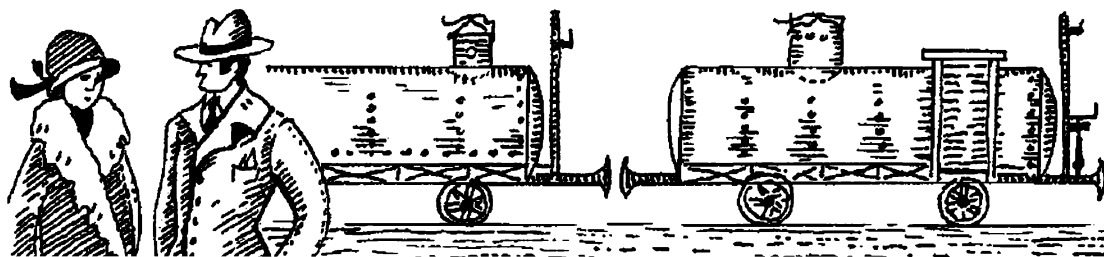

Накануне между ними состоялся такой разговор.

— Николай Владимирович, какие новости по немцам? — спросил Миллер.

— Евгений Карлович, — почтительно, четко и по-военному кратко докладывал Скоблин, — у меня состоялось несколько бесед с представителем германской разведки. Встречались у меня на вилле, в Озуар ла Феррьер.

— Это не опасно для вас и вашей жены? — нахмурился Миллер. — Французская разведка не разнюхала?

— Не думаю, господин генерал. У нас часто бывают поклонники творчества Надежды. Новое лицо на веранде виллы никого не удивит. Уверен, что французская разведка не в курсе.

— Хорошо. Продолжайте. Кто этот немец?

— Он из абвера. Работает под дипломатическим прикрытием. Фамилия его Штроман. С ним будет его коллега, Вернер. Оба прикомандированы к германскому посольству в Париже. Готовы предложить нам сотрудничество. Но хотят прежде встретиться с первым лицом нашего движения. То есть с вами, Евгений Карлович. Предлагаю провести встречу опять-таки на нашей вилле. Они готовы прибыть завтра, не откладывая. А мы с вами могли бы встретиться завтра утром... скажем, на углу Жасмен и Раффе. Если вам удобно. Я подъеду на машине.

Темно-зеленый «пежо» скрипнул тормозными колодками. В салоне виднелись три фигуры. «Он приехал с сопровождающими. Заботится о нашей безопасности», — мысленно отметил Миллер.

— Прошу вас, Евгений Карлович. — Скоблин приоткрыл дверь автомобиля.

Но едва Миллер сел на заднее сиденье, к его рту и носу жесткие руки прижали платки с хлороформом. Машина с впавшим в наркотический обморок главой РОВСа понеслась в направлении Гавра, где генерала ждал стоявший под парами советский теплоход «Мария Ульянова» с приготовленным на борту деревянным ящиком с надписью «Дипломатическая почта». На Лубянке Миллер нужен был живым. У Сталина была идея провести показательный суд над руководителем «белоэмигрантской террористической организации». Впрочем, потом от этой идеи он решил отказаться.

Похищение Миллера было проведено оперативной группой Иностранного отдела ОГПУ с помощью завербованных агентов советской разведки — генерала Скоблина и его жены, известной и любимой в эмигрантских кругах певицы Надежды Плевицкой.

Это была уже вторая, после похищения в 1930 году генерала Кутепова, попытка советских спецслужб поставить во главе Русского общевойскового союза своего агента — генерала Скоблина. Если бы он занял этот пост, это позволило бы советской разведке полностью контролировать РОВС. Но случилась осечка, во многом — по вине Плевицкой, талантливой женщины, в судьбе которой было все: белый патриотизм, красный патриотизм, потом опять белый, были любовь, честолюбие, предательство, триумф и, наконец, трагическое падение и загадочная смерть.

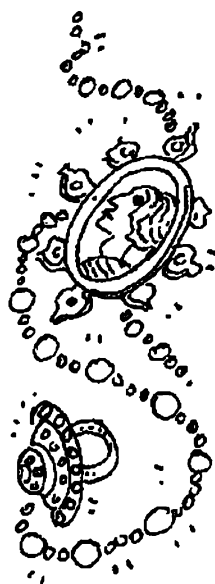
Двенадцатая

Она родилась 17 сентября 1879 года в селе Винниково Курской губернии. Отсюда позже появится ее красивое прозвище в среде поклонников — Курский соловей. Девичья фамилия ее Винникова.

В книге воспоминаний «Дежкин карагод» (Дежкой маленькую Надю звали в семье, а карагод — это хоровод, в переводе с курского крестьянского диалекта), вышедшей в Берлине в 1925 году, Надежда Васильевна писала о своем детстве:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли. Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто “закон” осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами: “Отваляю, по чем ни попало”».

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полны, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено: зимой семья горя с продуктами не знала».

Надежда-Дежка два с половиной года проучилась в церковно-приходской школе, примерно столько же пробыла послушницей в Свято-Троицком монастыре, где пела в хоре. В монастыре она почувствовала, что пение — ее призвание.

Побег

По праздникам Надя навещала родных, иногда ходила на ярмарку. Однажды попала в цирк на ярмарке. И как писала Плевицкая много позже, душу ее смутил «лукавый бес». Она не захотела больше в монастырь, а желала петь в цирке! Девушку приняли в труппу, но когда об этом узнала мать, то со скандалом ее забрала. Надо полагать, при этом матушка «отваляла, по чем ни попало» дочери.

Но Надю уже было не остановить. В Киеве, куда она поехала со своей теткой, она сбегает от родных в поисках своего пути. И на этот раз удачно: поступает в хор в уважаемом киевском ресторане. Девушку взяли на работу, несмотря на то, что она не знала нот. Кстати, писать и читать в то время Надя могла с трудом.

Работу в хоре, которым руководила некая г-жа Липкина, можно считать началом вокальной карьеры Плевицкой (тогда еще Винниковой). Будущий Курский соловей поет народные песни. С началом сольной карьеры этот репертуар станет для нее основным. Позже она напишет:

«Русская песня — простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу».

После хора Липкиной Надежда поступает служить в балетную труппу Штейна. Там она знакомится и выходит замуж за танцора Варшавского театра Эдмунда Плевицкого. Брак продлился недолго, но танцор одарил певицу красивой сценической фамилией.

Надежда пела в разных коллективах Петербурга и Москвы, пока не подписала выгодный ангажемент с московским ресторатором «Яр», популярным среди российской элиты, в том числе художественной. За столиками «Яра» можно было увидеть Савву Морозова, Федора Плевако, Антона Чехова, Александра Куприна, Федора Шаляпина. Именно в «Яре» вчерашняя Дежка Винникова стала звездой русской эстрады, Курским соловьем Надеждой Плевицкой.

В 1909 году на Нижегородской ярмарке ее услышал Леонид Собинов и пригласил спеть вместе на сцене. Это выступление для Надежды стало трамплином. Осенью этого же года она уже пела в Ливадии для царской семьи. Императрица Александра Федоровна подарила Плевицкой брошь с бриллиантами, Николай II — перстень со своей руки.

Шаляпин, с которым она была дружна, как-то, по свидетельству современника, сказал Надежде Васильевне: «Помогай тебе Бог, родная Надюша, пой свои песни, что от земли принесла, у меня таких нет — я слобожанин, не деревенский».

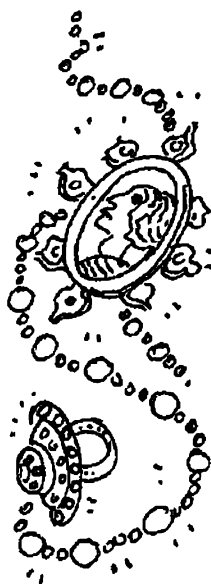
Подлинный триумф Плевицкой — это концерт в Царском Селе в 1912 году. Надежда Васильевна выступала перед императором и его свитой. Она писала в своих мемуарах:

«...Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни этакой царю бы не пела бы, но тогда была простодушна, молода, о политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не таровата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, улавливала слово “кадет” и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус.

А песни-то про горюшко-горькое, про долю мужицкую кому же и петь-рассказывать, как не царю своему батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный. Пела я и про радости, шутила в песнях, и царь смеял-

ся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную. Я пела государю и про московского ямщика:

Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,
И в поле песня раздастся, —
Прощай, родимая Москва!».

Красно-белые страницы

До революции Плевицкая была одной из самых высокооплачиваемых певиц в России. Ее гонорар за концерт составлял в среднем 300 золотых рублей, внушительная сумма по тем временам. Надежда Васильевна вкладывала деньги в недвижимость, она купила несколько просторных квартир, в том числе в Петербурге, и большой черноземный клин в родной Курской губернии.

Она была богата, купалась в славе, строила планы на будущее. Но планы эти вскоре зашатались: началась Первая мировая война. Надежда меняет престижные концертные залы на сколоченные в тылу действующей армии подмости, выступает с концертной бригадой перед солдатами и офицерами. Поет для раненых в лазаретах. В Ковно (нынешний Каунас) она служит сиделкой в военном госпитале, делает перевязки, выносит судна и выслушивает причитания раненых. За службу в лазарете ее наградили орденом Святой Анны.

Фронтовые тяготы и лишения она делит со своим вторым мужем — поручиком Шангиным. Он погиб в бою в 1915 году. Позже Плевицкая связала судьбу с Юрием Левицким, тоже офицером.

Дальше в книге судьбы Надежды — «красно-белые страницы», к тому же неполные. Из отрывочных сведений известно, что в Курске и в Одессе она выступала перед красноармейцами. И вроде следуя за мужем Юрием Левицким, который стал командиром в Красной армии, уже была за большевиков. Осенью 1919 года они попали в плен к белогвардейцам. Здесь

следы Юрия Левицкого теряются, а в биографии Плевицкой снова лакуна.

Мы обнаруживаем ее в симферопольском лазарете, где она выхаживает молодого генерала-корниловца Николая Скоблина. Вскоре она становится его возлюбленной. После того как рухнул последний оплот Белой армии в Крыму, Скоблин и Плевицкая оказались в Турции. Лагерь для перемещенных лиц, который находился на полуострове Галлиполи под Стамбулом, дал им скромный хлеб и кров.

Ему 27 лет. Ей — 42. Они обвенчались в полевой церкви и с тех пор не расставались. Посаженым отцом на их свадьбе был генерал Кутепов, тот самый, которого ОГПУ похитит в 1930 году. Проникновенные тосты и пожелания произносил на свадьбе генерал Миллер, которого советская разведка вывезет в СССР в 1937 году при участии счастливых тогда молодоженов Скоблина и Плевицкой.

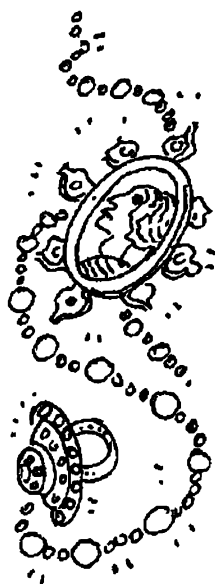
Но мы забежали вперед.

«Генерал Плевицкий»

В Турции Скоблин остается командиром Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии. Полк вскоре переводят в Болгарию, где в 1923 году барон Врангель отрешает Скоблина от командования, и генералу пришлось переqualificироваться в импресарио жены. Недоброжелатели за глаза стали злорадно называть его «генералом Плевицким».

Скоблину удалось устроить гастроли Плевицкой в Прибалтике, Польше, Германии, Швейцарии, Югославии, Франции. Потом в Берлине, Брюсселе, Белграде, наконец в Париже. Вскоре супруги обосновались во французской столице. В 1924 и 1926 году Надежда Плевицкая удачно гастролеровала в США.

В Париже Скоблин становится председателем полкового объединения корниловцев, одним из видных деятелей РОВСа, влиятельной фигурой. Его позиции в эмигрантской, в первую очередь военной, среде усиливаются. И одновременно им начинают интересоваться на Лубянке.

«Фермер» и «Фермерша»

Почему интересуются именно им? В иностранном отделе ОГПУ на него была подготовлена такая справка-характеристика, которая частично дает ответ на этот вопрос:

«Скоблин Николай Владимирович. 1893 года рождения, из дворян Черниговской губернии. Убежденный белогвардеец, одним из первых прибыл на Дон по приказу Корнилова. Генерал-майор, командир Корниловского ударного полка. Галлиполиец. Личностные качества: храбрость, хладнокровие, выдержка, умение расположить к себе окружающих, общительность. Вместе с тем циничен, склонен к интриганству и карьеризму. Существует на доходы от концертной деятельности жены. Может быть взят в разработку в качестве агента».

Циничен, склонен к интриганству и карьеризму... К этому можно добавить то, что он наверняка тяготился тем, что жил на деньги жены. Словом, готовый кандидат на вербовку. И кандидат на пост руководителя РОВСа, как уже говорилось.

Для вербовки Скоблина был выбран бывший сослуживец генерала, штабс-капитан Корниловского ударного полка Петр Ковальский (агентурный псевдоним в картотеке ОГПУ — «Сильвестров»).

После нескольких встреч с экс-штабс-капитаном Скоблин дал согласие сотрудничать с советскими спецслужбами. Ковальский предложил Скоблину отправить на Лубянку по этому поводу письмо. Вскоре оно было составлено:

«ЦИК СССР. От Николая Владимировича Скоблина.

Заявление.

12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений. Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против советской власти и ее органов,

всецело способствовать строительству Советского Союза и обо всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 года».

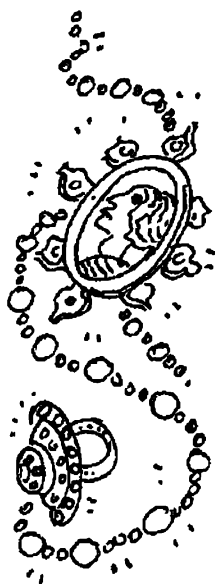
Это письмо Ковальский сопроводил своим комментарием: «Генерал пошел на все и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать. Жена генерала согласилась работать на нас...»

Из Москвы ответили:

«Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его “Фермер”, жену — “Фермерша”. На выдачу денег в сумме 200 американских долларов согласны. Однако деньги ему надо выдавать не вперед, за следующий месяц, а за истекший, так сказать, по результатам работы. Пять тысяч франков выделены.

Однако прежде, чем мы свяжем “Фермера” с кем-либо из наших людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать, и составит о них подробную ориентировку. Возьмите у него обзор о положении в РОВС в настоящее время и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в его работе. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации.

В докладе “Сильвестрова” упоминается о том, что она (имеется в виду Н. Плевицкая. — А. К.) также дала согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно “согласие”. Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она работает, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

Ценные источники информации

Скоблин и Плевицкая стали ценными источниками сведений для советской разведки. Они информировали Москву о заброшке на территорию СССР бывших врангелевских офицеров, о сотрудничестве лидеров белой эмиграции с иностранными спецслужбами, о контактах руководства РОВСа с Германией.

21 января 1931 года в Берлине Скоблин и Плевицкая тайно встретились с представителем ОГПУ. Тот объявил супругам, что ВЦИК персонально амнистировал их, имея в виду их участие в Белом движении. Вскоре в Москву уходит документ такого содержания:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

21/1–31. Берлин.

Б. генерал Н. Скоблин / Н. Плевицкая-Скоблина.

Подписка.

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1–31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин / Надежда Васильевна Плевицкая-Скоблина».

Перед Скоблиным ставится задача укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВСа и других белоэмигрантских организаций. Надежде Плевицкой поручается всячески поддерживать авторитет мужа, в том числе своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВСа. И, разумеет-

ся, им обоим — докладывать через связников информацию, полученную во время светских бесед на приемах, брифингах, журфиксах и даже в гримерке актрисы, куда нередко заглядывали с букетами цветов поклонники и воздыхатели.

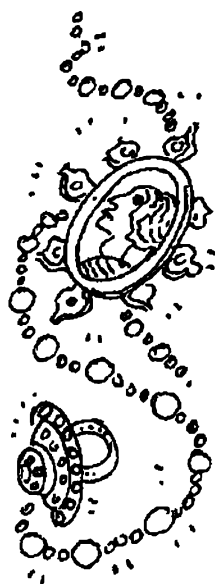
Гастроли Плевицкой по Европе, в которых ее неизменно сопровождал Скоблин, позволяли генералу инспектировать периферийные организации РОВСа и одновременно собирать сведения для советской разведки.

Любимица публики Плевицкая не чуралась простой технической работы: копировала секретные документы РОВСа, которые Скоблин на несколько часов приносил домой, писала агентурные сообщения, встречалась со связниками, в качестве курьера доставляла им копии документов.

Удачная операция и провал генерала

Наконец, поступил приказ о похищении генерала Миллера. Для проведения операции во французскую столицу прибыли асы советской разведки — заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР Сергей Шпигельглас, командированный из Испании резидент советской разведки Александр Орлов и парижский резидент Георгий Косенко. Им в подмогу отправились из Москвы несколько оперативников НКВД. Удачно закончившееся похищение Миллера могло бы стать вершиной разведывательной карьеры Скоблина и Плевицкой и увенчать их высокими советскими наградами. Но получилось иначе.

Первоначальный план был таков. В день похищения утром Скоблин и Плевицкая завтракают в ресторане, на виду многих людей, потом едут в магазин модной одежды, где генерал, сидя в машине, какое-то время ждет жену, пока та занята примерками и покупками, а потом они вместе едут домой. Это должно было происходить на глазах свидетелей, в первую очередь работников бутика. Предполагалось, что в то время, пока Плевицкая будет занята покупками, Скоблин незаметно отъедет, чтобы заманить в ловушку Миллера, а потом, когда дело будет сделано, быстро вернется и припаркуется у входа

в магазин. Но Плевицкая в какой-то момент занервничала, выскочила из бутика, поймала такси и в панике помчалась домой. Через несколько минут к входу бутика подъехал ничего не подозревавший Скоблин. То, что муж и жена разминулись, заметили продавцы и клерки магазина. Потом их показаниягодились французской полиции и контрразведке.

Случилась у похитителей и вторая, более существенная, накладка. Перед тем, как уехать на встречу со Скоблиным, Евгений Миллер сказал начальнику своей канцелярии генералу Кусонскому:

— Я уезжаю на важную встречу с представителями германского Генерального штаба. Надеюсь, она займет не более трех часов. Но на всякий случай оставляю в этом конверте письмо. Прошу не вскрывать до моего возвращения.

Заметив недоуменный взгляд подчиненного, генерал добавил с усмешкой:

— Надеюсь, оно не понадобится. Это некая формальность. Или перестраховка, если угодно. До встречи, Павел Алексеевич.

Исчезновение Миллера было шоком не только для сотрудников РОВСа и эмигрантской русской общественности, но и для всех, кто понимал, о фигуре какого уровня идет речь. Французские газеты выходили с аршинными заголовками на первых полосах, рассказывая об исчезновении русского генерала.

В РОВСе тут же началось расследование обстоятельств дела. Кусонский распечатал конверт и ознакомил своих коллег с письмом Миллера:

«У меня сегодня в 12.30 часов дня свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штроманом и с Вернером, прикомандированным к здешнему германскому посольству. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 г., генерал-лейтенант Миллер».

Сначала генерал Кусонский и заместитель руководителя РОВСа адмирал Кедров пригласили Скоблина на беседу, якобы для того, чтобы уточнить какие-то детали, касающиеся Миллера. Скоблин вел себя спокойно, делал вид, что пытается помочь своим соратникам разобраться в ситуации.

Неожиданно Кусонский и Кедров предъявили Скоблину записку Миллера. Ошеломленный Скоблин понял, что провалился. Он ничего не знал об этой записке. Нашел благовидный предлог, вышел из штаб-квартиры РОВСа и, вскочив в первое же такси, исчез.

Какое-то время Скоблин скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем, по некоторым данным, на самолете был переправлен в Москву; по другой версии — в Испанию.

В 1993 году были рассекречены документы о деле Миллера. Обнародовано, в частности, письмо Скоблина, написанное им после бегства из Франции. Скоблин пишет советскому резиденту в Париже:

«11 ноября 37. Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особой гордостью, ибо в настоящий момент я весь, целиком, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября (день похищения генерала Миллера). Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе...»

В каких условиях и где было написано это письмо — не ясно. Бросается в глаза сервильный стиль послания. Это тем более раздражает, когда знаешь, что Скоблин, спасая свою жизнь, в панике бросил жену, друга и помощника. Он не мог не знать, что она будет арестована. Сотрудники полиции и французского Второго бюро (контрразведка) нашли в квартире Скоблина и Плевицкой 7500 франков, 50 долларов и 50 фунтов стерлингов, а самое главное — шифроблокнот. Эти немалые даже для Плевицкой деньги и шпионский атрибут стали поводом для возбуждения следственного дела, а по-

сле — уликами для выдвижения ей обвинения в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним», и чуть позже — в шпионаже в пользу СССР. 24 сентября 1937 года Плевицкую арестовали.

Бесспорные улики

Следствие по делу Плевицкой французские власти вели больше года. Им удалось поминутно восстановить события того дня, когда был похищен Миллер, и то, чем занимались в тот или иной момент Плевицкая и Скоблин. Следствие пришло к выводу: в промежутке между 11 часами 55 минутами и 13 часами 35 минутами Скоблина никто не видел, то есть у генерала нет алиби, и он вполне мог бы участвовать в похищении председателя РОВСа.

Плевицкая путалась в мелочах, сбивалась. Она совсем не готова к допросам. Адъютант Скоблина, капитан Григуль, передал полиции блокнот генерала Скоблина, который Плевицкая передала на хранение дочери этого самого адъютанта. На одном из листков французский следователь обнаружил запись:

«Особо секретным денежным письмом. Шифр: пользоваться Евангелием от Иоанна, глава XI. Числитель означает стих, знаменатель — букву. При химическом способе: двухпроцентный раствор серной кислоты. Писать между строк белым пером. Проявлять утюгом. Письмо зашифровывается: милостивый государь без многоуважаемый».

1 октября 1937 года в парижском Дворце правосудия Плевицкую ждало серьезное потрясение: следователь пригласил присутствовать при допросе жену и сына похищенного генерала Миллера. Стенограмма передает испуг и растерянность Плевицкой:

«Наталья Миллер: Вы же знаете, что случилось. Вы обязаны помочь найти наших мужей.

Надежда Плевицкая: Но я ничего не знаю, я ни в чем не виновата.

Наталья Миллер: Умоляю вас, скажите всю правду, все, что вы знаете.

Надежда Плевицкая: Но я в самом деле ничего не знаю! Как вы могли поверить этим подлым слухам?

Следователь: Скажите, а почему вы не пришли к мадам Миллер, узнав о постигшем ее горе? Ведь эта семья была вам не чужой.

Надежда Плевицкая: Не знаю. Об этом совсем не думала».

Во время допроса следователь вытащил из ящика стола записную книжку Скоблина и показал ее Плевицкой. После паузы прозвучал вопрос, который окончательно ее сразил:

— Скажите, что означает эта запись в блокноте вашего мужа: «Передать Е.К. о свидании в 12 ч. 30 м. — 12 час. поговорим»?

После паузы Плевицкая ответила тихим глухим голосом:

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю...

На что следователь мгновенно отреагировал:

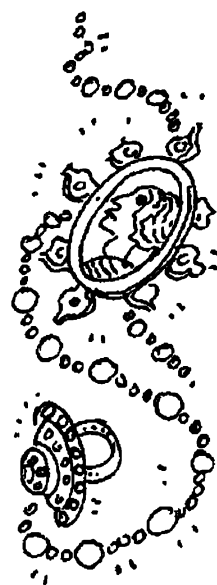
— Ваш муж заманил генерала Миллера на свидание. Он главный виновник похищения. А вы, мадам Плевицкая, — его сообщница.

Дело было передано в суд. 14 декабря 1938 года старшина присяжных огласил вердикт: признана виновной по всем пунктам обвинения.

Французская тюрьма под контролем гестапо

Рано утром жители французского города Ренн услышали на улицах поступь сухопутных колонн, цоканье лошадиных копыт, а после и лязг железных гусениц. Немецкие войска вошли в город. Стоял жаркий июнь 1940 года. Французы были в растерянности. Соппротивление начнется позже, а пока жители небольшого французского городка молча наблюдали, как на фасадах зданий затрепетали на ветру красно-белые флаги с черными свастиками. В магазинах, кафе и ресторанах начали появляться щеголявшие в темно-серой отутюженной форме немецкие офицеры.

В первый же день после ввода войск в Ренн гестапо взяло под контроль местную тюрьму. Офицер, которому было поручено исследовать личные дела осужденных, обнаружил, что

в одной из камер сидит советская шпионка, осужденная на двадцать лет французским судом — русская певица Надежда Васильевна Плевицкая.

Заключенная была в депрессии, почти не ела, иногда что-то писала, негромко напевая. Она очень плохо себя чувствовала. В ее личном деле было записано, что весной 1940 года ее посетил православный священник.

5 октября по русским эмигрантским кругам поползли слухи: Плевицкая умерла. Она ушла из жизни скорострительно: заснула в своей камере и не проснулась. Ей было 56 лет.

Ее похоронили, но вскоре тело эксгумировали и подвергли химическому анализу. А потом снова захоронили, но уже в общей могиле. Отравление? Если да, то кто это сделал? Немцы в знак мести за работу на советскую разведку? Советская разведка, чтобы убрать ценного секретносителя? Ответа на эти вопросы нет.

Судьба Скоблина тоже неизвестна. То ли 1938 году он погиб при бомбежке франкистской авиацией Барселоны, то ли был убит (по одной из версий — сброшен в воздухе с самолета) сотрудниками НКВД как уже ненужный, провалившийся агент, то ли его расстреляли в подвале Лубянки, то ли он просто умер в СССР.

Но точно известно, что ждало в Москве генерала Евгения Миллера. Он был приговорен к высшей мере наказания Военной коллегией Верховного суда СССР. Приговор был приведен в исполнение во внутренней тюрьме НКВД 11 мая 1939 года.

Глазами Владимира Набокова

В 1943 году русско-американский писатель Владимир Набоков публикует язвительный памфлет-рассказ на документальной основе «Помощник режиссера», в котором Скоблин и Плевицкая выведены под фамилиями Голубков (а также Х) и Славская, а Миллер и его жена — под фамилией Федченко. С неприкрытым сарказмом Набоков описывает страдания узницы французской тюрьмы и версию казни ее мужа:

«Славская в тюрьме. Смиренно вяжет в углу. Пишет, обливаясь слезами, письма к госпоже Федченко, утверждая в них, что теперь они — сестры, потому что мужа обеих схвачены большевиками. Просит разрешить ей губную помаду. Рыдает и молится в объятиях бледной юной русской монашенки, которая пришла поведать о бывшем ей видении, в котором открылась невинность генерала Голубкова. Причитает, требуя вернуть ей Новый Завет, который полиция держит у себя, — держит, главным образом, подальше от экспертов, так славно начавших расшифровывать кое-какие заметки, нацарапанные на полях Евангелия от Иоанна. Вскоре после начала Второй мировой войны у нее обнаружилось непонятное внутреннее расстройство, и когда одним летним утром три немецких офицера появились в тюремной больнице и пожелали увидеть ее немедленно, — им сказали, что она умерла, — и может быть, не солгали».

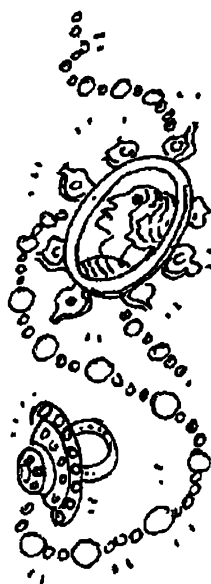
Воображаемую картину смерти Скоблина (здесь он зашифрован как X) Набоков описал так:

«Быть может, он отыскал свой рай в Германии, получив там незначительную административную должность в Училище юных шпионов Бедкера.

Быть может, он воротился в страну, где некогда в одиночку брал города. Быть может, и нет. Быть может, некто, самый-самый большой шеф, призвал его к себе и с легким иностранным акцентом, с вкрадчивостью хорошо всем нам известного сорта, сказал: “Боюсь, друг мой, вы больше нам не нужны”, — и едва только X повернулся, чтобы уйти, как мягкий указательный палец доктора Пуппенмейстера нажал неприметную кнопку на краешке безучастного письменного стола, и люк разверзся под X, и он полетел навстречу смерти...»

Пуппенмейстер по-немецки — кукловод в кукольном театре. Набоков, говоря о Германии и «легком иностранном акценте» шефа, вероятно, имел в виду распространившееся в среде русской эмиграции (а позже и в СССР) подозрение в том, что Скоблин был не только агентом НКВД, но и нацистской разведки.

Сегодня можно прочитать в популярных изданиях о том, что именно генерал Скоблин передал в Берлин сфабрикован-

ные материалы «дела Тухачевского». Однако доказательств сотрудничества Скоблина с немцами нет. Во всяком случае, нет рассекреченных документов. Но и полностью исключить того, что у Скоблина был «кукловод» в Третьем рейхе, тоже нельзя.

Как Эрнест Хемингуэй сотрудничал с НКВД

Кто ты, Арго?

В феврале 1943 года спецслужбы США начали сверхсекретную операцию под кодовым названием «Венона» по расшифровке донесений советской разведки в Москву. Продолжалась эта операция (или, точнее, программа) до 1980 года. Для ее выполнения в США были подключены сотни криптологов, математиков и специалистов по системам связи. В 1995 году начали публиковаться фрагменты оперативной переписки, псевдонимы сотрудников и агентов и, самое главное, реальные их имена.

Тогда же, благодаря утечкам в прессу, заговорили об агенте НКВД-МГБ Арго, которого на самом деле звали Эрнест Хемингуэй. Не тезка и однофамилец, а тот самый!

Одним из первых, чьи публикации и интервью стали сенсацией на эту тему, был российский историк, имевший доступ в архивы НКВД и впоследствии эмигрировавший на Запад, Александр Васильев. Вот что он рассказал в интервью «Радио Свобода»:

«Да, действительно, в архивах Службы внешней разведки есть материалы на Эрнеста Хемингуэя... Я наткнулся на эти документы, когда в середине 90-х годов изучал архивы КГБ в рамках российско-американского книжного проекта, в результате которого было выпущено несколько книг об истории советской разведки. Причем о существовании этих документов о Хемингуэе сами сотрудники российской разведки тоже не знали, поэтому для всех это стало большим сюрпризом, и для россиян, и для американцев».

«Я уверен,
что он будет сотрудничать с нами»

Поначалу публикации и интервью писателя-эмигранта вызвали скепсис среди российских историков и читающей публики. А то и негодование. Информация о сотрудничестве Хемингуэя с НКВД оставалась до поры до времени лишь гипотезой. Но в июне 2012 года куколка гипотезы превратилась в бабочку точного знания, которая выпорхнула из бюллетеня ЦРУ «Исследования в области разведки» (Vol. 56, № 2). Дотоле засекреченные документы опубликовал сотрудник музея ведомства Николас Рейнольдс.

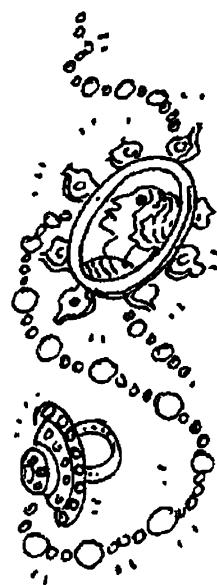
И вот какая получается картина, если суммировать информацию из российских и американских архивов.

В 1940 году Хемингуэй собирался ехать в Китай и тогда впервые попал в поле зрения советской разведки. Заниматься им было поручено Якову Голосу — знаменитому агенту-незаконнику НКВД под псевдонимом Звук. В качестве прикрытия у российского эмигранта Голоса был в США небольшой туристический бизнес.

Было решено «прощупать» готовность писателя к сотрудничеству. К этому Яков Голос привлек завербованного им журналиста Джозефа Нортона из рабочей газеты «Дейли уоркер». Выбор пал на Нортона потому, что тот, как и Хемингуэй, прошел через гражданскую войну в Испании, и естественным поводом для интервью стал роман писателя «По ком звонит колокол», посвященный тем событиям. Дополнительную остроту предстоящей встрече добавляло то, что «Дейли уоркер» незадолго до встречи Нортона и Хемингуэя дала довольно критическую оценку этому роману.

Писатель во время интервью признал, что «допустил некоторые ошибки» из-за своей недостаточной политической подготовленности. Норт подытожил в своем донесении: «Мое окончательное впечатление такое: он серьезно хочет работать с нами и намерен компенсировать свои ошибки».

В донесении Якова Голоса в Москву от 2 октября 1941 года говорится: «Несколько дней назад я узнал, что Эрнест

Хемингуэй направляется в Китай через Советский Союз. Возможно, он обратится за советской визой. В Нью-Йорке он провел всего один день, и встретиться нам не удалось. Но мы договорились, что наши люди свяжутся с ним в Китае и покажут ему марки, которые он нам дал. Надо попробовать вступить с ним в контакт в Китае или Советском Союзе, используя пароль, о котором мы условились ранее. Уверен, что он будет сотрудничать с нами и сделает все, что сможет».

По поводу марок нужно уточнить. Накануне Яков Голос отправил в Иностраннный отдел НКВД предложения по системе паролей с писателем. Предложения приняли, после чего Хемингуэй передал Голосу несколько почтовых марок, которые резидентура отправила в Москву. Было решено: оперработник, который выйдет на Хемингуэя, предъявит их в качестве пароля.

По заданию Якова Голоса журналист Норт встретился с Хемингуэем еще раз, чтобы уточнить его китайский маршрут и обсудить условия связи. Вся информация ушла в Центр. В НКВД к тому времени уже было заведено дело-формуляр на советского агента Эрнеста Хемингуэя, которому был присвоен псевдоним Арго.

Но установить контакт с писателем в Китае советским разведчикам не удалось: Хемингуэй выехал туда на месяц раньше намеченного и, кроме того, не раз, импровизируя, менял первоначальный маршрут. Творческая личность, что тут скажешь. И независимая. Ведь он не был сотрудником НКВД, а лишь дал согласие помогать СССР.

Первый опыт в Испании

Хемингуэя всегда интересовала работа секретных служб. В годы гражданской войны в Испании он общался со многими сотрудниками разведки и контрразведки. В том числе с советским офицером, советником штаба республиканской армии и руководителем отрядов «герильеросов» (диверсантов) Хаджи Мамсуровым (Ксанти), с Пепе Куинтанилью, одним из руководителей испанской республиканской контр-

разведки, с Биллом Лоуренсом, который обеспечивал внутреннюю безопасность в батальоне американских добровольцев имени Линкольна.

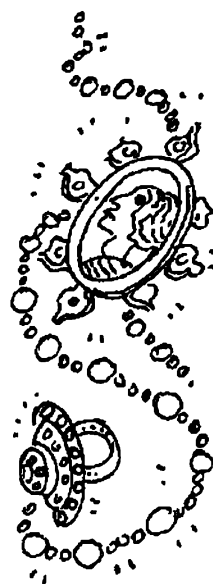
Под бомбами и при ежесекундной смертельной опасности Хемингуэй помогал республиканской контрразведке создавать агентурную сеть для борьбы с саботажниками и диверсантами.

Не исключено, что этот опыт тоже учитывался, когда в НКВД делали ставку на Хемингуэя. К тому же престижно было завербовать писателя в зените литературной славы, номинированного на Пулитцеровскую премию. За несколько месяцев разошлось полмиллиона экземпляров романа «По ком звонит колокол», который читали на всех континентах. К тому же писательскую деятельность Хемингуэй успешно совмещал с журналистикой, у него установились хорошие контакты с высокопоставленными американскими чиновниками и военными. В неформальных беседах они могли бы поделиться с уважаемым писателем информацией «не для печати».

Вербовочные подходы

Разведорганы СССР уже в Испании искали подходы к писателю, присматривались к нему как к потенциальному агенту. Глава мадридской резидентуры Александр Орлов иногда дарил ему дефицитные, полученные из Москвы русскую водку и черную икру. Он же организовывал поездки Хемингуэя в партизанские лагеря и обеспечивал его контакты с противниками генерала Франко. Однажды они посетили строго засекреченный учебно-тренировочный секретный лагерь НКВД (!). И хотя Хемингуэй не раз резко отрицательно высказывался по поводу коммунистической идеологии, после нападения Германии на СССР он написал: «Я на все сто процентов солидаризируюсь с Советским Союзом в его военном сопротивлении фашистской агрессии. Народ Советского Союза своей борьбой защищает все народы, сопротивляющиеся фашистскому порабощению».

В 1942 году Хемингуэй вновь публично выступил в поддержку СССР: «Двадцать четыре года дисциплины и труда во имя победы создали вечную славу, имя которой — Красная армия. Каждый, кто любит свободу, находится в таком долгу перед Красной армией, который он никогда не сможет оплатить. Всякий, кто будет участвовать в разгроме Гитлера, должен считать Красную армию героическим образцом, которому необходимо подражать».

Советские спецслужбы, помимо источника информации, видели в Хемингуэе еще и ценного агента влияния. У него были связи среди руководителей высокого ранга в Европе и США. Третья супруга писателя Марта Геллхорн была протеже Элеоноры Рузвельт. Летом 1937 года она организовала для писателя и голландского режиссера Йориса Ивенса встречу с президентом Рузвельтом и его женой. Вместе они провели целый вечер: смотрели документальный фильм «Испанская земля», спродюсированный Хемингуэем и Ивенсом, коммунистом по убеждениям. Во время прогулки по дорожкам резиденции президент и его гости обсуждали события в мире. Хемингуэй и Ивенс попытались убедить Рузвельта решительно поддержать республиканцев в Гражданской войне в Испании. Рузвельт дипломатично пообещал подумать об этом, хотя, как показали дальнейшие события, доводы писателя и режиссера всерьез не воспринял.

«Фабрика проходимцев»

Рассекреченные документы свидетельствуют: во время войны Хемингуэй сотрудничал не только с НКВД, но и с тремя американскими спецслужбами: Разведывательным управлением ВМС, Управлением стратегических служб (предшественником ЦРУ) и ФБР.

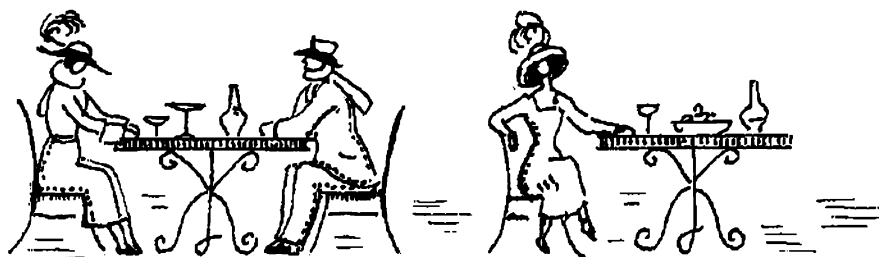
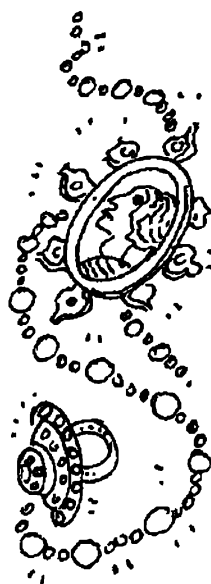
Писатель поддерживал отношения с широким кругом людей разного уровня, общественного положения, профессий и интересов. Среди его друзей и знакомых были известные литераторы, артисты, предприниматели, преподаватели, а также бармены, проститутки, матросы. Он был хорошо

знаком со многими сотрудниками американской дипмиссии США в Гаване, в том числе с известным дипломатом Спрюлом Брейденом, который в 1942 году возглавлял американское посольство, и его подчиненным Робертом Джойсом. Они привлекли Хемингуэя к сбору разведывательных данных.

И здесь Хемингуэй проявил завидную активность. Эрнест был страстным рыбаком, часто выходил в океан на своей яхте «Пилар». Но не только охота за огромной и неподдающейся меч-рыбой (о чем мы можем прочесть в его повести «Старик и море») занимала его мысли, время и силы. Он выполнял задания военно-морской разведки США: искал следы немецких подводных лодок, следил за любой подозрительной активностью в акватории.

Его рыбацко-разведывательные круизы на яхте начались в середине 1942 года и продолжались почти весь следующий год. Известно, что руководство ВМС США поставляло Хемингуэю оружие, топливо и оплачивало содержание яхты. Вот что вспоминала последняя жена писателя Мэри Уэлш Хемингуэй: «Почти восемнадцать месяцев в 1942–1943 гг. Эрнест использовал свою рыболовную яхту “Пилар” в качестве приманки для немецких подводных лодок, торпедировавших танкеры союзников, когда они огибали Кубу с запада по пути из Венесуэлы в американские и английские порты. Привыкнув действовать безнаказанно, эти подводные лодки часто всплывали около кубинских рыболовных траулеров и требовали продовольствия — свежей рыбы, мяса, хлеба, яиц. Эрнест рассчитывал, что какая-нибудь подойдет с той же целью к “Пилар” или же всплывет для перезарядки батарей, и ему удастся потопить ее.

Имея на борту команду в шесть — девять человек, радиолокационную и звукопеленгаторную аппаратуру системы, принятой на флоте США, и большое количество оружия, “Пилар” крейсировала среди островов близ северного побережья Кубы... Раз они увидели издали подводную лодку модели 740, и им даже удалось подойти к ней на расстояние мили. Но лодка взяла курс на северо-запад и скрылась; позднее стало известно, что она вошла в дельту Миссисипи и несколько человек высадились с нее на берег в районе Нового Орлеана.

Еще несколько раз “Пилар” запеленговывала подводные лодки, возможно, потопленные кем-то раньше, но мечте Эрнеста о столкновении в открытом бою так и не суждено было сбыться».

Разведку Хемингуэй вел не только на море, но и на суше. Сотрудник посольства США и одновременно агент ФБР на Кубе Роберт Джойс в своих мемуарах описал встречу летом 1942 года посла Брейдена и Хемингуэя. Писатель во время беседы намекнул на то, что готов заниматься сбором разведывательной информации в разных формах. После этого, отмечает Джойс, посол предложил Хемингуэю создать контрразведывательную агентурную сеть для наблюдения за сочувствующими фашистам жителями Гаваны, среди которых могли бы быть сторонники испанского диктатора Франко или даже полноценные гитлеровские шпионы.

Хемингуэй мягко и ненавязчиво, без шантажа, используя свой авторитет и обаяние, завербовал многих своих кубинских знакомых. Он иронично назвал созданную им таким образом организацию «Фабрика проходимцев». В нее вошли 25 человек: портовые грузчики, картежники, контрабандисты, два обнищавших испанских аристократа, официанты ресторана, бывший спортсмен и католический священник, который когда-то служил в армии пулеметчиком. Добытые агентурные сведения поступали через писателя Джойсу.

Но вскоре директор ФБР Эдвард Гувер, недолголюбивавший Хемингуэя и подозревавший его во всех смертных грехах (в том числе симпатиях к коммунистам), сделал все для того, чтобы работа «Фабрики проходимцев» угасла.

Водка — лучший подарок

В сентябре 1943 года, после открытия в Гаване советского посольства, Хемингуэй, по собственной инициативе, нанес «визит солидарности» дипломатам из СССР. Через несколько дней глава миссии Дмитрий Заикин и второй секретарь Федор Гаранин (а на самом деле резидент НКВД «Сонг») побывали с ответным визитом на вилле писателя «Ла Вихия».

Как впоследствии вспоминали участники этой встречи, обсуждался ход войны, перспективы разгрома гитлеровских армий и открытия англо-американскими союзниками второго фронта. Гаранин тепло отзывался о писателе: «Он простой и душевный человек. Знаменитая с проседью борода делает его весьма похожим на Энгельса».

Договорились о новой встрече, и тогда Гаранин в качестве подарка привез бутылку водки.

— О, это как раз то, что надо! — одобрил писатель презент. — Здесь, на Кубе, трудно достать настоящую русскую водку.

И Хемингуэй лихо откупорил бутылку. Предложил гостям сесть. Вскоре был накрыт стол с рыбными холодными закусками и фруктами.

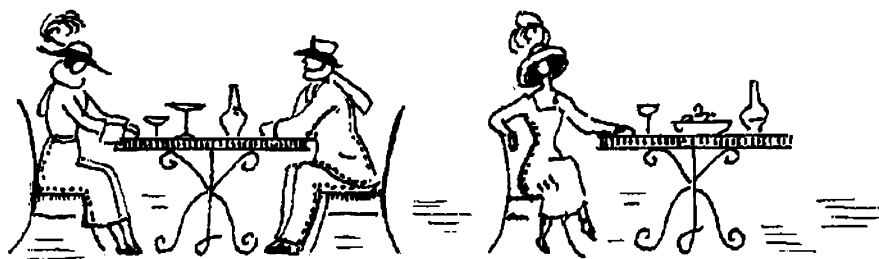
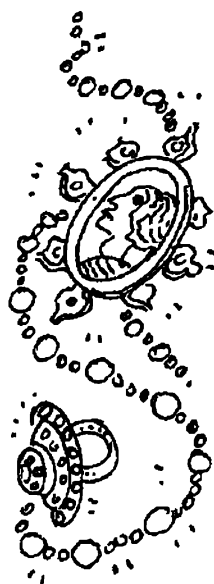
— Друзья, предлагаю выпить за победу над общим врагом! — предложил Хемингуэй.

Зазвенели бокалы. Потом выпили за Сталина, Жукова и Красную армию. После русской водки последовал кубинский ром. Хемингуэй был весел, сыпал остротами, Гаранин и Заикин не отставали. Хемингуэй упомянул, что собирается в Англию. Но о работе на НКВД в этот вечер разговор не затевался.

На следующий день, вдохновленный теплым приемом и укреплением отношений с Хемингуэем, Гаранин запросил у Москвы добро на то, чтобы пригласить писателя к себе в гости. Но реакция Москвы охладила Гаранина: «Окажите Арго соответствующий прием и внимание, но никакого разговора о нашей работе не ведите. О дате выезда Арго в Англию и его предполагаемом адресе сообщите телеграфом».

В ноябре 1943 года Яков Голос внезапно скончался от инфаркта в квартире своей любовницы и по совместительству агента НКВД Элизабет Бентли (кодовое имя Умница). Сотрудничество советской разведки с Хемингуэем и так не особо ладилось, а смерть Голоса заметно ухудшила ситуацию. Но контакт с писателем НКВД все-таки пытался поддерживать.

26 июня 1944 года с Хемингуэем встретился в Лондоне сотрудник советской разведки, носивший псевдоним Ива. Они беседовали в отеле «Дорчестер». После встречи Ива доложил,

что писатель, по его словам, держится в стороне от официальных лиц, далек от текущих политических событий и предпочитает «смотреть по сторонам, жить с летчиками и собирать материалы для новой книги». Писатель рассказал советскому разведчику о том, как летал на планере, как друзья-пилоты брали его на перехват ракет FAU и бомбежки. Ива так описал быт Арго: «Живет он один, но вокруг него кружится много соотечественников — журналисты, киношники и женщины. Накануне он получил из США перевод на 15 тыс. долларов от какого-то издательства, так что пьют они здорово и почти непрерывно».

Недовольство НКВД

Хемингуэй в 1944 году участвовал в боевых полетах американских бомбардировщиков над Германией и оккупированной Францией. Затем провел несколько месяцев среди американских пехотинцев, которые воевали в Европе. Вернулся он на Кубу в конце марта 1945 года. «Сонг» докладывал в Москву:

«Арго пригласил меня к себе на виллу, и мы с женой поехали к нему 10 апреля. Ничего особенного он не рассказал, может быть, потому, что там были другие гости. Его самочувствие плохое: он был ранен, физически ослаблен, к тому же его старший сын находится в плену. Арго сильно переживает за него. Немцы могут убить Джона из-за ненависти к писателю. После небольшого отдыха Арго собирается писать книгу о войне».

В НКВД были недовольны пассивностью Хемингуэя. В справке, составленной много позже, в июне 1948 года, говорится: «Наши встречи с Арго в Лондоне и в Гаване проводились с целью изучения его возможностей для нашей работы. За время связи с нами Арго не передал нам никакой политической информации, но неоднократно выражал желание и готовность помогать нам. Арго мало изучен и не проверен. Для восстановления связи с Арго у нас имеется вещественный пароль».

Вероятно, имелись в виду те самые почтовые марки.

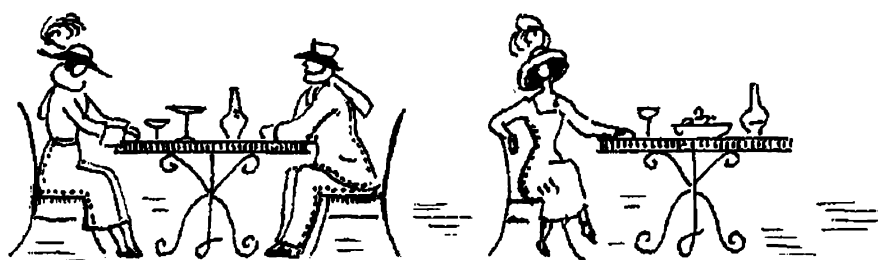
В июле 1950 года про писателя опять вспомнили. Центр дал задание вашингтонской резидентуре выяснить, где находится Хемингуэй и каковы его политические взгляды. В октябре того же года из резидентуры пришел ответ: «Арго живет где-то в Калифорнии. Недавно здесь была опубликована его новая книга... Говорят, что он якобы поддерживает троцкистов и в своих статьях и брошюрах допускал нападки на Советский Союз».

Так Арго окончательно разочаровал своих кураторов на Лубянке. Николас Рейнольдс, автор вышедшей в марте 2017 года книги «Писатель, моряк, солдат, шпион: секретные похождения Эрнеста Хемингуэя, 1935–1961 гг.», отмечает: «Хотя он не стал чрезвычайно полезным шпионом НКВД, он в течение многих лет продолжал придерживаться своих просоветских взглядов, которые имели больше смысла в 1940 году, чем в 1945 году, когда траектории СССР и США начали стремительно расходиться в преддверии холодной войны. К примеру, в 1948 году Хемингуэй поддержал оптимистичные взгляды прогрессивного кандидата в президенты Генри Уоллеса, который утверждал, что две великие державы имеют гораздо больше сходств, чем различий, и что им необходимо начать напрямую взаимодействовать друг с другом, не обращая внимание на такие государства Старой Европы, как Великобритания и Франция».

Предательство Элизабет Бентли

Вскоре после окончания войны у Хемингуэя обострились трения с директором ФБР Эдгаром Гувером. Начались они еще во время войны, когда Гувер по сути закрыл «Фабрику проходимцев». Теперь шеф ФБР заподозрил писателя в измене — после того, как узнал подробности его поездки в Мексику в марте 1942 года. По сообщениям агентов, Хемингуэй проживал в одном из отелей Мехико под вымышленным именем. Эта конспирация Гуверу не понравилась. Он приказал разобраться.

Вскоре руководителю ФБР доложили: вымышленное имя потребовалось для тайных встреч с немецким писателем-коммунистом Густавом Реглером, с которым Хемингуэй познакомился во время гражданской войны в Испании. Получив информацию об этом, Гувер направил послу США на Кубе письмо, в котором сообщал, что Хемингуэю нельзя верить, поскольку он коммунист. ФБР даже включило писателя в список лиц, подозреваемых в «коммунистической деятельности». Над писателем было установлено наружное наблюдение. И началась травля.

Гувер в интервью называл Хемингуэя «алкоголиком и почти коммунистом». Хемингуэй не остался в долгу: «ФБР Гувера — это антилиберальная, профашистская организация, с весьма опасной тенденцией к превращению в американское гестапо».

Хемингуэй не подозревал, что на самом деле он и вправду мог оказаться разоблаченным как советский агент. И тогда уж стало бы не до шуток. Дело в том, что агент НКВД Элизабет Бентли разочаровалась в коммунистических идеалах и напросилась по этому поводу на встречу с Эдгаром Гувером. Бентли чистосердечно призналась шефу ФБР в своем сотрудничестве с НКВД.

В июле 1948 года Бентли начала давать добровольные показания сенатской Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Она рассказала о сборе секретных данных у ряда высокопоставленных американцев. О том, как передавала сведения Якову Голосу. Назвала имена всех своих информантов. Среди них — лидер американских коммунистов Эрл Браудер, правительственные чиновники Джон Абт, Лоуллин Карри, Гарри Декстер Уайт, Виктор Перло и многие другие. Общее число людей, названных Бентли, было около тридцати. К счастью, Голос никогда ни словом не обмолвился в присутствии Бентли о Хемингуэе. Имя писателя не прозвучало на заседании сенатской комиссии.

Впрочем, травля Хемингуэя в печати продолжалась. С подачи мстительного Гувера в средствах массовой информации создавался его искаженный образ депрессивного типа

с маниакальным комплексом преследования. ФБР сплело интригу, в результате которой писателя подвергли «лечению» электрошоком в клинике, после чего у Хемингуэя начались провалы памяти. Он перестал писать и перестал хотеть жить. 2 июня 1961 года он покончил жизнь самоубийством.

Секрет псевдонима

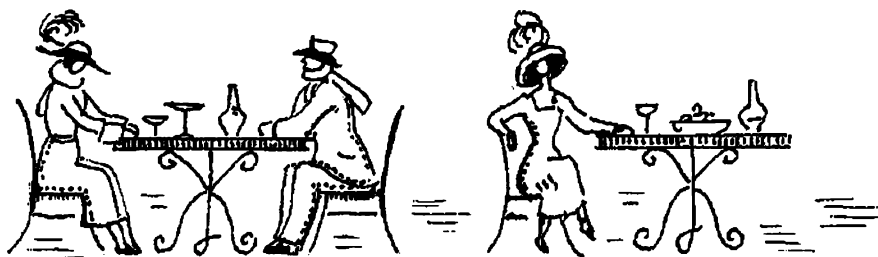
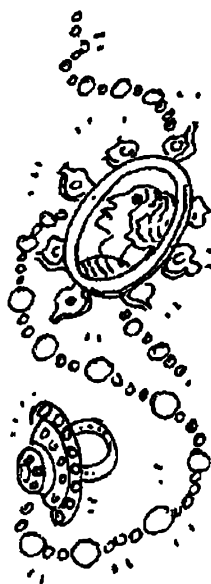
Что касается выбора экзотического псевдонима для Хемингуэя, то уже упоминавшийся Александр Васильев в интервью «Радио Свобода» высказал свою версию: «Дело в том, что в те годы среди советских разведчиков тема древних миров была очень популярна. Это видно по тому, что города в их секретной переписке имели названия древних городов, например, Вашингтон был Карфагеном, Нью-Йорк — это финикийский город Тир, Лондон — финикийский город Сидон, Москва — древнегреческий город Смирна. В общем, на Лубянке были любители древней истории».

Правда, «золотого руна» в виде ценной шпионской информации Арго советским спецслужбам не доставил. Но, согласившись сотрудничать с НКВД, носитель красивого псевдонима сильно рисковал.

Грэм Грин не выдал советского агента

Ранняя склонность к профессии

Он написал немало книг о разведке. Знал предмет не понаслышке. Он поварился в котлах спецопераций и тайных мероприятий в разных частях света. «Тихий американец» повествует об участии США в индокитайском конфликте. «Наш человек в Гаване» появился после путешествия Грина на Кубу. Роман «Комедианты» рассказывает о диктаторском режиме Дювалье на Гаити. В основе драматического сюжета романа «Почетный консул» — история с заложниками в Парагвае. В романе «Человеческий фактор» действует советский

агент... И в каждой книге — опыт и наблюдения участника событий Грэма Грина.

Его биограф Норман Шерри однажды отметил, что по натуре Грин был идеальным шпионом, и едва ли возможно что-либо объяснить в его жизни, не сказав, с каким рвением он предавался этому занятию.

Работа в разведке была семейной традицией Гринов. Дядя писателя, сэр Уильям Грэм Грин, был одним из главных организаторов Отдела морской разведки при Военно-морском министерстве. Сестра Грина, Элизабет, была сотрудницей британской секретной разведывательной службы МИ-6 и женой Родни Дениса, высокопоставленного чина этой организации. Старший брат Грэма, Герберт, как позже выяснилось, тоже работал на разведку, но... на японскую, шпионил против своей страны. Ну тут уже — в семье не без урода...

Склонность к секретной деятельности у Грэма Грина проявилась еще в студенческие годы. Тогда он совершил путешествие по Германии за счет немецкого посольства в Лондоне. Поездку отработал циклом газетных статей в поддержку немцев, протестовавших против французской оккупации Рурской области в 1923 году. Но при этом параллельно поставлял информацию и Парижу. По сути, стал двойным агентом.

Поездка в Либерию, которую он в книге путевых заметок «Дороги беззакония» назвал «донкихотским странствием по велению сердца», тоже была операцией по сбору информации для британской разведки. Ее оплатило Аболиционистское общество, которому нужна была информация из недр либерийского правительства. Аболиционистское общество, напомним, объединяло гуманистов, выступавших за отмену рабства в колониях Великобритании, Франции и других стран.

С началом Второй мировой войны Грин вышел на правительство Великобритании с идеей проекта «Писатели-фронтовики», который мог бы стать частью успешно действующей программы «Война глазами художника».

Но идея не встретила понимания и поддержки. И тогда местом его сражений стали лондонские крыши, где облаченный в комбинезон Грэм тушил сброшенные с немецких

самолетов зажигательные бомбы. Это было опасно, хотя и не так, как на линии фронта. Грин был недоволен собой и своей ролью в войне.

Потом последовала унылая канцелярская работа в Министерстве информации. Но продлилась эта рутина недолго, и Грин с облегчением воспринял весть о своем увольнении по сокращению штатов. Затем он поработал редактором журнала «Спектейтор»... Нет, это тоже было не то... Душа жаждала тайны и подвига!

И вот, наконец, в 1941 году младшая сестра Элизабет приводит Грэма Грина на работу в британскую секретную службу. Впрочем, нет, не столько сестра, сколько сама судьба! Грэм Грин, наконец, обрел свою полную адреналина жизненную колею.

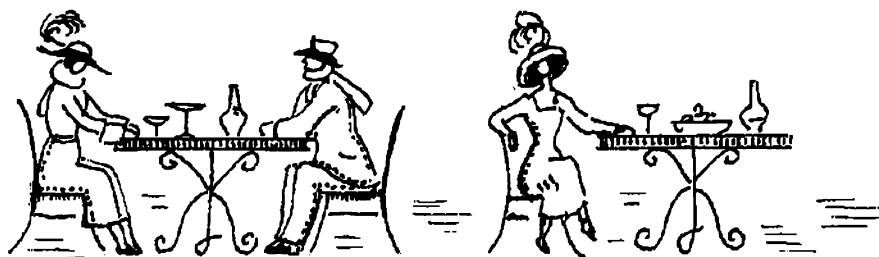
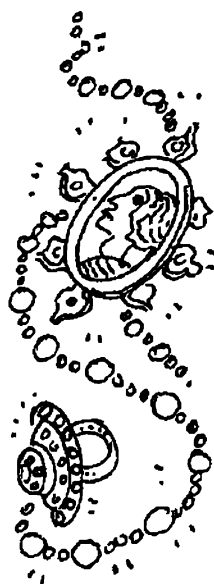

Первая инициатива: передвижные бордели

После того как Грин дал согласие работать в разведке, ему предстояло пройти профессиональную подготовку. Своего рода курс молодого бойца. Но дело не заладилось: на строевых учениях он сбивался и путался в собственных ногах, на занятиях по вождению разбил два казенных мотоцикла. В конце концов его освободили от части предметов, но подготовку все-таки сочли удовлетворительной.

Первое назначение — в западноафриканскую страну Сьерра-Леоне. Это был малозначительный театр военных действий. Но задание выглядело многообещающе: информировать Лондон о перемещениях немецких субмарин возле берегов Сьерра-Леоне, а также о ситуации в соседнем Сенегале, где хозяйничали французы, многие из которых были настроены профашистски. На деле же все оказалось прозаичнее и скучнее: Грин занимался таможенным досмотром кораблей нейтральных стран.

Но новоиспеченный разведчик не собирается скучать и предлагает необычную технологию сбора информации. Идея была богатая: организовать передвижные публичные дома и укомплектовать их хорошо проинструктированными

проститутками, которые будут собирать информацию среди профашистски настроенных французских офицеров в соседнем Сенегале. Разве бордель не место для сбора ценной информации? Обстановка располагает к откровенности... Но предложение не поддержали, хотя оно рассматривалось в Лондоне руководством МИ-6.

Грин фонтанирует идеями. Появилась новая: завербовать американских монахов, живущих в Сенегале. Лондон дал добро. Гости, приглашенные на званый ужин к Грину, прибыли. Но хозяина вечеринки, к их огорчению, не оказалось месте — он был срочно куда-то вызван. Монахи, смилив гордыню и проглотив обиду, уехали, так никогда и не узнав, что могли бы стать источниками информации для разведки Великобритании.

Сам себе бухгалтер

Грин позже вспоминал о своей работе в столице Сьерра-Леоне: «...Я очутился во Фритауне, в офисе, где четыре месяца был сам себе хозяином и подчиненным (потом у меня появился секретарь)... Во Фритауне в шесть утра я вставал и завтракал... В семь я садился в маленький “моррис” и отправлялся... за телеграммами в полицейский участок, служивший мне “крышей”. Телеграммы были закодированы шифром, не известным полиции. Вернувшись домой, я расшифровывал телеграммы и отвечал на них со всей добросовестностью, на которую был способен, писал свои донесения и переписывал чужие, если их трудно было читать. К ланчу я успевал сделать все дела».

Не без юмора он рассказывает об оплате своего шпионского труда: «...Я получал некую сумму из расчета пять шиллингов в день, якобы составлявших разницу в ценах между едой, купленной на рынке, и консервами... Однажды я получил суровую закодированную телеграмму из Лондона, где разъяснялось, что путешествующий чиновник моего ранга должен требовать три гиней в день, полагающиеся на гостиницу. “Примите нужные меры и доложите”. Я с готовностью

подчинился. Открыв в кабинете сейф, я достал оттуда сорок фунтов, положил себе в карман и послал закодированную телеграмму в Лондон: “Меры приняты” ...» Стоит напомнить: до перехода Британии в 1971 году на десятичную денежную систему сумма в 21 шиллинг называлась гинеей и применялась в качестве расчетной единицы.

Новое назначение в 1943 году — в нейтральную Португалию. Там Грину предстояло работать с давешним другом Маггериджем, тоже писателем и тоже разведчиком, но, надо сказать, до комичности неудачливым: то он выдал секретную информацию немецкому военному атташе, то забыл в машине секретные документы. Грин быстро стал тяготиться работой с таким коллегой. Но тут его отозвали в центральный аппарат МИ-6...

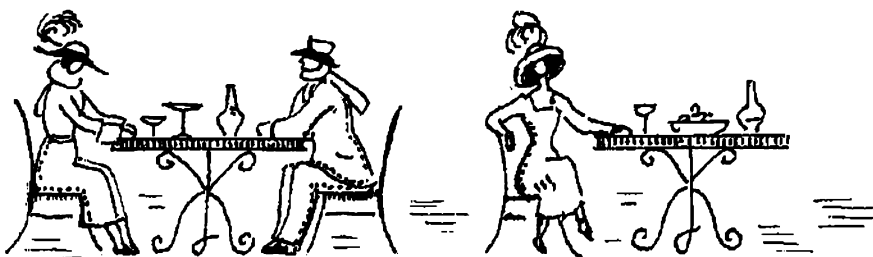
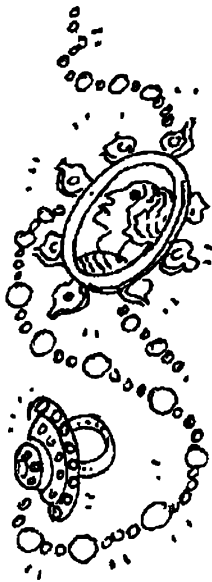

Работа бок о бок с Кимом Филби

Непосредственным начальником Грина стал Ким Филби, который еще в 1933 году был завербован советской разведкой. Начальник и подчиненный подружились. Грин вспоминал:

«...После Фритауна (и безуспешной попытки наладить агентуру в вишистских колониях) мои шефы из разведки направили меня в отдел к Киму Филби, занимавшемуся контршпионажем на Пиренейском полуострове. Я отвечал у него за Португалию. Там офицеры абвера, которые еще не были перевербованы нашей разведкой, были заняты в основном составлением и пересылкой в Германию насквозь ложных донесений, основанных на информации несуществующих агентов. Это была прибыльная игра (шифровальная ставка, плюс расходы, плюс премии) и к тому же безопасная. Удача отвернулась от немецкого командования, и невозможно было не восхититься тем, как в атмосфере поражения меняются понятия о чести.

Занимаясь Португалией, я часто думал, с какой легкостью мог бы играть в такую же игру в Западной Африке, если бы не был удовлетворен своим скромным жалованьем. Мне было отлично известно, что больше всего лондонское начальство

радуется новым карточкам в картотеке агентурных данных. Однажды, например, я получил донесение о вишистском аэродроме во Французской Гвинее — агент был неграмотным, считал только до десяти (по числу пальцев) и из географических направлений определял одно лишь восточное (он был магометанин). Здание на территории аэродрома, в котором, как он утверждал, стоял танк, было, по другим сведениям, складом старой обуви. Передавая это донесение, я подчеркнул все его “достоинства”, и каково же было мое изумление, когда оно было отмечено как “особо ценное”... Кто-то в Лондоне получил возможность заполнить чистую карточку — другого объяснения я не находил».

В те военные годы Португалия была ареной разведдеятельности союзных держав. Именно через нее шел основной поток дезинформации в адрес немецкого командования, в частности по вторжению союзников во Францию. Через Португалию союзники по антигитлеровской коалиции получили информацию о заговоре немецких генералов и о возможных сценариях развития ситуации в том случае, если удастся ликвидировать Гитлера. Для Грина эта информация представляла особый интерес, так как его кузина Барбара была замужем за поддерживавшим антигитлеровский заговор немецким аристократом (кстати, она и ее муж чудом уцелели во время жестоких репрессий после провала покушения на фюрера).

Грин фактически помог СССР

В мае 1944 года Грэм Грин подает в отставку. Почему? Его биографы Норман Шерри и Майкл Шелден считают: неожиданная отставка означает, что у Грина были основания подозревать в Филби двойного агента.

Грин уволился в достаточно ответственный момент: накануне открытия в Европе второго фронта. Вместо важных и масштабных дел взялся редактировать пропагандистско-просветительские буклеты, которые сбрасывались на парашютах на территорию оккупированной Франции. Сам Грин

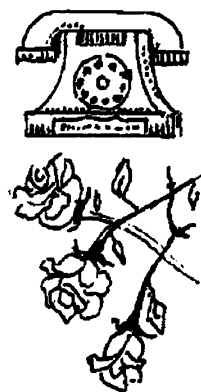
впоследствии объяснял свою отставку тем, что он не хотел мешать работать Филби. Но Шерри и Шелден полагают, что Грин стал догадываться о двойной игре своего друга и решил уйти до того, как догадка станет знанием.

На провокационный вопрос Нормана Шерри, что бы он сделал, узнав, что Филби — предатель, Грэм, смеясь, ответил: «Наверное, по-дружески дал бы ему возможность в двадцать четыре часа удариться в бега, а потом сразу донес бы на него».

В повести «Третий» непростые чувства, которые одолевают персонажей книги Холли Мартинса и Гарри Лайма (один из них, осуждая преступную деятельность своего друга, при этом клянется ему в преданности), — это суть отношений Филби и Грина. Как справедливо отмечает Шелден, «Грин не мог совершить предательства по отношению к Киму Филби, однако всю оставшуюся жизнь размышлял над беспокоившей его дилеммой».

В 1944 году роман Грина с разведкой был завершен. После войны он работал репортером в горячих точках. Потом полностью отдался писательскому ремеслу. Грэм Грин — писатель для всех: его книги можно увидеть в руках и непритязательных читателей, и интеллектуалов. Его закрученные сюжетные конструкции насыщены рассказами о колесиках, винтиках, приводных ремнях, шестеренках и пружинах шпионажа.

Но есть особая книга в его писательском послужном списке. Это предназначенный британским десантникам справочник «Кто есть кто» о немецких агентах на Азорских островах, изданный тиражом всего двенадцать экземпляров. Примечательно, что автор дополнения к справочнику — Ким Филби.

Опасный чардаш Марики Рёкк

Сенсация от «Бильд»

В феврале 2017 года немецкая газета «Бильд» опубликовала фрагменты рассекреченных документов из архива Федеральной разведывательной службы Германии (BND). Эта

публикация стала сенсацией. Оказывается, на советскую военную разведку работали мировая кинозвезда Марика Рёкк и ее муж, известный режиссер Георг Якоби.

Да, это та самая Марика Рёкк, фильм «Девушка моей мечты» с участием которой Штирлиц смотрел, ожидая встречи со связником. Теперь есть основания предполагать, что этот эпизод Юлиан Семенов не случайно вставил в сценарий «Семнадцать мгновений весны». Однако напрямую раскрыть ценного агента он не имел права. Разумеется, не могла сделать этого и сама Марика Рёкк. В книге воспоминаний «Сердце с перцем» она не только ни словом не упомянула о своей разведдеятельности в пользу СССР, но и всячески подчеркивала свою аполитичность в годы войны.

Но так ли обстояло дело на самом деле? Ведь слухи о сотрудничестве Марики Рёкк с советскими секретными службами ходили в послевоенной Германии.

После публикации в «Бильд» и на основании собранных по крупицам свидетельств из мемуаров можно попробовать реконструировать некоторые эпизоды из ее жизни.

Книксен фюреру

1939 год. В зале приемов новой имперской канцелярии играет скрипичный октет. Слышатся сдержанные реплики, негромкий женский смех, благородный перезвон хрустальных бокалов. Проворные руки официантов в белых перчатках почему-то напоминают Марике небольших шевелящихся спрутов. Может быть, она видела таких в своем египетском младенчестве, когда семья выезжала к морю и мать катала малютку в коляске вдоль берега? Нет, это, скорее всего, просто нервы шалют. Ведь Марика здесь впервые. Причем одна. Георга не пригласили, наверняка потому что он все еще не стал ее официальным мужем.

Сегодня она в тревожном одиночестве — и не где-нибудь, на светском приеме по приглашению самого фюрера, которому так понравился фильм с ее участием. Фильм с довольно простеньким сюжетом, в основе которого история женской

ревности... Но, похоже, Адольфа Гитлера заинтересовала вовсе не сама эта душещипательная история.

Накануне утром в квартире Марики Рёкк раздался телефонный звонок. Она недавно встала, пила кофе из тонкой китайской фарфоровой чашки, рассеянно поглядывала в окно на озаренные солнцем и сверкающие берлинские крыши. Ей нравилась эта квартира, и вообще настроение было приподнятое — вот уже четыре года она продлевает контракт с киностудией UFA, фильмы с ее участием пользуются успехом, она знакома с немецкой элитой. За несколько лет она превратилась из рядовой актрисы оперетты и мюзик-холла в кинозвезду германского рейха. Наверное, она — тайная мечта многих тысяч, нет — десятков тысяч мужчин! Пресса ее преследует, надоедает, лезет с бестактными вопросами и шипящими, слепящими и дурно пахнущими магниевыми фотовспышками. Она зарабатывает хорошие деньги. Это все называется — успех.

Телефон продолжал звонить. Марика подняла черную тяжелую эбонитовую трубку, продолжая держать в другой руке кофейную чашку. Но ей пришлось присесть на край постели и поставить чашку на тумбочку у кровати. Она была взволнована — звонили из канцелярии Адольфа Гитлера.

— Фрау Рёкк, — звучал в трубке уверенный голос адъютанта Гитлера, — у меня почетное поручение. Фюрер просит вас принять участие в официальном приеме в Имперской канцелярии, который состоится завтра в девятнадцать часов. Там будут и другие деятели нашего кинематографа и театра. Фюрер высоко оценил фильм «Хелло, Жанин!» и будет рад познакомиться с вами лично. Вы слушаете меня?

— Да-да, — подтвердила Марика. — Это очень приятное и лестное для меня приглашение...

— В шесть часов у вашего подъезда вас будет ждать машина. Ее номер...

И вот она мчится в автомобиле по берлинским улицам в новую Имперскую канцелярию, где фюрер собирает цвет киномира UFA и Венской киностудии, высших офицеров, промышленников, банкиров.

Чтобы попасть в зал приемов, нужно было выстоять длинную очередь. Приглашенных встречали в дверях Гитлер

и Геббельс. Гитлер был в черном фраке и белой манишке, Геббельс — в сером полосатом костюме: у обоих на лацканах поблескивали нацистские значки.

Каждого из пришедших хозяева вечера одаривали рукопожатием. Но перед этим гости приветствовали руководителей рейха традиционным нацистским жестом: мужчины — взмахом вытянутой руки, после чего ее пожимали Гитлер и Геббельс, а женщины поднимали руку, согнутую в локте, после чего и им полагалось рукопожатие.

Когда стала приближаться очередь Марики, она занервничала. Но не от того, что стоявшие в дверях руководители рейха смущали ее, а потому что вдруг почувствовала некий диссонанс: ее элегантное с блестками платье никак не согласовывалось с нацистским приветствием. Ей, человеку со вкусом, показалось это сочетание странным, неуклюжим, нелепым.

И поэтому, оказавшись перед Гитлером, она вдруг неожиданно для себя сделала книксен. Дальше последовало то, чего многие в зале не ожидали.

Фюрер улыбнулся Марике Рёкк и приветливо произнес:
— А вот и наша маленькая венгерка!

После чего поцеловал ей руку, чуть кольнув усами нежную кожу.

Марика была поражена. Фюрер поцеловал ей руку! Даже не верится...

Если бы Марика не была так поглощена своими переживаниями в этот момент, она могла бы заметить холодное напряжение в глазах тех, кто стал свидетелем этой сцены. Такое внимание со стороны фюрера к 26-летней артистке не могло не вызвать зависть многих.

К Марике подошел режиссер ее последнего фильма Карл Безе. Сегодня, наверное, он и будет ее кавалером, ведь он без дамы. Не лучший вариант, конечно — все же он режиссер, диктатор на съемочной площадке, а она — актриса, по определению фигура зависимая в их совместной работе.

— Добрый вечер, Марика. — Карл излучал благожелательность. — Ты меня огорчаешь.

— Чем?

— В твоей руке нет шампанского. Э-э... — он искал взглядом официанта. — Пожалуйста, даме шампанского.

Карл нежно взял Марику под локоток.

— Подойдем-ка поближе к лакомствам, вот к тому столику. Но помни, что вкусная еда — вещь, коварная для актрис, особенно танцующих, — добавил он улыбкой.

Марика отметила мысленно, что и здесь режиссер руководит ею, командует. Ну и ладно. А фильм получился весьма достойный. «Хелло, Жанин!» Марика любила за то, что в нем она наконец-то смогла проявить себя как степистка. Вот уж, что называется, отвела душу, натанцевалась! Да не просто была степ, а с элегантно тросточкой! И не на сцене, а на высокой лестнице, украшенной ракушками: начинала наверху и постепенно в танце перескакивала вниз с одной ракушки на другую. А так как ступеньки не были освещены, казалось, что Марика порхает, словно птичка. Пожалуй, она перешеголяла американку Элеонору Пауэлл с ее чечеточными каскадами...

Карла кто-то отвлек, он извинился и покинул Марику. Она вздохнула с облегчением. Набрал в тарелку еды, села за столик, где уже оживленно беседовали двое мужчин во фраках и увешанная бриллиантами женщина; никого из них она не знала.

В зале послышалось оживление: начался высочайший обход. Гитлер подходил то к одному столику, то к другому...

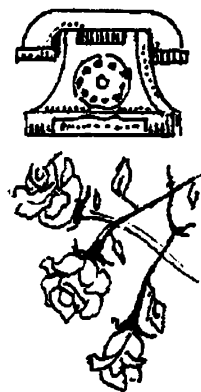
Звуки скрипичного октета словно отдалились, в ушах застучало: Гитлер подошел к Марике. Ему подали бокал, и фюрер со светской улыбкой произнес:

— Я смотрел многие ваши фильмы. Вы очаровательны.

Марика улыбнулась, благодарно склонила голову. Вставать было не принято, тем более дамам.

— Я восхищен вашим искусством, — продолжал фюрер. — Скажите, эти головокружительные трюки в кино, вот эти ваши чардаш, степ... Вы проделываете все сами или у вас есть дублерша?

— Господин Гитлер, если бы у меня была дублерша, это очень походило бы на обман. Я все делаю сама, — с легкой улыбкой сыграла крошечную обиду Марика.

— Не сомневался в таком вашем ответе. — Фюрер коснулся своим бокалом хрусталя в руке Марики. — Ваше здоровье.

Улыбалась и сидевшая за столом троица. Гитлер обратился к ним:

— Эта маленькая венгерка действительно может делать чудеса, не правда ли?

Все трое охотно закивали, расточая улыбки. По их чуть суетливым жестам чувствовалось, что они взволнованы близким присутствием первого лица страны.

Между тем Гитлер продолжал любезничать с Марикой:

— Скажите же мне в таком случае, милая чудесница, а чего вы не умеете делать?

Марика сделала шутливо-виноватое лицо и ответила с присущим ей легким венгерским акцентом:

— Говорить правильно по-немецки, господин Гитлер! Это искусство мне еще придется постигать...

В ответ услышала:

— О, вы даже не представляете себе, сколько немцев тоже не говорят правильно по-немецки! Да-да... Но вам подвластны все виды искусства, я в этом убежден, милая чудесница. Желаю удач!

Гитлер едва заметно кивнул и двинулся дальше по залу.

Фюрер так и не узнал никогда о том, что на этом приеме делал комплименты не просто красавице, актрисе, танцовщице, певице, звезде, ярко вспыхнувшей на кинонебосклоне, но и — агенту советской агентурной сети «Крона».

«Бриллиант генералиссимуса»

«Бриллиантом генералиссимуса» Яна Черняка назовут много позже, хотя еще при его жизни. А в 30-е годы прошлого века только профессионалы знали, как высоко ценит его Сталин. Ян был выдающимся разведчиком. Кто бы мог подумать, что родившийся в 1909 году в румынской Буковине (ныне это Черновицкая область Украины) и рано потерявший родителей сирота станет впоследствии легендой?

Из королевской Румынии он уехал учиться в Прагу, где с отличием окончил Высшее технологическое училище. Какое-то время трудился электриком. Экономический кризис оставил его без работы, и тогда амбициозный молодой человек направился в Берлин, чтобы продолжить образование.

В столице Германии поступил в колледж, потом и в политехнический институт. Уже студентом стал членом сначала Социалистической, затем Коммунистической партии Германии. Убежденный антифашист, вскоре он уже выполнял партийные поручения лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана.

Учеба подходила к концу, предстояло возвращаться в Румынию. Яну хотелось заниматься политикой. Он обратился к своему немецкому товарищу, некоему Эдгару, с просьбой связать его с румынскими коммунистами и антифашистами. Эдгар выступил со встречным предложением, более радикальным и рискованным: познакомить Яна с человеком из России. Как впоследствии узнал Черняк, Эдгар говорил о сотруднике военной разведки Генштаба РККА «Матиасе».

Они встретились за угловым столиком веранды берлинского кафе в жаркий июльский день 1930 года. Ничто не напоминало вербовку, просто разговаривают 21-летний черно-волосый молодой человек, вчерашний студент, и зрелый, уверенный в себе плотный мужчина. Он спросил, испытующе глядя на Яна серыми глазами:

— Правду ли говорят, Ян, что вы знаете то ли шесть, то ли семь языков? Это не преувеличение?

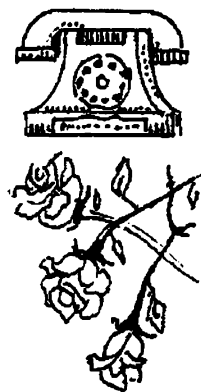
Ян не торопился отвечать, выдержал паузу и скромно ответил:

— Не все эти языки в равной степени, конечно. Но по-немецки и по-английски говорю свободно.

Сероглазый отхлебнул из кружки пива, рассеянно посмотрел на суету людей и машин на улице. Подумал — а он хорошо держится, этот молодой полиглот, и манеры у него вполне европейские. Потом снова встретился взглядом с Черняком:

— А еще поговаривают, что, прочитав страницу текста, вы полностью его запоминаете, вплоть до последней запятой.

— Не более десяти страниц, — снова поскромничал Ян.

— Ну что ж. Значит вы — тот, кто нам нужен.

И «Матиас» осторожно перешел к делу. Яна не пришлось долго уговаривать, он внутренне уже был готов стать секретным агентом Москвы.

Вскоре Ян возвратился в Румынию, где его призвали в королевскую армию. Заняв скромную должность писаря в штабе, он при этом получил доступ к секретным материалам, которые передавал своему московскому куратору через девушку-связника. Румыния в 30-х годах прошлого века все больше фашизировалась и сближалась с гитлеровской Германией. Информация из Бухареста была очень важна для СССР.

Румынская сигуранца (секретная служба) вышла на след девушки-связника и арестовала ее. Ей удалось вынести жесткие допросы и не выдать Яна, но канал агентурной связи был прерван.

После демобилизации из румынской армии Ян снова уехал в Берлин, где восстановил контакты с советской военной разведкой. Ему присвоили кодовое имя «Джен» и поручили создать агентурную сеть с целью получения секретной информации политического и военно-промышленного характера.

«Джен» работал то в Германии, то во Франции, то в Швейцарии, используя разные легенды (например, в Швейцарии его «крышей» была должность корреспондента ТАСС). Через несколько лет в созданной им группе уже насчитывалось свыше 30 человек. Среди них были секретарь министра иностранных дел Франции, сотрудник румынской разведки, офицеры генерального штаба сухопутных сил вермахта, крупный промышленник, банкир. А кроме того — астролог, друживший со своим коллегой, составлявшим гороскопы для Гитлера. Была в группе также дочь одного из конструкторов танков «Тигр» и «Пантера».

До поры до времени в агентурной сети Черняка не было только деятелей искусства, приближенных к верхушке рейха. А они могли стать ценными источниками информации в силу своей популярности и потому — доступа к немецким бонзам.

Информация о вербовке до сих пор засекречена

Разведсеть «Крона» не провалила ни одного агента. И поэтому до сих пор не рассекречены документы о ее работе.

За десять дней до смерти Яна Черняка, 9 февраля 1995 года, к нему в больничную палату пришли начальник Генерального штаба, генерал армии Михаил Колесников и начальник ГРУ ГШ, генерал-полковник Федор Лодыгин. Они вручили Черняку «Золотую Звезду» Героя.

Свидетельств о своей работе в «Кроне» Черняк не оставил, хотя, возможно, они есть и просто ждут своего часа. Поэтому многие детали этой истории мы будем реконструировать, составляя пазлы из разрозненных фрагментов. Так, например, из опубликованных немецкой газетой рассекреченных документов известно, что Марику Рёкк и Георга Якоби завербовал менеджер актрисы Хайнц Хоффмайстер, который в тот момент уже работал на разведку СССР.

Сначала в эту деятельность Хоффмайстер втянул Якоби. Трудно сказать, как именно ему это удалось сделать. Возможно, дело в том, что у Якоби были очень сложные отношения с рейхсминистром пропаганды Йозефом Геббельсом. Тот недолюбливал Якоби, в частности, за то, что первой женой режиссера была еврейка, и за то, что он дружил со многими евреями. Геббельс сделал так, что в 1938 году Якоби отстранили от работы над фильмом «Хелло, Жанин!» и передали фильм Карлу Беше. Марика тогда вскипела от возмущения и помчалась на Вильгельмплатц, в Министерство пропаганды. Добилась аудиенции у Геббельса. Но тот отказался изменить свое решение.

Придирки к Якоби продолжались. В еще не вышедшем в прокат фильме «Однажды майской ночью» рейхминистру не понравилось, что в одном из эпизодов полицейский входит в помещение, не вскинув руку в нацистском приветствии. Пришлось Якоби подрезать материал и начать эпизод с того места, когда полицейский уже вошел в комнату.

Психологически Якоби был готов к тому, чтобы работать против нацистской Германии. Что же касается Хайнца

Хоффмайстера, то его советская разведка могла завербовать просто за деньги, а возможно, на него имелся серьезный компромат (так, он был гомосексуалистом, а это почти наверняка означало при нацистах смертный приговор).

Что касается Марики, то последней каплей, которая переполнила чашу терпения и подвигла ее работать против Третьего рейха, мог стать эпизод в дорогом мюнхенском ресторане «Регина».

Трехгрошовый эксцесс

Шел 1938 год. Марика снималась в ленте «Хелло, Жанин!». Как-то раз она и Георг по делам приехали в Мюнхен и обедали в «Регине». В другом конце зала за одним из столиков в одиночестве сидел за бокалом красного вина и чашкой кофе Йозеф Геббельс. За соседним столиком, похоже, располагалась его охрана. Неожиданно к столику Марики и Георга подошел официант, передал ей букет роз и приглашение пересесть за столик к рейхсминистру.

Марика вопросительно вскинула взгляд на Георга. Тот ответил спокойно:

— Придется тебе подчиниться, дитя мое.

Горячая мадьярская кровь заиграла:

— И не подумаю, одна ни за что не пойду!

Георг промолчал. Оба понимали, что пойти придется.

Йозеф Геббельс в то время тяжело и болезненно переживал личную драму. Фюрер не позволил ему развестись с женой и жениться на любовнице — чешской актрисе, звезде предвоенного немецкого кино Лиде Бааровой. Геббельс осунулся, часто раздражался, избегал великосветских вечеринок, если только его не приглашал лично Гитлер. Рейхсминистра удручало то, что по приказу фюрера он был вынужден объявить Баарову персоной нон-грата в немецком кинематографе.

...Марика все-таки пересела за столик министра.

— Дорогая фрау Рёкк, я бы хотел угостить вас рейнским красным вином урожая 1929 года. Не возражаете?

— Благодарю вас, господин министр. Не возражаю, — сдержанно ответила Марика.

— Как идут съемки нового фильма с вашим участием? — поинтересовался Геббельс после того, как они пригубили вина.

— Они идут по плану, господин министр.

— Так, хорошо... Но я спрашиваю вас не о производственной стороне дела, а о творческой. Вам нравится ваша роль?

— Да, это то, что я люблю: много музыки и танцев.

Во время разговора Геббельс рассеянно крутил в руке монетку. Или это было проявление вовсе не рассеянности, а хитроумная уловка? Вот он уронил монету под стол. Стал доставать ее, и в этот момент Марика почувствовала, что мужская рука нежно гладит ее ногу под столом. Это продолжалось несколько секунд.

Когда Геббельс, чуть заметно улыбаясь, выпрямился и взял в руку бокал, Марика достала из сумочки три пфеннига. Положив их на белую скатерть столика, сказала дрогнувшим от волнения голосом:

— Если в следующий раз доктор Геббельс уронит монеты под стол, то ему не стоит утруждать себя и нагибаться. Можно будет взять вот эти... Простите, меня ждет муж, мы уже торопимся.

Изящная дерзость Марики понравилась Геббельсу. Он вежливо попрощался с ней, привстав из-за стола.

Якоби был в гневе. Вечером в мюнхенском отеле он вдруг предложил Марике прогуляться.

— Я устала, Георг... Хочу спать.

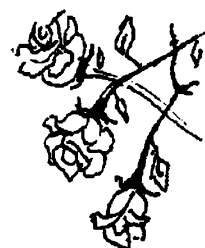
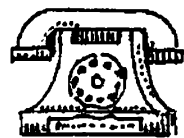
— Прошу тебя. Мне нужно поговорить с тобой.

Марика поняла, что он хочет сказать ей что-то важное, а в отеле, где, возможно, прослушивался номер, сделать это было нельзя. Когда они шли по полупустынной тихой улочке, Якоби сказал:

— Дорогая, мне неприятны ухаживания за тобой со стороны Геббельса. Но сопротивляться — себе дороже. Это означало бы конец и твоей, и моей карьеры... Хочу предложить тебе...

Якоби замолчал, были слышны лишь их шаги.

— Я слушаю, Георг.

— Марика, ты видишь, что происходит в Германии. Ты видишь, что происходит в Европе. Ты умный и тонкий человек, хотя в обществе и в зрительской среде сложился другой образ Марики Рёкк: эдакий веселый и наивный большой ребёнок. Но это ведь не так...

Марика молча слушала.

— Дорогая, есть люди, которым не нравится то, в какую сторону идет Германия. Им не нравятся те, кто пришел к власти. Они хотят перемен.

— Георг, а мы тут при чем?

— Мы с тобой... и ты в первую очередь... бываешь в высших кругах, общаешься с большими людьми. Те, кто хочет добра Германии, просили меня... не смотри на меня так удивленно... просили меня делиться с ними информацией, которая недоступна ни прессе, ни тем более рядовым обывателям. Это поможет выправить ситуацию в стране и Европе. Понимаешь, о чем я?

Марика остановилась и пристально посмотрела в лицо Георга:

— Ты не шутишь?

— Нет. И еще хочу заметить: меня, в отличие от тебя, редко приглашают на светские рауты. И мы с тобой пока не муж и жена официально. Уверен, что, даже когда мы оформим наш брак, меня особо звать не будут. Так что вся надежда на тебя.

— Я боюсь, Георг, — чуть слышно после паузы произнесла Марика.

— Все очень просто. Ты будешь рассказывать мне о том, что слышала и видела, а дальше — моя забота. Ты вне зоны риска.

— ...Хорошо.

Через несколько дней по длинной цепи в Москву поступила важная информация о новом агенте. Марике Рёкк был присвоен псевдоним «Илона».

Геббельс сопровождает Марике

Весной 1942 года первые полосы берлинских газет радостно сообщали с витрин киосков и лотков: «В Германию едет зна-

менитая актриса Даниэль Дарьё с делегацией французских киноартистов». Марика сидела в тени парковых деревьев с возрождающимися после зимы робкими нежными листиками и любовалась портретом любимой актрисы в газете. Марике особенно нравилась французская звезда в комедии «Первое свидание».

По случаю приезда французской делегации Геббельс решил устроить прием в Министерстве пропаганды. Он сам позвонил той, что посмела так тонко надерзить ему в зале мюнхенского ресторана:

— Фрау Рёкк, здравствуйте.

— Добрый день, господин министр.

— Я был бы рад, если бы вы спели одну из ваших замечательных песен завтра на приеме в министерстве. Это моя просьба к вам, дорогая Марика.

Марика Рёкк поморщилась, такое обращение ей показалось фамильярным. Но выказывать недовольство или возражать было нельзя.

— Господин Геббельс, я в неважной форме...

Геббельс засмеялся:

— Звезде вашего уровня по статусу положено капризничать. Но я буду настаивать. Я подумал, что лучше всего подойдет шлягер «Когда приходит молодой мужчина». В меру весело, пикантно и — прекрасная мелодия.

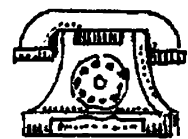
— Я буду сильно волноваться, — из последних сил пыталась сопротивляться Марика и попала в ловушку. Геббельс неожиданно предложил, а по сути, приказал:

— А мы сначала порепетируем. У меня дома. Я вам поаккомпанирую. Ноты мне доставят уже сегодня. Не надо волноваться, дорогая Марика. Жду вас завтра, — в голосе его смешались настойчивые и нежные нотки.

И вот она готовится к репетиции, а аккомпаниатором у нее будет сам рейхсминистр.

Разумеется, как обычно, приглашение на прием Марика получила одна, без Георга. Тем более — приглашение репетировать в квартире Геббельса.

Предчувствие не обмануло Марику — Магда Геббельс с детьми уехала в загородный дом. Ситуация назревала

пикантная. Идиллическая картина — поющая кинозвезда и сидящий за роялем министр — сменилась мизансценой, о которой Марика Рёкк никогда не упоминала ни в своих мемуарах, ни в многочисленных интервью. Но многое позволяет предположить, что в тот день отношения Марики Рёкк и Йозефа Геббельса перешли на новую стадию. Да и секретарь и референт по печати Геббельса Рудольф Земмлер в своих воспоминаниях говорит о близких отношениях министра пропаганды и некой кинозвезды — деликатно, не раскрывая имени, которое, впрочем, легко угадывается.

...Геббельс настойчиво навязывал немецким актерам роли в пропагандистских фильмах, часто пропитанных антисемитизмом. Если кто-то отказывался сниматься, он вызывал слушника или слушницу к себе в министерский кабинет, начинал намекать на возможность отправить актера или актрису в концлагерь или на фронт...

«Хорошо, что я избежала этой участи, — вероятно, думала Марика. — Снимаюсь в веселых комедиях и мюзиклах. Недаром я любимица... а теперь уже — и любовница Геббельса. Главное — не говорить Георгу, раз уже так получилось... А рассказывать ему только то, о чем он просит».

Через два месяца после «репетиции» Марика Рёкк узнала, что Геббельс приказал арестовать кинорежиссера Герберта Зельпина. Наутро Зельпина нашли висящем в петле в тюремной камере. Это очень походило на убийство.

И тогда Марика окончательно решила не отказываться от встреч с Геббельсом. Она уже понимала, что от нее многое зависит. И, конечно же, она хотела продолжать сниматься в кино. Эти два мотива не противоречили, а дополняли друг друга.

Россия в жизни Марики Рёкк

Знала ли Марика Рёкк, что работает в конечном итоге на СССР? Однозначного ответа нет. Возможно, она была уверена, что поставляет информацию англичанам или американцам. Но вот что с уверенностью можно сказать, так это то, что у Марики были симпатии к русским и к России.

Подростком она узнала историю, которая касалась ее семьи и России. Накануне Первой мировой войны Рёкки жили в Каире, где Эдуард заключил выгодный контракт с английской фирмой, занимавшейся архитектурными проектами. В то время будущая звезда экрана, утопающая в розовых кружевах, которыми была украшена ее детская коляска, только начинала познавать мир и себя. В семье был достаток, жили в небольшой, но уютной и удобной квартире. Внезапно идиллия прервалась: грянула война, и отца призвали в армию, а семья возвратилась в Венгрию.

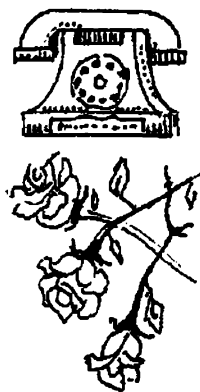
Отца, как опытного специалиста, определили командиром в строительную часть. Там трудились, в числе прочих, нижние чины русской армии, около ста человек. Эдуард Рёкк относился к ним гуманно, пленные называли его в своей среде «добрый командир» и даже иногда так обращались к нему. Но другие начальники, от которых зависела жизнь пленных, были далеко не так добры. Россиян плохо кормили, хлеб им выдавали испорченный, обросший пятнами плесени. Тяжелая подневольная работа, плохое питание, почти тюремный быт и истерзанные нервы пленных сделали свое дело: русские подняли бунт и избili одного из охранников, который умер в лазарете.

По суровым законам военного времени было приказано расстрелять зачинщиков. Но Эдуард Рёкк, с мнением которого считались, стал на их защиту. Он убедил своих начальников в том, что пленных довели до бунта невыносимые бытовые условия, а убийство охранника не было задумано, виной этому ход событий. Восставших наказали, но сохранили им жизни.

...Эта история чудом аукнулась в жизни Марики во время второй мировой войны — Второй. Когда в феврале 1945 года советские войска вошли в Будапешт, брат Марики, Эди, лежал в больнице. Один пожилой русский офицер живо отреагировал на услышанное им от врача сочетание имени и фамилии — Эдуард Рёкк.

Седой майор обратился к переводчику:

— Уточните фамилию больного. Рёкк?

— Так точно, Рёкк, — ответил лейтенант после того, как переспросил врача.

— Спросите этого Рёкка, не был ли его отец архитектором и строителем во время той войны, Первой мировой?

Лейтенант склонился над кроватью больного. И тут же доложил:

— Этот Рёкк — сын того самого Эдуарда Рёкка. Тоже Эдуард.

Майор изумленно, но и с толикой радости, покачал головой.

— Надо же... Скажите ему, лейтенант, что я был в числе военнопленных, которых спас его отец.

После этого разговора медперсонал обслуживал брата Марики особенно заботливо, и питание ему было назначено офицерское.

Интересная история была связана также с ее дядей, братом отца. Полное имя дяди было Карой, но в семье оно преобразилось в уменьшительно-ласкательное Карчи. Студент, готовящийся стать архитектором, был мобилизован в армию. Вместо карандаша и рейсшины руки Карчи теперь не очень уверенно сжимали винтовку. Но ничего не поделаешь — долг.

В России Карчи был ранен. Но на поле боя его не нашли. В похоронной команде решили, что виной этому — прямое попадание артиллерийского снаряда, которое разнесло беднягу в клочья. В семью грустный почтальон принес похоронку.

Семь лет Карчи оплакивали. Ежегодно в день, указанный в похоронном извещении, в церкви заказывали по нему поминальную службу. Но однажды родители павшего получили телеграмму: «Приезжаю завтра в девять утра. Прошу встретить на вокзале. Карчи». Расстроенная родня сочла это чьей-то злой и циничной шуткой.

Тем радостнее было увидеть живого Карчи, которого никто не поехал встречать и который сам подкатил к дому на таксомоторе. Из машины вместе с «воскресшим» вышла молодая красивая женщина с младенцем на руках.

Карчи приехал не один, а с молодой красивой русской женой и их первенцем. Когда улеглись эмоции, и все счаст-

ливое семейство, включая девочку-подростка Марику, сидело за столом, Карчи рассказал, что с ним произошло. Он был сильно контужен и лежал на поле боя без сознания. Его нашла русская девушка, притащила к себе в дом и выходила. Потом в России произошла революция, она вышла из войны, в этой неразберихе никому до Карчи не было дела. Венгр с русской поженились, и как только появилась возможность, Карчи увез семью, к тому времени пополнившуюся, к себе на родину.

Этот поворот в биографии дяди Марики направил его на творческую стезю: он начал писать картины. Особенно удавались ему русские зимние пейзажи, где было много снега, льда, где бушевали метели и мели поземки. В Венгрии он продолжал рисовать Россию: русская суровая зимняя природа стала темой его творчества.

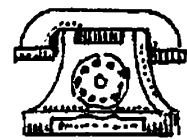
Всю жизнь Марику сопровождали — в скромных квартирах и дорогих домах, в Германии, Венгрии, Австрии — картины дяди Карчи. Незадолго до своей кончины он прислал ей в подарок книгу о своем творчестве с надписью на титульном листе: «Дорогая Марика, ты всецело поглощена своей жизнью. Посылаю тебе эту книгу, чтобы ты знала, кем был твой дядюшка».

Бонжур, Париж!

Первая наставница Марики в Будапеште, милейшая женщина, у которой она три года брала уроки танцев, уже ничего нового дать девочке не могла. Марика почти каждый день жаловалась отцу:

— Папочка, не знаю, как мне быть... Ведь здесь мне не у кого больше учиться...

И в один прекрасный день на семейном совете прозвучало: Париж! Неужели молитвы (в буквальном смысле слова!) Марики дошли до Бога?! Она была счастлива и не думала о том, что в жизни семьи все резко меняется. Отец, в котором парадоксально сочетались отсутствие деловой хватки и склонность к риску, легкомысленность и смелость, пошел

ва-банк: устав бороться с инфляцией, он вложил все свои деньги в банк, с директором которого был хорошо знаком, и купил четыре билета в Париж. И вот уже Марика, ее папа, мама и брат сходят с подножки поезда на французскую землю.

Много позже, на склоне лет, Марика Рёкк будет вспоминать, что Париж у нее вызывал смешанные чувства. Это был город вежливой и сдержанной холодности, не такой взрывчато-страстный, как Будапешт, но и менее надежный, небрежно-равнодушный. Ступив на платформу парижского вокзала, Марика громко и восторженно выкрикнула:

— Бонжур, Париж!

Этими двумя словами исчерпывался ее запас французской лексики.

Через несколько дней Марику отец отвел на пробный показ в знаменитое варьете «Мулен Руж». Девочку неприятно поразила проза дневного театра, который до этого она видела только в кино. На экране все сверкало и искрилось, а сейчас... Сейчас она увидела пригвожденный к фанерным щитам плюш, пропитавшийся запахами табака и пота, услышала, как неприятно скрипят кулисные колесики.

Но вот ей улыбается знаменитая миссис Гофман, руководительница танцевальной группы, протягивает руку. Марика вспоминает слова отца о том, как следует вести себя на просмотре, доброжелательно и уверенно смотрит в глаза миссис Гофман, пожимает протянутую руку. Поговорить, правда, не удастся, потому что Гофман и члены ее группы владеют только английским.

Марика приободряется, протягивает таперу принесенные с собой ноты, и зазвучала музыка. Марика вдохновенно и азартно танцует. Мелькают руки, ноги, девочка-подросток в тренировочном трико выдает один пируэт за другим.

Миссис Гофман подает рукой знак таперу и Марике:

— О'кей!

Потом подходит к девочке и приобнимает ее. И Марика понимает: она принята в труппу!

Едва ли не каждый вечер она выступает в знаменитом кабаре, и теперь она тоже кормилица семьи! Проценты с капитала

в будапештском банке небольшие, а платили танцовщицам в «Мулен Руж» прилично.

Но надо было учиться дальше. И тогда в жизни Марики Рёкк появилась русская наставница, мадам Рудковская. Ее тоже выбрали на семейном совете. Русская балерина, известная своей требовательностью и благожелательностью, стала для Марики не просто учителем, но и старшим другом. Уже через пару дней после занятий в школе Рудковская сказала Марике:

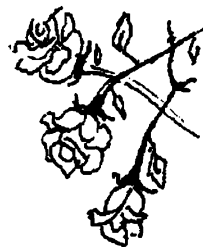
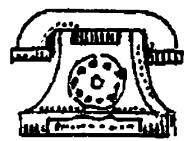
— У тебя хорошие способности. И чувство ритма отменное. У тебя в семье кто-то танцует?

— Спасибо за добрые слова, мадам, — с трудом подбирая французские слова и краснея, ответила девочка. — Нет, в семье никто не танцует. Но у папы хороший слух, он часто поет просто для себя. К тому же папа был хорошим спортсменом в Венгрии, у него есть медали за состязания в беге и прыжках в длину.

— Будем надеяться, что и тебя ждет прыжок — в творчестве. Но нос не задирать! Так говорят у нас в России.

Похвала наставницы окрылила Марику.

Через некоторое время отец снял деньги со своего счета в банке и на них устроил в Будапеште первый концерт Марики. Наутро в одной из популярных газет было напечатано: «Она танцует не ногами, а всем сердцем».

Велосипедистка на лесной тропинке

В июне 1944 года Геббельс жил в своем загородном имении в Ланке. Чтобы побыть в одиночестве, он отказался от привычного комфорта большого здания, а предпочел ему небольшой бревенчатый домик в лесу, примерно в 800 метрах от главного корпуса бывшего дворца, принадлежавшего когда-то прусскому дворянину. Он приказал охране и обслуге не тревожить его по пустякам, а если уж совсем будет необходимо, то предупреждать заранее по телефону. Слуга приносил ему еду под белоснежной салфеткой на серебряном подносе.

Магда Геббельс лечилась в санатории «Белый олень» в Дрездене, а дети с воспитателями резвились в другом имении Геббельса, в Шваненвердере.

Проникнуть на территорию Ланке было делом крайне сложным. Немногочисленные посетители, которые прибывали к Геббельсу по срочным делам, попадали на проходную, затем их провожали офицеры охраны через многочисленные заграждения.

Было около одиннадцати часов вечера, когда дежурный, патрулировавший строго охраняемую территорию, увидел в уже сгустившейся темноте ехавшую по лесной тропинке велосипедистку.

— Стой! — скомандовал офицер.

Женщина элегантно спешила.

— Добрый вечер, обер-лейтенант, — сказала она приветливо.

Офицер мучительно пытался вспомнить, где он видел ее. Знакомая? Жена кого-то из друзей? Или?.. Нет, этого не может быть — чтобы вот так, на простом велосипеде!? Неужели Марика Рёкк?! Наверное, похожа на нее...

— Могу я спросить вас, что вы здесь делаете?

— Я здесь катаюсь на велосипеде, — ответила женщина, которая теперь придерживала свой транспорт за руль.

— Вам известно, что это охраняемая территория?

— Ну да, известно.

— Тогда надеюсь, вы не будете на меня в обиде, если я вас задержу и отведу в специальное помещение. Там у вас поинтересуются о цели вашего визита и о том, как вы сюда проникли. — В голосе обер-лейтенанта появились строгие нотки.

— Ну зачем же так сложно? Я вам все сама расскажу. Я подъехала к лесу на автомобиле. Велосипед был в багажнике. Я пересела на него и поехала по тропинке.

Офицеру стало казаться, что женщина над ним надсмехается. В следующий момент он перехватил автомат: среди деревьев режимной территории промелькнула еще одна фигура.

— Стой! Руки вверх! — громко скомандовал офицер. И тут же почувствовал, как стали мокрыми от волнения ладони —

из-за дерева вышел рейхсминистр Геббельс. Он сложил из пальцев правой ладони «пистолет» и воскликнул игриво:

— Пиф-паф!

Геббельс подошел к вытянувшемуся по стойке смирно офицеру.

— Спасибо, обер-лейтенант. Не стоит беспокоиться, это моя гостья. Вы, наверное, узнали ее. Продолжайте дежурство.

— Слушаюсь, господин министр.

Министр взял Марику под руку.

Теперь офицер охраны уже не сомневался в том, что это действительно была любимица публики, кинозвезда. В сопровождении прихрамывающего Геббельса, который левой рукой катил по дорожке ее велосипед, королева экрана направилась в сторону охотничьего деревянного домика.

Вскоре они сидели в аскетично обставленной комнате, где звучала музыка из приемника и куда уже спешил с ужином проворный слуга с серебряным подносом.

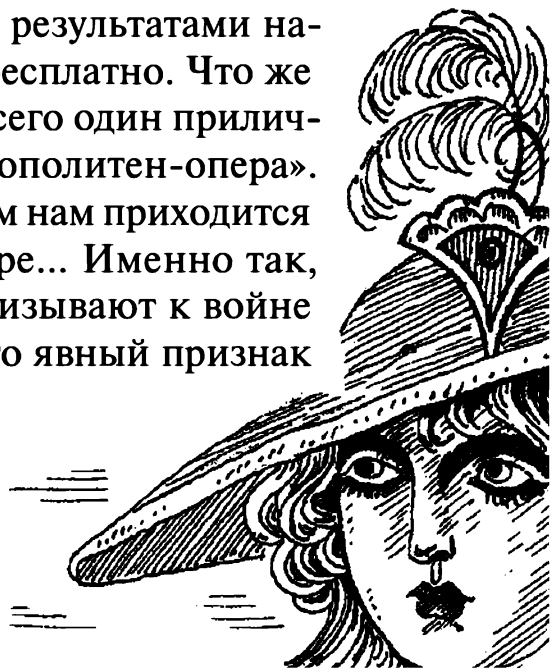
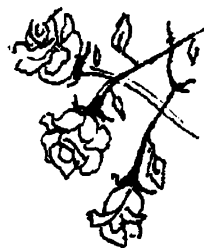
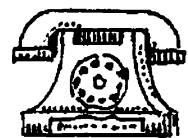
— Почему ты сразу не сказала, кто ты такая и что приехала ко мне в гости? Офицер растерялся, — мягко упрекнул Марику Геббельс, когда слуга удалился. Они пригубили вина.

— Не знаю, — с улыбкой пожала плечами Марика. — Иногда я начинаю импровизировать как-то помимо своей воли... Да и зачем им все про нас знать? Ведь правда, дорогой Йозеф?

— Возможно, ты права, — сдержанно ответил Геббельс.

Во время ужина он начал разглагольствовать на тему, которая, как ему казалось, могла бы заинтересовать Марику:

— Надеюсь, ты не будешь спорить о том, что Америка всегда готова участвовать в какой-нибудь войне в Европе. Ведь тогда у нее появляется возможность беспрепятственно и по дешевке поживиться чем придется, например достижениями культуры. И еще они стараются завладеть результатами научных исследований и творчества. И все бесплатно. Что же касается культуры... У американцев есть всего один приличный оперный театр на всю страну, «Метрополитен-опера». Они тащат свой народ к дикости! Между тем нам приходится жить вместе с ними в этом безумном мире... Именно так, дорогая... В Америке некоторые люди призывают к войне громче, чем президент Рузвельт. Что ж, это явный признак

морального вырождения Соединенных Штатов. — Геббельс усмехнулся: — Вот к чему привело то, что у них там всем управляют евреи!

А дальше из уст Геббельса прозвучало то, что уже завтра стало известно в Москве:

— И все-таки, дорогая Марика... Все-таки надо будет как-то договариваться с ними. Из двух зол — русские или американцы — придется выбирать меньшее...

Речь шла о том, что в 1945 году назовут операцией «Санрайз», — о тайных переговорах США и Великобритании, с одной стороны, и Германии, с другой. Начнутся эти переговоры почти через год, но о том, что высшее руководство Германии не исключает возможности сепаратных договоренностей с американцами и англичанами, в Москве узнали еще летом 1944 года. Достаточно было неосторожно проговориться Геббельсу, чуть хмельному от вина и присутствия обожаемой им женщины.

После войны

В 1951 году Рёкк объявила, что заканчивает актерскую карьеру. В немецкой прессе тогда писали, что она собирается открыть собственный бутик в Дюссельдорфе и продавать изделия из швейцарской шерсти. Но если верить опубликованным в «Бильд» документам, немецкая разведка пришла к выводу, что бутик — лишь прикрытие, которое позволит актрисе и дальше работать на СССР. Бутик, впрочем, так и не был открыт, а актерская карьера не прервалась.

Опубликованный «Бильд» отрывок из рапорта сотрудника контрразведки Германии гласит:

«...В № / 44 / V за 1951 год (речь о журнале «Шпигель». — А. К.) опубликовано фото Марики РЁКК и сообщение о том, что она намерена сняться еще в двух-трех фильмах и уйти на покой, посвятить себя частной жизни. Они намереваются открыть в Дюссельдорфе бизнес, — магазин оригинальных швейцарских трикотажных изделий. Если последнее подтвердится, то можно будет предположить: учреждение мага-

зина — свидетельство стремления к стабильной, надежной буржуазной жизни, и в этом случае дальнейшие дискуссии о деятельности семейной пары РЁКК/ЯКОБИ в пользу Востока, скорее всего, станут беспочвенными. Но, может быть, это лишь умелый ход для прикрытия дальнейшей работы двух вышеупомянутых лиц в пользу советской разведки...»

Марику Рёкк долго не снимали в кино за «связь с нацистами». Потом она снова стала востребована и в Германии, и в Австрии, и в Венгрии. Какова в этом роль советской разведки — сегодня можно только догадываться.

Стоявший во главе «Кроны» Ян Черняк, которого за его удивительный талант оставаться незамеченным называли еще и «человеком без тени», последние годы жизни работал в скромной должности переводчика в ТАСС. Он был уволен из разведки во время чистки при Сталине.

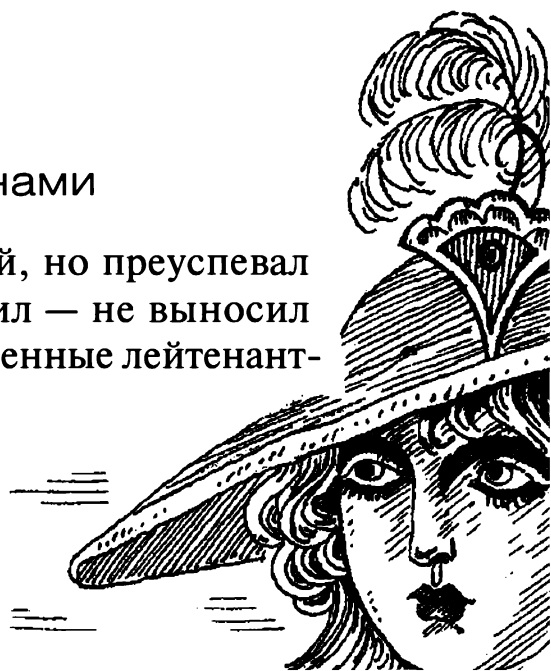
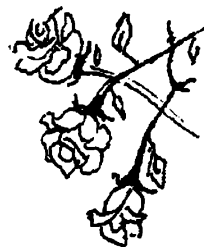
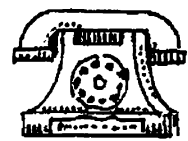
Большинство имен агентов «Кроны» до сих пор засекречено, так как эти люди работали на СССР и после войны в Германии, США, Италии, других странах. Благодаря работе «Кроны» Центр заблаговременно получил план «Барбаросса» и точную информацию о датах его осуществления. Яну Черняку с помощью своих агентов удалось выкрасть полную документацию о немецких авиационных радарх. Всего Черняк передал 12 500 листов технической документации, 102 образца аппаратуры, документы, касающиеся радиолокации, электропромышленности, корабельного и авиационного вооружения, металлургии Германии.

Марика Рёкк прожила 90 лет. До самой своей смерти в 2004 году она ни разу не обмолвилась о том, что была агентом «Илоной».

Коммандер Ян Флеминг

Репортер из зала суда над шпионами

Он был неусидчив за школьной партой, но преуспевал в спортзале. Военное училище бросил — не выносил дисциплины. И потому не получил вожделенные лейтенант-

ские погоны. Мечтал работать в Форин Офис, но провалил собеседование.

Будущий автор книг о Джеймсе Бонде долго метался, его душа тосковала по чему-то необычному и важному. Ведь он — сын знаменитого Валентайна Флеминга, героически погибшего в Первую мировую войну, некролог которому подписал сам Черчилль. И хоть нравилась Яну работа в информационном агентстве Рейтер, он и ее готов был оставить, если бы нашел в жизни то самое главное, пока неизвестное, но предназначенное именно ему. Командировка в Россию перевернула многое в его сознании и помогла определиться.

В 1933 году в Москве проходил судебный процесс над шестью английскими инженерами. Сотрудники фирмы «Метро-Виккерс» обвинялись в саботаже и шпионаже. Обвинитель, недоброй памяти Андрей Вышинский, неистово клеймил позором поникших головами подсудимых — английских метростроевцев, которые в конце концов признались, что, да, они работали на «Интеллидженс сервис». Один из обвиняемых, некто Макдональд, рассказал всю правду о своих коварных происках. Его коллега по разведке, Монкхаус, поведал о каналах утечки информации.

Позже руководство компании «Метро-Виккерс» официально признало, что под «крышей» проходческой компании действительно работали разведчики. Дело дошло до угрозы разрыва дипломатических и торговых отношений между СССР и Великобританией... но постепенно скандал выдохся. До 1937 года было еще далеко, и поэтому четверых английских метростроевцев просто выдворили из СССР, а двое других получили по два-три года и вскоре тоже отправились, отделавшись легким испугом, к родным туманным берегам.

Во время подготовки репортажей на этом судебном процессе Флеминг почувствовал не просто интерес к теме шпионажа, но и вкус к тайным операциям. Одну из них, не очень значительную, но пригодившуюся для дела, он придумал на ходу. Так как иностранных корреспондентов выпускали из здания Дома Союзов только по окончании заседания, то Флеминг писал отчет прямо в зале. Потом выходил в туалет, открывал там окно и выбрасывал на улицу плотный свиток

курьеру, которому платил за услуги. Тот стремительно несся к телеграфу и передавал сообщение в Рейтер.

Репортажи Флеминга в агентстве высоко оценили. Вдохновленный похвалой, Ян и его коллега из газеты «Обсервер» даже дерзнули отправить советскому лидеру письмо с просьбой об интервью. Ответ вождя народов был вежливый:

«Уважаемые господа Ричардсон и Флеминг! Я очень занят в данный момент текущими делами и, к сожалению, не имею возможности удовлетворить вашу просьбу. Иосиф Сталин. 25 апреля 1933 г.».

Но ведь ответил же. Это немало.

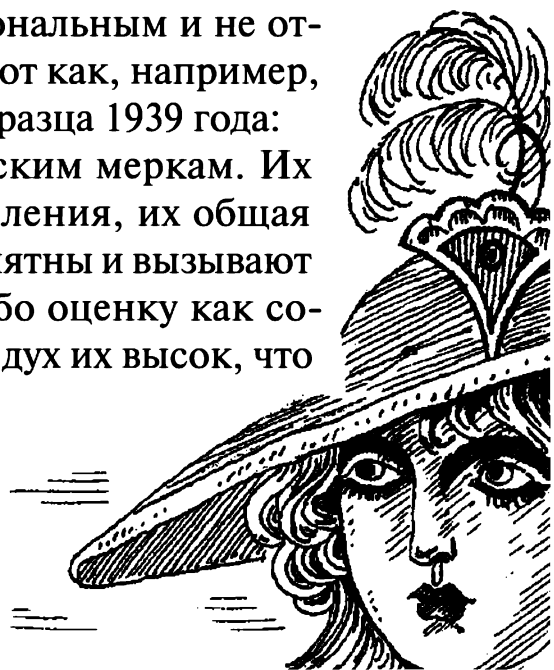
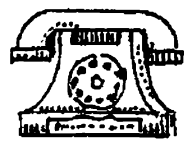
Самые алые в мире кумачовые ленты

Жизнь, казалось бы, наладилась. Но опять проявилась неусидчивость Флеминга. Он вдруг ушел из Рейтер, подался в банковское дело, потом в биржевые маклеры. Хорошо заработал. И, разбогатев, вновь заскучал по делам, связанным с тайнами и риском.

Весной 1939 года его снова командируют в Москву, теперь от газеты «Таймс». Теперь он — человек «двойного назначения»: помимо репортажей, Флеминг обязан поставлять английской разведке подробные отчеты с оценкой положения и настроений населения в СССР.

Флеминг успешен в обеих сферах: в редакции его хвалят за удачные интервью с Литвиновым и Микояном, а в офисе внешней разведки — за остроту наблюдений и тонкий анализ в донесениях и сводках. В своих секретных отчетах в «Интеллидженс сервис» Ян Флеминг, успешный журналист и будущий писатель, позволял себе быть эмоциональным и не отметать рождавшиеся в голове метафоры. Вот как, например, он описывал наших соотечественников образца 1939 года:

«Этих людей трудно судить по английским меркам. Их фатализм, отсутствие критического мышления, их общая неосведомленность совершенно нам непонятны и вызывают раздражение. Пытаясь дать им какую-либо оценку как союзникам, могу лишь отметить, что боевой дух их высок, что

храбрость и мужество сомнений не вызывают! Сотрудники английских и французских миссий, которые могут оказаться в России, несомненно, столкнутся в своей работе с определенными трудностями: они увидят такой административный хаос, о котором и не слышали, они запутаются в Саргассовом море кумачовых лент, самых алых в мире. Но как только настанет решающий момент, они сразу поймут, что все эти крутые ребята, небольшого роста (средний рост солдата где-то около пяти футов пяти дюймов), с невыразительными лицами, намного отличаются от плохо вооруженного пушечного мяса 1914 года».

Из лейтенантов — в подполковники

Вскоре после успешно выполненного задания в России Яну Флемингу была предложена штатная должность в спецслужбе. Его представили шефу военно-морской разведки Великобритании контр-адмиралу Джону Годфри. Тот подыскивал кандидатуру на должность личного помощника; требовался эрудированный, образованный человек, и при этом не карьерист, если брать худший смысл этого слова. В августе 1939 года Флеминг получает звание лейтенанта, но потом досрочно — командера (соответствует нашему капитану второго ранга во флоте или армейскому подполковнику). Ему был присвоено кодовое имя 17F и выделен кабинет № 39 в Адмиралтействе.

Его коллега Дональд Маклахлан вспоминал в своей книге «Тайны английской разведки»: «Из сотрудников комнаты 39, которые действовали от имени начальника управления, Ян Флеминг был если не самым развитым и подготовленным, то, во всяком случае, самым энергичным и инициативным... У него обычно моментально рождалась идея решения того или иного вопроса, и он сразу же приступал к действию, воодушевляя других и заставляя их верить в то, что все трудности можно преодолеть и все ошибки можно исправить. Решения и суждения он принимал не задумываясь, а иногда они были даже вызывающими. На документе, адресован-

ном начальнику управления, но попавшем в руки Флеминга, могла запросто появиться резолюция: “Не имеет никакого отношения к 17-му отделу. Флеминг”. После этого документ возвращался отправителю».

«Мясной фарш»

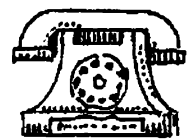
Работа Флеминга была штабной, мозговой. Так, он участвовал в разработке плана масштабной и многоходовой операции «Минсмит» («Мясной фарш») по дезинформации германского командования, которое надо было убедить в том, что союзные силы планируют в середине 1943 года вторгнуться в Грецию и Сардинию. А истинная цель была другая — Сицилия. Требовалось доказательно подбросить противнику поддельные документы. Яна Флеминга включили в специальную группу, которую возглавил капитан первого ранга Ивен Монтегю.

Было решено, что фальшивые документы «доставит» противнику труп, одетый в мундир офицера морской пехоты. Тело должны были прибить волны в нужном месте испанского берега. Для «утопленника» подготовили документы на имя армейского курьера Уильяма Мартина. Чье тело на самом деле участвовало в спецоперации — уже никто не помнит. Трупы не были дефицитом во время войны.

Для операции была задействована подводная лодка. Ивен Монтегю вручил одобренный командованием боевой приказ ее командиру. Текст приказа достоин того, чтобы привести его полностью; нельзя не отметить тщательность в деталях подготовки (цитируем по книге мемуаров И. Монтегю «Человек, которого не было»):

«1. Цель

Обеспечить доставку портфеля с документами на берег как можно ближе к Уэльве (Испания). Сделать это таким образом, чтобы создалось впечатление, будто портфель был в самолете, упавшем в море, и его вез офицер из Англии в штаб союзников в Северной Африке.

2. Способ

Мертвое тело, одетое в полевую форму майора английской морской пехоты, и спасательный жилет вместе с портфелем и резиновой шляпкой доставляются к побережью Испании подводной лодкой.

Тело, полностью подготовленное к спуску на воду, будет помещено в воздухонепроницаемый контейнер с надписью: “Обращаться осторожно — Оптические инструменты — Особая отправка”.

Контейнер имеет около 200 сантиметров в длину и около 60 сантиметров в диаметре, без всяких выступов с боков. С одной стороны он закрывается крышкой, которая плотно привинчивается болтами. К ней прикреплен цепочкой гаечный ключ. Как крышка, так и дно имеют ручки. Контейнер можно поднимать за обе ручки или пользуясь только ручкой на крышке, однако поднимать контейнер за одну ручку нежелательно, так как сталь, из которой он сделан, очень тонкая. Общий вес контейнера около 150 килограммов.

Тело в контейнере окружено слоем сухого льда, поэтому контейнер следует открывать на палубе, а не внутри подводной лодки, так как сухой лед выделяет углекислый газ.

3. Место

Тело должно быть спущено на воду так близко к берегу, как только возможно и как можно ближе к городу Уэльве, предпочтительно северо-западнее устья реки.

По данным гидрографического управления, течения в этом районе идут в основном вдоль побережья, поэтому для спуска тела на воду следует выбрать время, когда ветер дует в направлении берега. В это время года в указанном районе преобладают юго-западные ветры.

Последние сведения относительно приливо-отливных течений в этом районе, полученные от начальника гидрографического управления, прилагаются.

4. Доставка груза

Груз будет доставлен в порт отхода по суше в любой указанный день, предпочтительно как можно ближе ко дню отплытия. Портфель будет передан командиру подводной

лодки в это же время. Резиновая лодка находится в отдельной упаковке.

5. Спуск тела

Вынув тело из контейнера, цепочку, прикрепленную к ручке портфеля, необходимо закрепить на поясе шинели, в которую одет труп. Эта цепочка точно такая же, какие обычно надевают под шинель на грудь и выпускают свободный конец через рукав. На одном конце цепочки имеется застежка-карабин, позволяющая прикрепить ее к ручке портфеля, на другом — такая же застежка, которая застегивается на груди. Именно этот конец цепочки следует закрепить на поясе шинели, будто офицер, находясь в самолете, снял цепочку из соображений удобства, но все же оставил ее прикрепленной к поясу, чтобы не забыть портфель или не выронить его в самолете.

Затем тело, а также резиновую лодку следует спустить на воду. Поскольку резиновая лодка будет плыть с иной скоростью, чем тело, место спуска лодки относительно тела не имеет большого значения, однако она не должна находиться слишком близко к телу.

6. Осведомленные лица в Гибралтаре

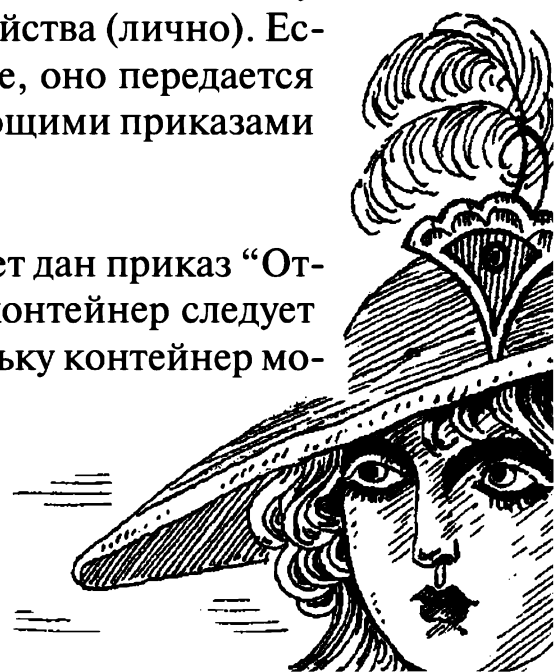
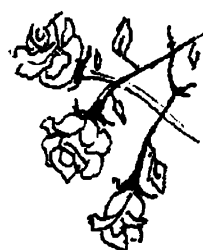
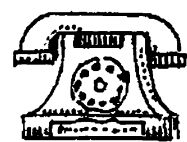
Предприняты шаги с целью сообщить о намечаемой операции начальнику гарнизона в Гибралтаре и начальнику разведывательного отдела его штаба. Кроме них, в Гибралтаре об операции никто не осведомлен.

7. Сигналы

Если операция пройдет успешно, необходимо донести: “Минсмит окончен”. В случае если донесение будет отправляться из Гибралтара, следует предупредить начальника разведывательного отдела, чтобы он адресовал его начальнику разведывательного управления Адмиралтейства (лично). Если донесение можно будет послать раньше, оно передается в порядке, предусмотренном соответствующими приказами командующего подводными силами.

8. Отмена

Если операцию придется отменить, будет дан приказ “Отменить Минсмит”. В этом случае тело и контейнер следует затопить в глубоководном районе. Поскольку контейнер мо-

жет обладать положительной плавучестью, его следует либо чем-нибудь загрузить, либо заполнить водой. В последнем случае необходимо тщательно проследить, чтобы тело осталось в контейнере. Портфель должен быть передан начальнику разведывательного отдела в Гибралтаре с указанием сжечь его, не вскрывая (если не представится возможности сделать это раньше). Резиновую лодку передать для уничтожения также начальнику разведывательного отдела.

9. Невозможность проведения операции

Если проведение операции окажется невозможным, необходимо донести, и как можно скорее: “Минсмит не состоялся” (см. пункт 7).

10. Маскировка

До начала операции достаточной маскировкой будет служить надпись “Оптические инструменты” на контейнере. После проведения операции экипажу подводной лодки можно сообщить, что наша цель — разоблачение очень активного немецкого агента в Уэльве и что благодаря операции будут получены данные, которые заставят испанцев выслать агента из страны. Одновременно необходимо внушить экипажу, что любая “утечка” сведений, когда бы она ни произошла, может лишить нас возможности заставлять испанцев поступать так, как это нам выгодно. Члены экипажа не должны впоследствии интересоваться достигнутыми результатами, так как операция требует полного сохранения тайны, иначе испанцы разгадают наш замысел.

Фактически самое важное заключается в том, чтобы немцы и испанцы отнеслись к документам так, как это предусмотрено пунктом 1. Если они заподозрят, что документы подложные, это будет иметь серьезные последствия.

И. Монтегю, капитан-лейтенант.

31.3.43 г.»

Через месяц, 30 апреля 1943 года, тело в форме морского офицера доставили на британской подводной лодке «Сераф» к испанскому берегу около Уэльвы. Чтобы поддержать легенду, англичане обратились в МИД нейтральной Испании с просьбой вернуть тело британского офицера, якобы погибшего

в результате авиакатастрофы. В газете «Таймс» была опубликована заметка о гибели офицера и названо его имя: W. Martin. Оно значилось в списке погибших в реальной катастрофе.

Испания была наводнена агентами Шелленберга. Через две недели фотокопии содержимого портфеля были положены на стол Гитлеру. Фюрер прочел в записке с грифом «Лично и совершенно секретно» о том, что союзнические войска собираются вторгнуться в Грецию и Сардинию.

А 9 июля 1943 года началась высадка союзников в Сицилии. Немцы оказались к этому не готовы. Черчилль потом удовлетворенно подтвердит: «Тот “мясной фарш” они все-таки проглотили».

Одним из «кулинаров», готовивших рецепт этого «блюда», был Ян Флеминг.

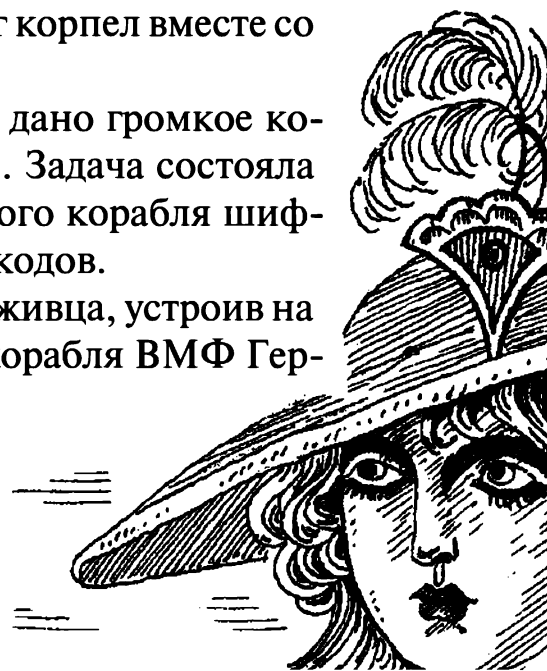
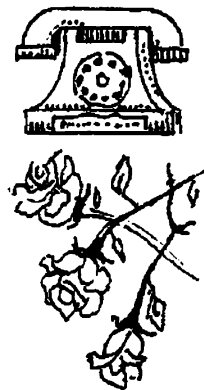
«Золотой глаз» и другие операции

Дональд Маклахлан свидетельствует в своих воспоминаниях: «Годфри при участии своего помощника Флеминга взял на себя инициативу разработки и проведения многих агентурно-диверсионных операций с целью, например, лишить Германию поставляемой ей Швецией железной руды, или заблокировать реку Дунай, или вывести из строя нефтеперерабатывающие предприятия в Румынии».

Главной задачей еще одной операции — «Голден ай» («Золотой глаз»; позже это название писатель Флеминг использует для одной из своих книг и так же назовет свою виллу на Ямайке) было сохранение рабочей структуры английской разведки в Испании в том случае, если страну захватят немцы. Над разработкой «Золотого глаза» Флеминг корпел вместе со знаменитым Кимом Филби.

Следующей разработке Флеминга было дано громкое кодовое название — операция «Жестокость». Задача состояла в том, чтобы выкрасть с немецкого военного корабля шифровальную машинку «Энигма» с набором кодов.

Флеминг предложил поймать немцев на живца, устроив на воду в проливе Ла-Манш, неподалеку от корабля ВМФ Гер-

мании, якобы вынужденную посадку немецкого бомбардировщика. «Чтобы получить доступ к “Энигме” военно-морского флота Третьего рейха, нужно ее выкрасть с немецкого военного корабля. С этой целью туда должен попасть наш человек, который спасется с горящего сбитого самолета, — окровавленный, в немецкой униформе», — излагал Флеминг свой план в служебном рапорте.

План операции «Жестокость» получил одобрение. Был подготовлен трофейный бомбардировщик «Хейнкель», подобран экипаж из знающих немецкий язык англичан. Но в самый последний момент случилась осечка: германский корабль неожиданно изменил курс, и операцию пришлось отложить. А потом ее и вовсе отменили.

Немецкие шифровальные коды были захвачены англичанами позже. Это позволило союзникам по антигитлеровской коалиции отслеживать субмарины нацистов и обеспечило им перевес в сражении за Атлантику.

Где утомленному есть сердцу уголок...

Многие факты о деятельности Флеминга в годы Второй мировой войны до сих пор засекречены. Известно лишь, да и то в общих чертах, что он координировал работу с американскими союзниками, руководил освобождением норвежских военнопленных из плавучей тюрьмы, участвовал в поисках секретных немецких лабораторий, участвовавших в изготовлении самолета-снаряда «Фау», был нелегалом в оккупированной Франции. В прессе появлялись сообщения — чему, правда, никаких подтверждений нет, — что он участвовал в эвакуации короля Албании и в похищении Мартина Бормана...

Но точно известно, что Флеминг причастен к созданию американских спецслужб: он составлял устав Управления стратегических служб (предшественника ЦРУ), курировал спецшколу по подготовке разведчиков.

Когда война закончилась, Флеминг стал терять интерес к работе в разведке. В 1946 году он вышел в отставку. Неза-

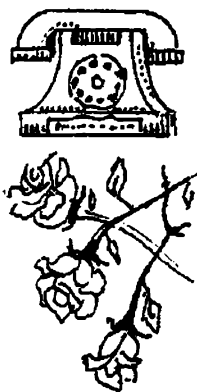
долго до этого он побывал на Ямайке, и ему так понравилось на чудо-острове, что он купил там поместье, назвав его «Золотой глаз», и решил полностью отдаться литературному творчеству. Благо, что впечатлений у него накопилось много. Так начался новый этап его жизни — и вскоре книгами Яна Флеминга про Джеймса Бонда стали зачитываться во многих странах мира.

Секретная миссия Михаила Калатозова

Самовары, бороды
и американские папиросы

«... **В** сценариях есть и исковерканный русский язык, и многочисленные элементы “клюквы” (самовары, бороды), и т. п. искажения советской действительности... и преувеличение роли Америки и симпатии к Америке в советской жизни (М. И. Калинин в фильме “Миссия в Москву” курит только американские папиросы)», — читала представленную ей служебную записку Лидия Кислова, ответственный работник Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

Да, пожалуй, она была согласна с главной мыслью автора записки, своего подчиненного: американцам, которые снимают картины об СССР, трудно разобратся в нашей жизни, ведь они не знают настоящих советских людей, их быт, привычки, психологию. Надо что-то предпринять. Тем более сейчас, когда идет война и американцы — наши союзники...

На основе этой служебной записки в марте 1943 года Лидия Кислова доложила о проблеме «киноклюквы» заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Георгию Александрову (однофамильцу знаменитого режиссера). В ЦК живо откликнулись и приняли решение: направить в США в качестве уполномоченного Комитета по делам кинематографии Михаила Калатозова, к тому времени уже знаменитого советского режиссера.

Длинным трудным путем — через азиатскую часть России, потом через Аляску, отправился в Калифорнию Михаил Калатозов. С собой он вез киносценарии, которые собирался предложить американцам, и проекты по обмену фильмами. Главной же его задачей считалась пропаганда советского кино.

Странным в этом контексте может показаться то, что случилось вскоре после того, как Калатозов и его возлюбленная Елена Юнгер (а по документам — жена) арендовали дом в Лос-Анджелесе.

Человек за стеклом

Ночью Калатозов проснулся от глухого стука. В неясном свете луны за стеклянной дверью балкона на первом этаже маячила фигура человека.

— Что вам нужно? — взволнованно спросил Калатозов.

Елена испуганно села в кровати, схватила трубку телефона, начала набирать номер полиции. Но в этот момент за стеклом раздался голос управляющего домом. Да, это был его итальянский акцент.

— Умоляю, не звоните в полицию! — взволнованно просил он.

Через минуту итальянец, закутанный до самых глаз шарфом, стоял перед Калатозовым и Юнгер.

— Что с вами? — поинтересовалась Елена с тревогой в голосе, показав рукой на шарф.

— А, чепуха, зубная боль... Только не зажигайте свет, пожалуйста, — торопливо добавил управляющий, заметив, что Калатозов потянулся к выключателю. — Я специально пришел к вам ночью, чтобы не быть замеченным.

— Ну что же случилось все-таки?

Итальянец размотал шарф. Присел на стул.

— Меня заставили потревожить вас чрезвычайные обстоятельства, — сказал он. — Сегодня меня опять вызывали в ФБР и требовали ключи от вашего подъезда. Думаю, хотят провести обыск квартиры...

— Плевать. У нас ничего нет интересного для них, — постарался остаться невозмутимым Калатозов.

Позже он вспоминал: все время пребывания в Америке ФБР плотно «пасло» его группу: их сопровождала, особо не таясь, машина наружного наблюдения, а телефон его работал как-то странно (спустя годы всплывут документы за подписью шефа ФБР Эдгара Гувера с указанием установить «прослушку»).

Агенты постоянно сопровождали режиссера и его «свиту», в которую входили переводчик и секретарь Зина Войнов и помощник Елена Горбунова. Когда любитель полихачить за рулем Калатозов купил «Додж», агенты не поспевали за ним на стареньком «Шевроле»; как-то им пришлось остановиться, чтобы починить мотор, и они прямо попросили «подопечного» ездить помедленней. Он отнесся со снисходительным пониманием: служба. Да и что взять с исполнителей... В одной из частных бесед Калатозов с усмешкой рассуждал: уж не фиктивная ли жена смутила американские власти? Ленинградская актриса Елена Юнгер была на самом деле женой народного артиста СССР Николая Акимова... Но, впрочем, это сугубо личная история, к делу не относящаяся.

Время шло. Михаил Калатозов продолжал заниматься своими делами в качестве представителя советского кинематографа в США.

В Голливуде

Газета «Лос-Анджелес таймс» поместила подробный отчет о встрече Калатозова с американскими коллегами из армейской кинослужбы. Вел встречу подполковник американской армии и кинорежиссер Анатолий Литвак. Работник советского консульства в Лос-Анджелесе переводил речь Калатозова. Тот рассказывал коллегам:

— Русские особенно интересуются музыкальными картинами. В этой области американцы впереди нас. Мюзиклы построены на точной синхронизации движения и музыки, на техническом опыте, в чем американцы достигли совер-

шенства. Русские сюжеты, основанные на творчестве наших великих писателей, — это, главным образом, настроение и душа. Здесь мы, пожалуй, на равных. По крайней мере, теоретически, — добавил он не без иронии.

Он отметил, что в СССР успешно прошли в прокате американские картины «В старом Чикаго», «Три мушкетера», «Миссия в Москву» и другие.

Калатозов много встречался с голливудскими продюсерами, вел переговоры о покупке американских и продаже советских фильмов, о приобретении в Америке для советского кинопроизводства новейшей съемочной техники. Он познакомился и подружился с яркими людьми, в том числе с Чарли Чаплином.

А теперь давайте внимательно вчитаемся в текст недавно рассекреченного рапорта агента ФБР о встрече Михаила Калатозова и Чарли Чаплина:

«24 октября 1943 года предполагаемый советский агент Григорий Хейфец прибыл из Сан-Франциско в Лос-Анджелес, где на званом обеде у Михаила Калатозова, уполномоченного Комитета по делам кинематографии при Совнаркоме СССР в США, общался с Чаплином...»

Агент? О ком речь? Оказывается, так в документе именуется советский консул в Сан-Франциско Григорий Хейфец, который, как теперь известно, в те годы был резидентом разведки на Западном побережье США.

Может быть, имена двух великих деятелей кино попали в этот рапорт случайно?

Досье ФБР на Калатозова

Несколько лет назад исследованием отношений американских спецслужб и Михаила Калатозова занимался живущий в США киновед и историк Валерий Головской. В вышедшей в 2006 году книге «Перебежчики и лицедеи. Лица и маски» он подробно анализирует рассекреченное досье ФБР на Калатозова, пишет о том, что агенты внимательно следили за со-

ветским режиссером, проверяли его переписку, банковские операции, ставили «жучки» в его телефоны.

Как раз когда Головской работал над книгой, была рассекречена и обнародована часть материалов по программе «Венона». В донесениях советских разведчиков под псевдонимом «Ивери» фигурирует не кто иной, как Михаил Калатозов. Вот, например, в январе 1944 года Хейфец телеграфирует в Москву:

«“Ивери” сообщил, что из личного разговора с известным артистом Чеховым у него сложилось впечатление, что Чехов был бы рад принять предложение возвратиться домой...»

В телеграмме от 31 мая 1944 года, отправленной резидентом советской разведки в Нью-Йорке «Мэем» — Агресьяном своему непосредственному начальнику «Виктору» (генерал-майору Павлу Фитину), в частности, говорится:

«...В нашем офисе мы храним:

1. Отчет Михоэлса, содержащий описание еврейских организаций США и некоторых их руководителей (18 страниц);
2. Материал, переданный нам «Ивери», содержащий описание некоторых кинокомпаний и людей, работающих в киноиндустрии (11 страниц).

Мы не знаем, нужно ли пересылать эти материалы вам».

Калатозов, кроме Хейфеца, часто встречался с Борисом Мороссом, советским агентом с 1934 по 1957 год (и, кстати, продюсером и музыкальным директором американских фильмов) и еще одним резидентом нашей разведки — Василием Зарубиным (Зубилиным).

Документы ФБР и расшифрованные по программе «Венона» телеграммы, отмечает Головской, «дают представление о некоторых сомнительных направлениях деятельности Калатозова в Голливуде, впрямую не связанных с его основной миссией». При этом автор книги «Перебежчики и лицедеи. Лица и маски» признается: «Я не смог доказать, что Калатозов был агентом советской разведки и занимался шпионской деятельностью, хотя определенные косвенные факты говорят об этом. Это не смогло доказать ФБР, а я тем более не хочу делать подобных утверждений».

Однако недавно обнародованная новая порция документов из архива ЦРУ (речь идет все о той же программе «Венона») заставляют по-новому взглянуть на деятельность Калатозова во время миссии в США. Для этого надо еще раз внимательно всмотреться в его окружение.

Агентурный псевдоним — «Заре»

Оставим в очередной раз за скобками отношения Калатозова с актрисой Еленой Юнгер.

Другая женщина из «близкого круга» Калатозова во время его работы в США — переводчик и секретарь Зина Войнов. Она родилась в России, но в 1936 году вышла замуж за американца русского происхождения Эндрю Войнова и осела в Америке. В начале 1930-х годов Войнов представляла в США «Интурист» и газету «Дейли ньюс». Известно, что после отъезда Калатозова из Америки она пыталась найти работу в киноиндустрии США, но безуспешно. Ничего шпионского (со стороны СССР) за ней не числится, хотя она вполне могла быть осведомителем ФБР.

Интерес для нас, однако, представляет не она, а еще одна женщина в окружении Калатозова — Елена Константиновна Горбунова. Вот шифрограмма резидента советской разведки от 11 мая 1944 года:

«АНТОН находится в контакте с ЗАРЕ с санкции ЦЕНТРА. Я познакомился с ней только под прикрытием, и она рассказала мне о своих делах по своей собственной инициативе с требованием освободить ее от работы на ФАБРИКЕ или перенести ее на ЗАВОД, о котором она уже попросила ДЕДУШКУ. Я считаю нецелесообразным раскрывать себя. Пожалуйста, позвольте мне встречаться с ней под прикрытием.

В связи с присутствием на ЗАВОДЕ ГОРОЖАН, которые проявляют чрезмерный интерес к нашим гражданам и во избежание компрометации скрытого статуса ЗАРЕ, она должна быть освобождена от работы только при условии перевода ее на должность студента в Колумбию (видимо, в Колум-

бийский университет в Нью-Йорке. — А. К.) или отправки ее домой.

Я прошу дополнительных инструкций».

Далее в опубликованном ЦРУ документе следует сделанная его сотрудниками расшифровка псевдонимов:

«АНТОН — Леонид Романович Квасников.

(Советский разведчик, полковник. В 1943 году направлен в Нью-Йорк в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке под легендой сотрудника “Амторга” — советско-американского торгового предприятия, служившего “крышей” для многих наших разведчиков. — А. К.).

ЗАРЕ — Елена Константиновна Горбунова (скорее всего, была шифровальщицей, что можно предположить по содержанию других документов, где она упоминается. — А. К.).

ЦЕНТР — штаб-квартира МГБ в Москве (так в тексте; правильно в те годы — НКВД-НКГБ. — А. К.).

ФАБРИКА — “Амторг”.

ЗАВОД — Генконсульство СССР в Нью-Йорке.

ДЕДУШКА — Евгений Дмитриевич Киселёв, генеральный консул СССР в Нью-Йорке.

ГОРОЖАНЕ — жители США.

МЭЙ — Степан Захарович Апресян, вице-консул СССР в Нью-Йорке».

Итак, подытожим. Резидент советской разведки Апресян отмечает, что Елена Горбунова с ведома руководства советской разведки находится в контакте с Леонидом Квасниковым. Апресян просит у руководства разрешения не раскрывать свой статус разведчика перед Еленой Горбуновой, с которой он познакомился только под прикрытием, то есть в статусе дипломата. Зная о том, что Горбунова тоже обладает скрытым статусом и малейшее подозрение в этом со стороны посторонних лиц нежелательно, он просит перевести ее на новое место работы максимально осторожно — под видом студентки или даже отправить домой, в СССР. Возможно, была опасность, что она «засветится».

Из дальнейших документов следует, что вскоре у Елены Горбуновой обнаружили туберкулез и она срочно была отправлена в Москву.

Но при чем тут Калатозов? Ответ — в примечании к еще одной расшифрованной телеграмме. Там речь идет о «Заре», которая нервничает из-за начинающейся болезни. Вот пояснение специалиста ЦРУ после основного текста:

«ЗАРЕ — Елена Константиновна ГОРБУНОВА, которая прибыла в США в июле 1943 года в качестве секретаря Михаила КАЛАТОЗОВА, представителя советской киноиндустрии в Калифорнии (так в тексте. — А. К.). Она переехала из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк в марте 1944 года».

На мой запрос в пресс-бюро Службы внешней разведки РФ пришел лаконичный и корректный ответ:

«Сведения о Горбуновой Елене Константиновне среди рассекреченных архивных материалов СВР России не выявлены.

Старший советник

Пресс-бюро

СВР России Е. Долгушин

№ 170/4830».

Среди рассекреченных материалов не выявлены... Так, может, эти сведения есть среди нерассекреченных? Наверняка, да. И автор этого очерка имеет право на собственную гипотезу по поводу того, что скрывалось за миссией Калатозова в США. А натолкнула меня на эту гипотезу одна из глав книги знаменитого советского разведчика Павла Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы».

Задача: очаровать

В годы войны НКВД и Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии делали все, чтобы раздобыть сведения об использовании атомной энергии в военных целях и создании атомных бомб.

Инициатором этой работы был начальник отдела научно-технической разведки НКВД-НКГБ Леонид Квасников. Особенно широко она развернулась после прибытия в Вашингтон знаменитой пары советских разведчиков Василия Зарубина (Зубилина) и его жены Елизаветы, с которыми взаимодействовал Григорий Хейфец. К этому времени Степан Апресян

установил агентурные подходы к виднейшим физикам Запада, благодаря чему в июне—сентябре 1945 года удалось раздобыть чертежи первой американской плутониевой бомбы.

Полученная в результате этой гигантской работы информация помогла создать атомную бомбу в СССР за четыре года. Если бы не разведчики, этот срок был бы как минимум в два раза больше. (Работа наших спецслужб по добыче атомных секретов — отдельная большая тема, не будем сейчас в нее углубляться, чтобы не впасть в скороговорку.)

Павел Судоплатов в то время руководил Четвертым управлением НКВД-НКГБ и был одним из координаторов деятельности советских разведчиков по атомной программе. В своей книге Судоплатов пишет о том, что к работе были подключены люди, пользовавшиеся большим влиянием на руководителей «атомного проекта». Их задачей было не добывать научно-техническую информацию и документацию, а — внимание! — косвенно способствовать установлению и укреплению контактов с нужными людьми.

Итак, устанавливать и укреплять контакты. Например, жена известного скульптора Коненкова, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась в Принстоне с крупнейшими физиками — «отцом атомной бомбы» Робертом Оппенгеймером и создателем теории относительности, имевшим полную информацию о ходе создания нового вида оружия, Альбертом Эйнштейном. Оппенгеймер и Эйнштейн к тому же были близкими друзьями.

Коненкова, как пишет Судоплатов, «сумела очаровать» ближайшее окружение Оппенгеймера. После того, как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника советской резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка (псевдоним «Лука») уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями. На разработку этих людей были нацелены нелегалы и агентура Семенова — советского разведчика, одного из основателей отечественной научно-технической разведки; организатора получения и регулярной передачи в СССР информации по разработке атомного оружия.

В крупной пропагандистской акции, создававшей благоприятный фон для проведения разведопераций, участвовал в 1943 году известный актер, руководитель Московского еврейского театра и одновременно глава Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс. Он вместе с известным советским еврейским поэтом (и агентом НКВД-НКГБ) Исааком Фефером совершил длительную поездку в США. Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял все тот же Хейфец.

Павел Судоплатов пишет:

«Берия принял Михоэлса и Фефера накануне отъезда и дал им указание провести в США широкую пропаганду большой значимости вклада еврейского народа в развитие науки и культуры Советского Союза и убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики.

Зарубин и Хейфец через доверенных лиц информировали Оппенгеймера и Эйнштейна о положении евреев в СССР. По их сообщению, Оппенгеймер и Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание... Оппенгеймер и Ферми не знали, что уже в то время они фигурировали в наших оперативных материалах как источники информации...»

Имя, имидж и харизма — тоже оружие

Вернемся к Калатозову. В качестве представителя советского кинематографа в США он... просто-напросто не был нужен: СССР уже имел своих кинопредставителей и в Америке в целом, и непосредственно в Голливуде. С 1922 года работала корпорация «Амкино», занимавшаяся обменом фильмами между СССР и США, а также организацией поездок видных деятелей американской кинематографии в Советский Союз и, соответственно, советских кинодеятелей в США. Прокат и реклама советских фильмов на американском рынке были заботой еще одной фирмы, под названием «Арткино».

Тем не менее в 1943—1945 годах Калатозов вовсю колесит по США: то он в Сан-Франциско, то на Восточном побережье — в Нью-Йорке и Вашингтоне. Во время поездок встречается с руководителями голливудских киностудий Луисом Майером, Сэмюэлом Голдвином, братьями Уорнерами, Уолтером Вагнером, с артистами, в том числе с Жаном Габеном и Чарли Чаплином, художником Анри Матиссом, писателями Бертольдом Брехтом и Генрихом Манном, скрипачом Яшей Хейфецом, миллионером Нельсоном Рокфеллером...

Газета «Голливуд репортер» опубликовала репортаж о приеме в честь супругов Калатозовых в модном ресторане «Маккомбо», где присутствовало около 500 приглашенных. Были среди них известные кинематографисты. В том числе коммунисты или просто сочувствовавшие левым идеям Джордж Кьюкор, Майкл Кертис, Сол Юрок, Фриц Ланг, Дадли Николс, Жан Ренуар, Грегори Ратофф, Орсон Уэллс, Лилиан Хеллман, Роберт Россен, Клифорд Одетс и другие. В роли ведущего великосветской вечеринки выступил Чарльз Чаплин.

Уровень этих встреч позволяет предположить, что помимо своих прямых обязанностей, связанных с кинематографом, Михаил Калатозов выполнял ту же задачу, что была поставлена перед Соломоном Михоэлсом и Исааком Фефером. А именно: создать в высших американских кругах, в том числе научных, благоприятный фон для подходов советских разведчиков и агентов к разработчикам и изготовителям атомной бомбы. А также к тем, кто находился в окружении этих людей или имел на них влияние.

Для этого и понадобился Калатозов — человек такого уровня, который позволял на равных общаться с выдающимися людьми разных (в основном творческих) сфер. Его имя, имидж и харизма тоже были оружием. Оружием, которое пусть и косвенно, но помогло крупнейшей операции советской внешней разведки по добыче информации о «Манхэттенском проекте» — программе США по разработке ядерного оружия. Так что инициатива ВОКСа и отдела ЦК партии оказалась как нельзя кстати.

Помогать режиссеру, судя по документам, должна была профессиональная шифровальщица Елена Горбунова, но

болезнь вскоре вывела ее из игры. Что стало с этой женщиной впоследствии — мы пока не знаем. В ФБР могли знать (или подозревать), что Горбунова — сотрудник советской внешней разведки. Этим и объясняются обыски, прослушка, наружное наблюдение.

Знал Калатозов о своей роли или же его использовали втемную — об этом остается гадать. Причем гадать на депешах нашей разведки, перехваченных и расшифрованных ЦРУ.

Стать разведчиком Лоуренсу Оливье приказал Черчилль

«Эту схватку ты должен проиграть!»

В американских театральных кругах 1930-х годов поговаривали то ли в шутку, то ли всерьез, что во время спектакля «Макбет» за кулисами дежурил кто-то из рабочих сцены и громко шептал-шипел во время финальной сцены, обращаясь к Лоуренсу Оливье:

— Эй, Ларри! Эту схватку ты должен проиграть!

Но нередко Лоуренс-Макбет так увлекался, что в схватке со своим врагом Макдуфом начинал побеждать противника, хотя ему, согласно Шекспиру, полагалось быть сраженным. Однажды Оливье так сильно рассек рапирой руку артисту Эллису Ирвингу, игравшему Макдуфа, что того пришлось срочно заменить и отправить на перевязку.

В этом сказывался характер великого британского актера театра и кино XX века, будущего лауреата четырех премий «Оскар» и многих других премий — Лоуренса Оливье. Он должен быть всегда первым, всегда лучшим, всегда победителем!

Поклонницы, задыхаясь от нежности, стерегут его у служебного входа театра, чтобы хоть краешком глаза узреть поближе кумира, чтобы хоть кончиком пальца коснуться его плаща... Лоуренс Оливье усыпан цветами, поцелуями, деньгами, его внимания ищут солидные и уважаемые люди. Он — победитель!

Еще не оскароносец,
но уже любимец

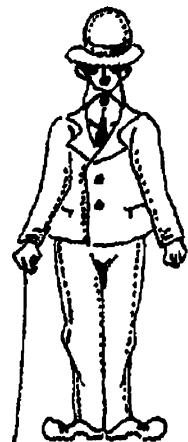
К статусу звезды Лоуренс Оливье шел целеустремленно. Родился он 22 мая 1907 года, в городе Доркинг, что в графстве Суррей (Великобритания). Отец-священник был строг, Лоуренса и его сестру и брата не баловал. В детские годы Лоуренс был привязан к матери Агнесс Луи, женщине мягкой, разделявшей тягу сына к лицедейству. Она радовалась его успеху, когда в девять лет он исполнил роль Брута в школьной постановке «Юлия Цезаря». Скончалась мать, когда Лоуренсу было тринадцать лет, и это стало для него сильным потрясением. В тот же год он поступил в Оксфорде в школу имени Святого Эдварда. А в семнадцать он уже студент Королевской школы драмы и ораторского искусства.

Строгий Оливье-старший, поначалу скептически относившийся к самой профессии актера, в конце концов согласился с тем, что у Оливье-младшего есть талант, и больше не противился тому, что сын сам выберет свой путь в жизни.

В 1926 году Лоуренса приняли в труппу репертуарного театра в Бирмингеме. Через год его уже считают там ведущим актером, он играет Гамлета и Макбета и быстро обретает известность.

В 1930 году Оливье впервые снимается в кино — в фильме «Временная вдова», вышедшем в прокат в 1931 году. Потом была главная роль в ленте «Желтый билет». Но по-настоящему как артиста кино его заметили в 1936 году после фильма «Пламя над Англией» режиссера Уильяма К. Хоурда. На съемочной площадке этого фильма Оливье познакомился со своей будущей женой Вивьен Ли, тогда еще скромной актрисой.

Популярность актера растет. Но внезапно он перебирается в США. Поклонники в недоумении, кто-то просто в шоке. Отъезд Оливье совпал с началом Второй мировой войны. У общественных зданий росли заграждения из мешков с песком, были готовы к приему людей бомбоубежища, обыватели стояли в очереди за противогазами...

Позже недоумение коллег и зрителей сменилось возмущением: почему в то время, когда Великобритания воюет, Оливье устремился подальше от родины, в безопасную Америку? А как же патриотизм? Его обвиняли в эгоизме и трусости, и ответить Оливье, в общем, было нечего...

Непатриотично, господа...

Подобные разговоры велись и за спиной видного продюсера и режиссера, много сделавшего для становления киноиндустрии Великобритании, — Александра Корды. В 1939 году Корда начал съемки фильма «Багдадский вор» (кстати, одной из первых цветных лент в истории кино) на студии «London Films», но в 1940 году перенес производство картины в США.

Никто из тех, кто возмущался переездом Корды в США, не знал, что незадолго до этого режиссер встречался с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. А многие из тех, до кого доходили разговоры об этой встрече, не верили, что она могла состояться в принципе: мол, это не уровень премьер-министра. Но, во-первых, мало кто знал, что Черчилля и Корду связывает многолетняя дружба. И, во-вторых, только единицам было известно, что Корда параллельно работает на английскую разведку МИ-6.

Приказы не обсуждаются

Черчилль был хмур, но улыбнулся старому другу.

— Прошу садиться, дорогой Александр.

— Благодарю. — Корда не знал, как теперь обращаться к Черчиллю, и не назвал его ни по имени, ни по должности.

— Дело, о котором я хочу с тобой поговорить, носит крайне конфиденциальный характер. Это будет информация строгой секретности, уровня государственной и военной тайны.

— Понятно. Я слушаю.

Знаменитая сигара Черчилля начала выписывать белосизые кренделя над столом из мореного дуба.

— Знаешь, дорогой друг, курение сигары подобно — не удивляйся! — любви. Сначала вас влечет форма, потом держит вкус. И никогда, никогда нельзя позволить огню загаснуть... — Черчилль улыбнулся, взглянув на Корду. Потом нахмурился и сменил тон: — Война началась не очень удачно для нас. Но будем считать, что это не начало конца, а конец начала.

Александр Корда поддержал:

— Только с таким настроением мы победим.

Черчилль согласно кивнул головой, пыхнув сигарным резким дымком:

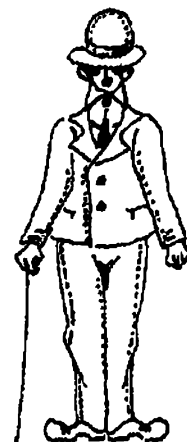
— Настроение во многом создаете вы, деятели кино. И кино должно делаться даже тогда, когда немецкие бомбы будут осыпать Британию... Александр, тебе надо подумать о перебазировании в США. И там продолжать делать свое дело. И подумать о том, кого взять с собой в команду. Пусть вначале нас не поймут. Думаю, мы переживем это недопонимание. Переезд нужен во имя высших целей...

Черчилль помолчал, потом продолжил, чуть повысив голос, чтобы подчеркнуть важность своей мысли:

— Думаю, с тобой должен поехать Лоуренс Оливье. В Голливуде есть все условия для того, чтобы создавать фильмы, которые способны будут поднять боевой дух по обе стороны океана. Да, да, и американский боевой дух также: вместе с нами США должны вступить в войну с Гитлером.

— Но я не могу приказать Лоуренсу...

— Могу приказать я, — насупившись, перебил Черчилль. — Передай ему, пожалуйста, мои слова: Уинстон Черчилль не просит, а приказывает выполнить свой долг перед родиной... Будут у Лоуренса еще некоторые задачи. Чуть позже мы с тобой их обсудим, а ты, в свою очередь, — с ним.

Тайная армия Черчилля

В июне 1940 года Оливье и его невеста, несравненная и уже оscarоносная — за участие в «Унесенных ветром» — Вивьен Ли, играют в Нью-Йорке заглавные роли в спектакле «Ромео

и Джульетта». Нельзя сказать, что это был их триумф. Критика кусалась, рецензенты фыркали. Оливье объявил через прессу, что они с мисс Ли на днях последний раз выступят в «Ромео и Джульетте», после чего первым кораблем отбудут на родину, в Великобританию.

Но он, как вскоре выяснится, поторопился.

Сначала Оливье и еще нескольких британских подданных старше 31 года получили от посольства Великобритании в США указание оставаться в Америке до получения дальнейших инструкций. Потом ему прислал телеграмму министр информации Дафф Купер. Министр просил Оливье воздержаться от возвращения, пока не будет решено, как наилучшим образом использовать его в военных целях.

Оливье приободрился — неужели его все-таки возьмут в морскую авиацию, куда он просился и о которой мечтал давно? Да, ему 33 года, а возрастной ценз для неподготовленных летчиков — 28 лет. Но ведь он уже умеет летать, он учился!

Но нет, речь шла не о морской авиации, а совсем о другом. Прибывший в Нью-Йорк Александр Корда пересказал Лоуренсу свой разговор с Черчиллем и сообщил, что хочет пригласить Оливье на роль с сильным пропагандистским уклоном. И это просьба премьер-министра.

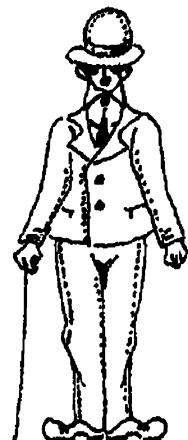
До поры до времени Корда не стал рассказывать о второй части задания, к которому решил привлечь Оливье Черчилль.

Никаких подписок Лоуренс Оливье не давал. Ни в какой штат его не зачисляли. И тем не менее он стал работником Отдела пропаганды секретной службы, созданной Уинстоном Черчиллем и тогдашним министром финансов страны Хью Долтоном. Называлась эта служба SOE (Special Operations Executive) — Управление специальных операций.

О существовании SOE знал узкий круг лиц. Задачей ее была вербовка агентов в нейтральных и воюющих странах, заброска их на оккупированные территории, поддержка местных движений Сопротивления. Между собой сотрудники SOE называли себя «Ополченцами с Бейкер-стрит» (штаб-квартира находилась на той же знаменитой улице, что и квартира Шерлока Холмса), а иногда — «Тайной

армией Черчилля» или даже «Министерством нечестной войны».

Управление разрабатывало, кроме прочего, план создания «вспомогательных частей» вооруженных сил Великобритании, которые должны были начать партизанскую войну в случае высадки немцев на Британских островах.

Медовый месяц длиной в три дня

В начале июля 1940 года Александр Корда сообщил Лоуренсу и Вивьен, что нашел для них замечательный сюжет, трогательный, с любовной линией и одновременно патристичный — историю взаимоотношений командующего британском флотом, вице-адмирала Горацио Нельсона и его любовницы Эммы Гамильтон. Но Вивьен отнеслась к этой идее скептически, Лоуренс, раздраженный вынужденной задержкой в США, тоже недовольно ворчал. Впрочем, особенного выбора у них не было.

По организационным и техническим причинам съемки не могли начаться раньше сентября. Вивьен и Лоуренс решили провести оставшееся до них время с пользой. 31 августа 1940 года они поженились. По этому случаю в гавани Сан-Педро на борту яхты «Дракон» состоялся миниатюрный фуршет: свадебный пирог и шампанское на четверых — новобрачных и двух свидетелей, они же гости, которыми были знаменитая актриса Кэтрин Хёпберн и Гарсон Канин, сценарист и режиссер. После фуршета матросы подняли якорь, и яхта отошла от причала. Медовый «месяц» в открытом море длился три дня.

Кроме того, пока шла подготовка к съемкам, Оливье решил все-таки получить удостоверение летчика. Почти ежедневно он летал, чем приводил в сильное волнение Вивьен Ли и Александра Корду, которые молились, чтобы все закончилось благополучно: ведь за ним уже числились три разбитых учебных самолета. И все же Оливье налетал положенные для получения удостоверения 200 часов. Этим он потом гордился всю жизнь.

Любимый фильм премьер-министра

Лоуренс Оливье не верил, что фильм «Леди Гамильтон» окажется удачным. Сценарий переделывался на ходу, морские битвы снимались в аквариумах с макетами кораблей. Но в целом примитивная картина с успехом прошла во многих странах, в том числе в СССР. Лента, проводящая параллель между противостоянием Наполеону и борьбой с Гитлером, попала в настроение публике. Она очень понравилась Уинстону Черчиллю. Известно, что картину показывали на борту «Принца Уэльского», который вез Черчилля летом 1941 года на встречу с президентом Рузвельтом.

Это был несомненный успех Александра Корды, которому удалось искусно заложить внутрь исторической ленты современный подтекст. Но этот успех вскоре обернулся против режиссера. Американские сенаторы обвинили кинокомпанию «Корда продакшн» в том, что она занимается на территории США пропагандой в пользу Великобритании и нарушает, таким образом, закон о регистрации иностранных агентов. В качестве иллюстрации был приведен эпизод в Адмиралтействе, где Нельсон в исполнении Оливье произносит страстную речь против диктаторов и настаивает на том, что с ними нельзя ни о чем договариваться. Нельсон-Оливье говорил о Наполеоне, но всем было понятно, что и о Гитлере тоже, с которым США в это время еще сохраняли мир. В сенатской комиссии от Корды потребовали доказательств исторической достоверности этой сцены. Доказательств не было.

Следующее заседание комиссии было назначено на 12 декабря 1941 года. Но 7 декабря японские самолеты разгромили Пёрл-Харбор — базу Тихоокеанского флота США. Это нападение послужило поводом для вступления США во Вторую мировую войну. Расследование против Корды лишилось смысла и было свернуто.

В конце 1940 года Лоуренс Оливье и Вивьен Ли покинули США и возвратились в Великобританию. Оливье осуществил свою мечту и поступил на службу в боевую авиацию. Но вско-

ре пришло разочарование: ему не давали летать, а лишь подключали к пропагандистским мероприятиям. В основном это были выступления на радио и участие в благотворительных концертах. Позже выяснится, что его просто берегли.

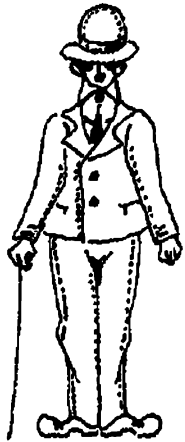
Агент влияния

Скупая информация об участии Лоуренса Оливье в деятельности спецслужб просочилась в общественный оборот лишь сравнительно недавно, в 2007 году. Ни сам Оливье в мемуарах, ни его биографы ничего не писали об этом. Пробел заполнила книга «Лорд Ларри: личный портрет Оливье» писателя Майкла Манна, который, в свою очередь, ссылался на информацию, полученную от близкого друга Оливье — композитора, актера и драматурга Ноэля Кауарда.

В книге лаконично упоминается о том, что Оливье имел поручение агитировать влиятельных американцев. Он должен был убеждать их в необходимости скорейшего вступления США в войну против Германии. Это и была вторая часть задания Лоуренсу Оливье, о которой Черчилль говорил с Кордой. По сути, Лоуренсу Оливье вменили в обязанность быть агентом влияния для продвижения интересов Великобритании в США.

Подробностей этой деятельности актера мы не знаем, свидетельств нет. В своей книге Манн говорит лишь, что влиятельные голливудские звезды могли познакомить Оливье с представителями элиты США.

Но работа Оливье как агента влияния включала не только великосветские беседы. На брифингах после кинопремьер, на приемах в салонах, в компаниях, где были важные люди, а то и в интервью газетам и журналам он полушутя-полувсерьез продвигал разработанные в спецслужбах Великобритании ложные слухи. Известно, например, что англичанами распространялись слухи о том, что у Британии якобы есть управляемый по радио самолет-бомбардировщик. Или другая, не менее впечатляющая «деза»: мол, в Англии изобретено специальное устройство, с помощью которого с самолетов

можно наносить тонкую пленку легковоспламеняющейся жидкости на поверхности воды. Или вот еще: упорно поговаривали, что из Австралии в Великобританию доставлены и выпущены в Ла-Манш две сотни акул, дабы помешать немцам форсировать пролив и высадиться на Туманном Альбионе. Двести акул! И это не анекдот...

Рисковал ли Оливье, будучи секретным агентом Черчилля? В какой-то мере, да. В США, где многие сохраняли иллюзии, что удастся отсидеться за океаном и избежать участия в войне, его вполне могли — во всяком случае, до вступления страны в войну — посадить в тюрьму как иностранного шпиона.

В роли Ивана Кузнецова

Примечательно: в фильме «Полурай» режиссера Энтони Асквита, снятом в 1943 году, Оливье сыграл советского инженера Ивана Дмитриевича Кузнецова, приехавшего в Великобританию устанавливать контакты с судостроительной компанией.

В фильме прослеживается идея: русские (советские) отныне — уже не «красная угроза», а наши союзники. Герой Лоуренса Оливье говорит по-русски, коротко стрижен, простоват в манерах. Он увлечен идеей внедрить в производство новый винт для ледоколов. Эта лента по-своему служила в годы войны укреплению отношений между Великобританией и СССР.

Грета Гарбо, шпионка на экране и в жизни

Ночной полет

Нобелевский лауреат полулежал в бомбовом люке. Вместо матраса под спиной у него был ранец с парашютом. В обеих руках великий физик Нильс Бор держал сигнальные

ракеты. Полчаса назад, заметив в его глазах немой вопрос, пилот пояснил:

— И парашют, и сигнальные ракеты могут пригодиться, если самолет собьют. Зенитки или истребители. Все может быть, особенно над Норвегией. Будем тогда спускаться на парашютах, как вариант — в море. Начнем сигналить и станем рассчитывать на норвежских или шотландских рыбаков. Они не раз уже спасали английских парашютистов. Не надо беспокоиться, сэр. В конце концов, нас будет трое — вы, я и второй пилот. Не пропадем!

Нильс Бор лежал и слушал, как дождь стучит по крыльям и фюзеляжу бомбардировщика. Потом взревели оба винта, дробь дождевых капель перестала быть слышна.

...Бомбардировщик «Москито» несся со скоростью почти 600 километров в час в направлении Северной Шотландии. Командир экипажа потянул штурвал на себя: надо было подняться повыше, чтобы не достали зенитные батареи на норвежском побережье. Летчики надели кислородные маски. Командир сказал в микрофон:

— Господин Бор, наденьте кислородную маску, скоро нечем будет дышать.

Но Нильс Бор не ответил.

Летчики заволновались: почему молчит их сверхценный пассажир? Не случилась ли беда?

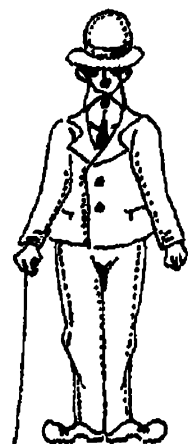
— Сэр, вы живы? — крикнул командир экипажа.

Молчание в ответ.

И тогда они пошли на снижение над Северным морем, рискуя быть сбитыми или атакованными истребителями.

На рассвете самолет благополучно приземлился. Открыли бомболюк. Нильс Бор по-прежнему судорожно сжимал сигнальные ракеты. Слава богу — жив, просто наушники шлемофона не доставали ему до ушей.

Так осенью 1943 года завершилась операция по эвакуации знаменитого физика-атомщика Нильса Бора. Главной ее задачей было не отдать нобелевского лауреата в руки Гитлера, приказавшего своим специалистам форсировать производство атомной бомбы. Им бы Бор очень пригодился.

О том, что это многоступенчатое мероприятие английской разведки завершилось успешно, Грета Гарбо, одна из тех, кто участвовал в его подготовке, узнала через несколько часов. Да, речь идет о той самой Грете Гарбо, великой актрисе, обладательнице «Оскара» и многих кинонаград. О ее участии в разведдеятельности стало известно в начале нынешнего тысячелетия, когда в Стокгольме рассекретили и обнародовали некоторые документы из архива шведской военной разведки.

Мы еще вернемся к ночному полету Нильса Бора. Но вначале напомним о том, кем была Грета Гарбо и что предшествовало ее секретной деятельности.

«Как не одеваться»

Она росла в бедности, у нее была обычная фамилия — Густафссон. Казалось, у девочки нет никаких особых перспектив в жизни. В четырнадцать лет, когда умер отец-кормилец, уборщик стокгольмских уличных туалетов, она пошла работать в парикмахерскую, потом продавала головные уборы в универмаге.

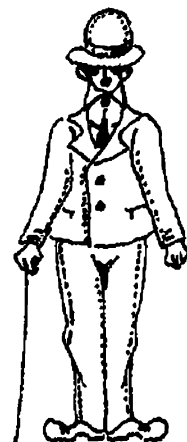
Однажды она позировала фотографу, демонстрируя фасоны шляпок, и неожиданно получила предложение поработать в рекламе. В 1921 году Грета впервые снялась в небольшом ролике «Как не одеваться» — это было нечто вроде пособия для тех, кому не хватало вкуса. Вслед за этим неожиданно стали поступать приглашения сниматься в кино в эпизодических ролях, а затем ей удалось получить грант на обучение в театральной школе при Королевском драматическом театре.

К этому времени нескладная девушка-подросток уже превратилась в стройную женщину с красивым, чуть холодноватым, загадочным лицом. И по мере этого превращения постепенно исчезала Грета Ловиса Густафссон, уступая место будущей кинозвезде Грете Гарбо.

Сценический псевдоним ей придумал режиссер Мориц Стиллер, пригласивший Грету на роль в свою картину «Сага о Йесте Берлинге», с которой и началось ее восхождение к славе.

От Густафссон — к Гарбо

Новая фамилия Греты довольно быстро оказалась на слуху. И, разумеется, ее не мог не заметить звездолубивый Голливуд. Первые ее фильмы — «Поток» (1926), «Плоть и дьявол» (1927) «Любовь» (1927), «Поцелуй» (1929) — были немыми. Но затем в динамиках кинотеатров зазвучал — с приходом эпохи звукового кино — низкий хрипловатый голос с легким шведским акцентом, который публика находила экзотичным и отчасти эротичным. Вышедший в 1930 году фильме «Анна Кристи» демонстрировался под рекламным слоганом «Гарбо говорит».

В 1931 году триумфально идут «Вдохновение», «Мата Хари», «Сюзанна Ленокс», в 1932-м — «Гранд-Отель», «Какой ты меня желаешь», в 1933-м — «Королева Кристина», в 1934-м — «Разрисованная вуаль». В 1935 году Грета Гарбо сыграла главную роль в фильме «Анна Каренина», в 1936-м блеснула в картине «Дама с камелиями», в 1937-м — в ленте «Покорение», в 1939-м — в мелодраме «Ниночка».

В 1941 году на пике успеха, славы и востребованности она снялась в фильме «Двуликая женщина» и... вдруг ушла из профессии. Навсегда.

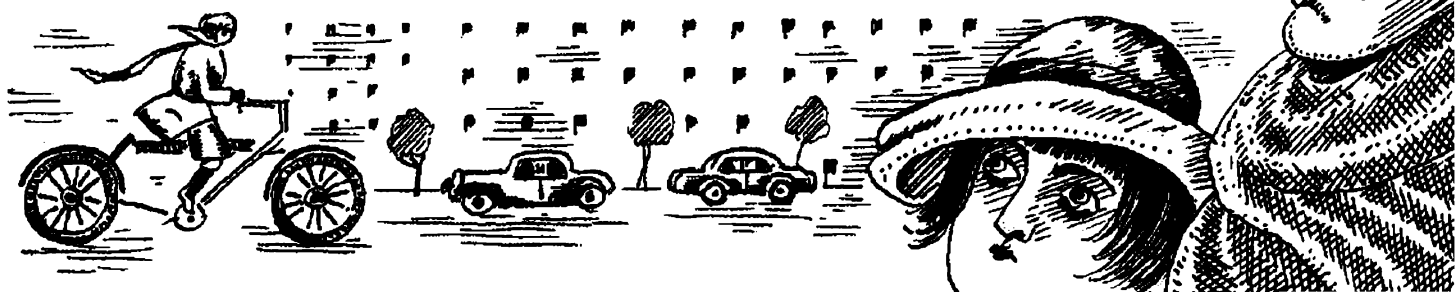

Никто ничего не понял тогда. Да и сегодня ее затворничество трудно объяснить внятно, ведь до конца жизни она больше ни разу не появилась на съемочной площадке. Сегодня доподлинно известно только то, что с началом Второй мировой войны голливудская Мата Хари из киноленты 1931 года превратилась в настоящую разведчицу.

Возможно, отведав вкус настоящего риска и ощутив свою нужность в реальной жизни, Грета Гарбо больше не захотела участвовать в создании голливудских грез.

Командировка на Багамы

Первое задание 34-летняя Грета Гарбо получила зимой 1940 года от голливудского режиссера и продюсера Алек-

сандра Корды, с которым она познакомилась годом раньше, на съемках фильма «Багдадский вор». Да, да, от того самого Корды, что работал на английскую МИ-6 и завербовал практически в то же время Лоуренса Оливье.

Корда сумел убедить Грету вернуться на родину, в Швецию. Задание было пикантным: ей поручалось сблизиться с шведским предпринимателем, основателем компании Electrolux Акселем Веннер-Греном, который, как выяснила английская разведка, помогал финансами гитлеровской Германии.

Чем это было тогда для Греты Гарбо? Утолением жажды приключений? Или она хотела быть причастной к борьбе с фашизмом? Возможно, у Гарбо в душе смешались оба эти мотива.

После встречи с главой нью-йоркской резидентуры английской разведки Уильямом Стивенсоном (получившим с подачи Черчилля псевдоним Intrepid — «Бесстрашный»), Гарбо собралась в Швецию, но внезапно план был скорректирован: поступила информация, что Аксель Веннер-Грен отбыл в свое поместье на одном из островов Багамского архипелага.

Пока Грета плыла к Багамам, в американском представительстве МИ-6 срочно разрабатывалась операция «Встреча». Утром в порту Грету встретил прибывший накануне под видом туриста представитель английской разведки, церемонно раскланялся и подхватил два легких ее чемодана. Он еще раз проинструктировал ее по пути в отель «Уайтхолл». Шли пешком: островок маленький, все рядом.

...Негромко переливались стонущие звуки гавайской гитары. На веранде ресторана были в основном военные, приехавшие в отпуск. Было известно, что ближе к 10 часам вечера придет «король пылесосов и холодильников» Аксель Веннер-Грен с небольшой компанией — у одного из его гостей был день рождения. Грета в больших темных очках сидела одна, к счастью, никто из посетителей ее не узнавал. Сотрудник МИ-6, потягивавший неподалеку коктейли со льдом, страховал ее.

Друзья Акселя Веннер-Грена, да и сам миллиардер явились, уже будучи навеселе. В углу веранды, где они устроились, захлопали пробки от шампанского, зазвучали тосты. Гитара замолчала, стала заливаться труба, замурлыкал саксофон, загремели барабаны — настал черед карибского ансамбля. Пошло веселье на всю катушку.

Грета уловила нужный момент и сняла очки. «Король пылесосов и холодильников» узнал Грету, с которой как-то познакомился на светском приеме в Швеции.

— Боже мой, это не сказка ли, не сон? Сама Грета Гарбо?!
Грета ответила сдержанной улыбкой.

Веннер-Грен попросил позволения присесть за ее столик. Потом спросил:

— Могу ли я, скромный поклонник вашего таланта, пригласить вас на танец?

Гарбо ответила по-шведски:

— Конечно. В знак признания вашего таланта предпринимателя.

— Благодарю вас. И как приятно говорить на родном языке. Нечасто услышишь его на Багамских островах, — улыбнулся Аксель.

Потом были танцы, цветы, прогулка к морю с компанией, в которой, как оказалось, была и жена миллиардера. Под шум волн Грета Гарбо как бы невзначай пожаловалась:

— Как здесь хорошо... Я так устала от Нью-Йорка, от шума и суеты городской жизни. И в Калифорнии в этом году тоже солнце не баловало...

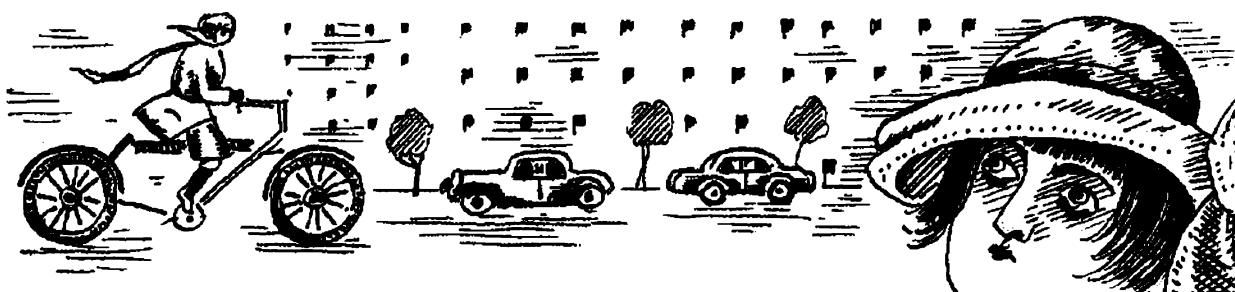
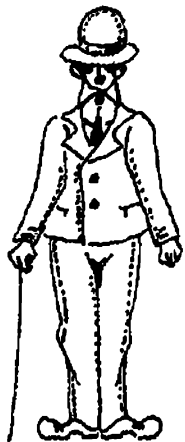
Аристократическое, чуть вытянутое лицо Акселя просветлело. Он отреагировал немедленно:

— Сочту за честь пригласить вас погостить в моем имении, Грета. Обещаю вам королевский комфорт и круиз.

Операция «Встреча» прошла удачно.

На борту «Южного креста»

Через два дня собственный самолет миллиардера взмыл в небо и направился в сторону столицы Багамских островов —

Нассау. На борту были сам Веннер-Грен, его жена, Грета Гарбо и несколько неизвестных актрисе пассажиров. Позже она узнает, что это были торговцы оружием. Затем все вместе они поднялась в Нассау на борт 96-метровой яхты Веннер-Грена «Южный крест».

Десять дней компания путешествовала по Вест-Индии. Веннер-Грен был очарован своей гостьей и стойко сносил ревнивые взгляды и реплики жены. То, что говорилось на яхте, передавалось в МИ-6 во время стоянок; связники находили способ незаметно подойти к Гарбо во время ее прогулок и походов в магазины и получали информацию на ходу, в буквальном смысле слова.

С небольшого, принадлежавшего Акселю Веннер-Грену островка, из окаймленного изумрудными садами поместья Шангри-Ла, а потом с борта «Южного креста» начальнику нью-йоркской резидентуры МИ-6 Уильяму Стивенсону поступала от Гарбо информация особой важности. А именно: данные о секретных контактах гитлеровцев в США и Европе, об участии Веннер-Грена в деятельности производившего оружие шведского металлургического концерна *Vofors*. Много интересного Веннер-Грен поведал о своих контактах с бонзами Третьего рейха, в первую очередь с Германом Герингом.

Позже Грета Гарбо не раз бывала гостьей Веннер-Грена в его замке неподалеку от Стокгольма, и все ее разговоры с хозяином немедленно становились известны МИ-6.

В феврале 2016 года шведская газета «Свенска дагбладет», ссылаясь на рассекреченные в США документы, рассказала о неудачной слежке агентов ФБР за Веннер-Греном и Гретой Гарбо в Лос-Анджелесе: они потеряли кинодиву из виду, когда она встречалась с земляком-миллиардером вскоре после круиза на «Южном кресте». Примечателен сам факт: за Гарбо, работавшей на английскую разведку, следило в годы войны американское ФБР.

Вскоре Грета Гарбо получила новое задание. Оно заключалось в подготовке эвакуации из Дании нобелевского лауреата Нильса Бора.

Неладно в Датском королевстве

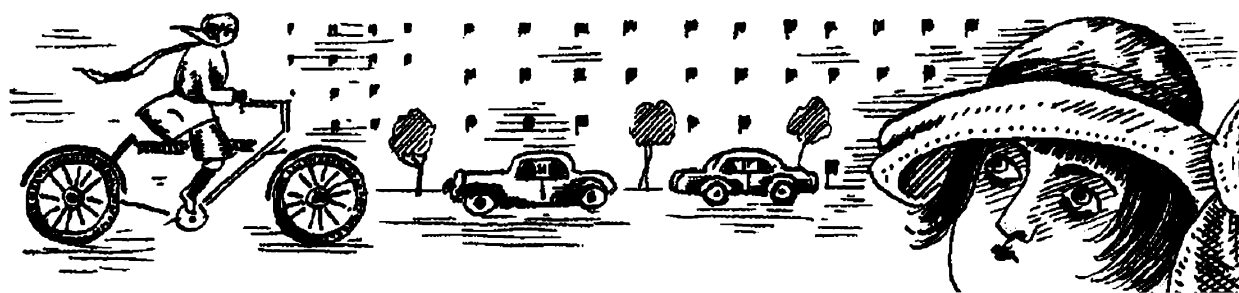
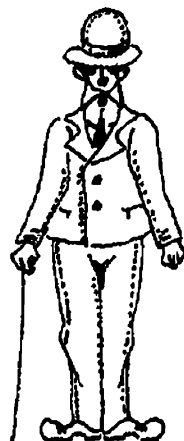
С апреля 1940 года в оккупированной Дании хозяйничали немцы. Не останавливавший свою исследовательскую работу наполовину еврей Нильс Бор находился под постоянной угрозой ареста. Друзья советовали ему покинуть страну, но ученый решил остаться в Копенгагене. Годы спустя великий физик вспоминал о том, как он был наивен в 1940 году:

«Я тогда совершенно не сознавал военного значения своей работы. Я был так поглощен идеей расщепления атома, что готов был поделиться своими выводами с немецкими коллегами. Не знал я и того, что люди из датского Сопротивления заминировали мою лабораторию и готовы были в случае опасности взорвать ее. И даже вместе со мной».

Но настроение Бора постепенно менялось, аполитичность уступала место глубокой антифашистской убежденности. Немцы об этом до поры до времени не догадывались. В октябре 1941 года к Бору в Копенгаген с важным предложением прибыл немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг, руководитель атомного проекта Третьего рейха. Он предложил ему сотрудничать с нацистами. Бор ответил отказом, проявив при этом по отношению к коллеге дипломатичность и такт.

С 1943 года появляется все больше признаков, что Бор в опасности. Друзья информируют ученого, что нацисты ищут повод арестовать его вместе с семьей. Гестапо подсылает к нему провокаторов, которые просят Бора организовать их побег в Англию, и он с большим трудом избегает ловушек.

Тем временем спецслужбы антигитлеровской коалиции получают все больше подтверждений тому, что в Германии ведутся работы над ядерным оружием. Наконец, поступает информация о том, что гестапо и абвер готовятся выкрасть Бора из Дании, перевезти в Германию и подключить к работе над созданием атомной бомбы.

Опередить германских нацистов

В МИ-6 ломают головы над тем, как опередить немцев. Но Дания оккупирована нацистами. Вывезти Бора в Англию можно с территории нейтральной Швеции, но там у МИ-6 почти никаких связей.

И тогда в США сэр Уильям Стивенсон снова связывается с Гретой Гарбо, и кинозвезда пересекает океан. Она едет в родную Швецию, где знает многих влиятельных людей, в том числе членов шведской королевской семьи. В сумочке Греты лежит письмо английского физика Джеймса Чедвика, адресованное Нильсу Бору. Чедвик убеждает нобелевского лауреата срочно покинуть Данию и прибыть в Англию. Письмо начинается так:

«До меня дошло окольными путями, что Вы подумываете о переезде в нашу страну, если к тому представится благоприятная возможность. Мне не нужно говорить Вам, как был бы я счастлив увидеть Вас вновь. В мире нет другого ученого, к которому с большей благожелательностью отнеслись бы и университетские круги, и широкая публика... Если Вы решите приехать, Вам будет оказан самый теплый прием, и Вы получите возможность послужить нашему общему делу.

Я никоим образом не хочу влиять на Ваше решение, ибо только Вы один можете взвесить все обстоятельства, а я питаю безусловную веру в Ваш суд, каким бы ни оказался приговор».

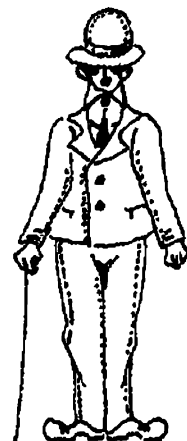
Это письмо Гарбо передала по конспиративной цепи капитану датской армии В. Гюту, а тот доставил его Бору. В ответном письме Бора, которое вскоре легло на стол уже не Чедвика, а высоких чинов британского правительства, перемешались романтизм, героизм и наивность:

«...Я чувствую, что в нашем безысходном положении мой долг — помогать народному сопротивлению, тем угрозам, каким подвергаются свободные институты Дании, и защищать тех ученых, которые нашли здесь прибежище. Однако ни сознание этого долга, ни даже мысль об опасных репрессиях против моих коллег и семьи не весили бы достаточно

много, чтобы удержать меня здесь, если бы я чувствовал, что другим способом мог бы оказаться более полезным, но едва ли это вероятно. Я убежден, что практически невозможно немедленное использование последних чудодейственных открытий атомной физики, какие бы перспективы они ни сулили в будущем.

Однако настанет момент — быть может, в скором времени, — когда положение вещей изменится, и тогда я смогу в меру своих скромных сил тем или иным путем помочь восстановлению интернационального сотрудничества во имя прогресса человечества. Как только придет этот момент, я с радостью сделаю все, чтобы присоединиться к моим друзьям».

Стало ясно, что Бора надо не уговаривать, а просто экстренно увозить. Было принято решение готовить его переправку в Швецию.

Королевский прием

Грета понимала, что помощь надо искать на самом верху. И вот уже ее каблучки стучат по брусчатке королевского двора.

В официальной резиденции монарха Густава V — тихо и торжественно. Кабинет золотится даже в пасмурный день. Король приветлив и участлив:

— Как добрались, фрекен Гарбо?

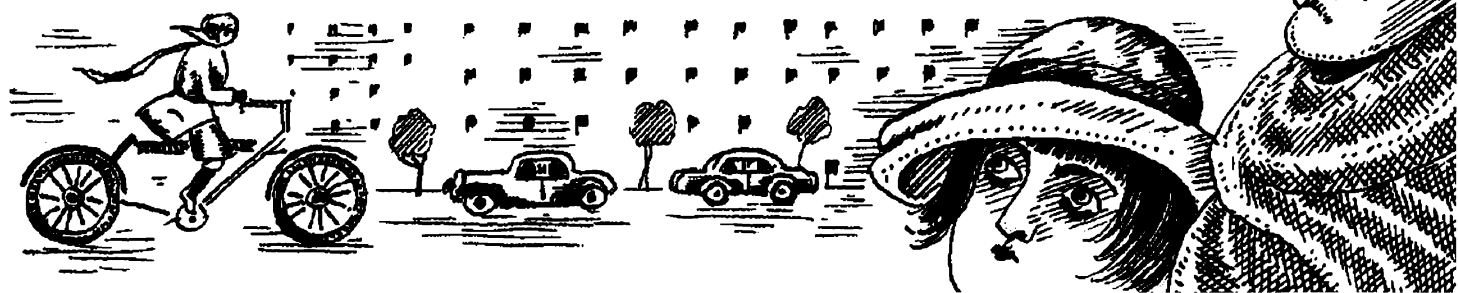
— Благодарю вас, ваше величество. Приезд на родину для меня — всегда радостен. Особенно теперь, когда на меня легла непростая миссия, из-за которой я вчера по телефону и просила об аудиенции.

— Я буду рад быть полезным вам.

Разговор длился около двух часов.

— Я все понял, фрекен Гарбо, — сказал король под конец беседы. — Рассчитываю на то, что в этом деле нам поможет король Дании Кристиан X, мой друг и родственник.

В тот же вечер по секретным дипломатическим каналам королю Дании было доставлено из Швеции шифрованное письмо от Густава V.

Положение Кристиана X было двойственным. В 1940 году, едва закончилась операция немцев по демонстративному штурму старой крепости над гаванью Копенгагена и пленению расквартированного там гвардейского полка, датский король не только объявил о капитуляции, но и поздравил германского генерала Курта Химера с «блестяще выполненной работой». То есть с оккупацией своей страны и своих подданных.

Долгое время Кристиан X был послушной немецкой марионеткой. Однако в 1943 году, когда Германия стала терпеть одно поражение за другим, он осмелел и все чаще не подчинялся требованиям оккупантов. Через него шведским и английским секретным службам удалось связаться с представителями датского Сопротивления, и оно подключилось к операции по переброске Нильса Бора в Швецию.

Нильс Бор долго пах рыбой

Собственно, именно датские участники Сопротивления вывезли Бора и его жену в Швецию — на рыболовецкой шхуне.

В трюме остро пахло рыбой. Потом долго одежда Нильса Бора и его жены Маргарет не могла освободиться от этого «амбре»... Наконец, шхуна пришвартовалась в небольшой гавани неподалеку от Мальме.

Через несколько дней Маргарет встретит здесь их детей и брата. А сам Нильс Бор поедет поездом в Стокгольм. Там ему вручат телеграмму от лорда Черуэлла, личного советника Черчилля по научным вопросам: это было официальное приглашение в Великобританию. Медлить было нельзя: обнаружилось, что за Бором следят немецкие шпионы.

Как мы уже знаем, ночной полет на самолете «Москито» прошел благополучно. В конце 1943 года Нильс Бор и его сын Оге отправились в США, в Лос-Аламос, для участия в работе над Манхэттенским проектом.

Снова в Дании Бор оказался в 1945 году, когда она уже была освобождена от оккупантов.

Графит или «тяжелая вода»?

В 1945 году советская разведка получила задание добыть у Нильса Бора необходимые сведения — назовем это консультацией — о наиболее перспективном пути создания атомного реактора. Стоял вопрос, делать его графитовым или на «тяжелой воде»?

Провести консультацию с Бором предложил Курчатов, которого поддержал Берия. После некоторых споров и сомнений в Копенгаген в гости к Бору направили профессора Якова Терлецкого — физика, профессора физического факультета МГУ и одновременно подполковника НКВД. О результатах этой поездки Берия подробно доложил Сталину, а ответы Бора на поставленные вопросы были переданы Курчатову. Это помогло советским ученым выбрать правильный путь: в качестве замедлителя в атомном реакторе был использован графит.

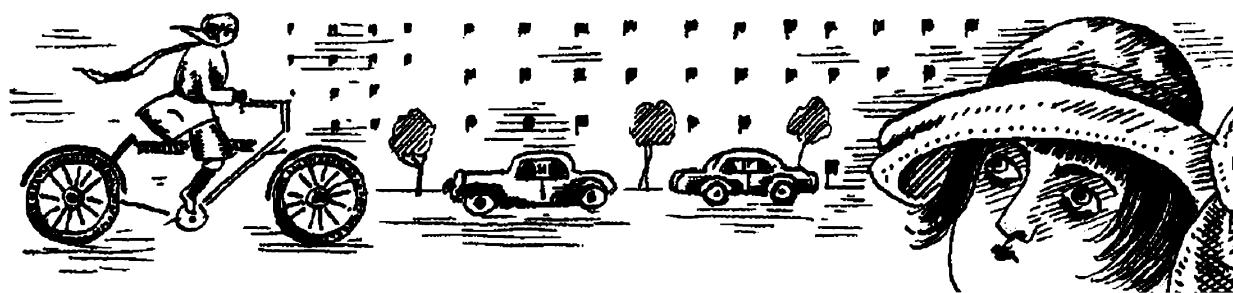
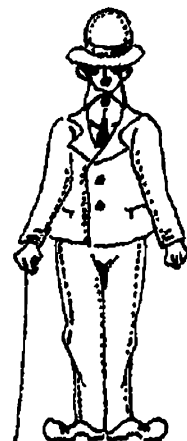
Контакты советской разведки с Бором были строго засекречены. Настолько, что прибывший в СССР в 1960-е годы Бор, встретившись с Терлецким, сделал вид, что не знаком с ним. Разумеется, наш ученый тоже соблюдал конспирацию.

Несостоявшееся покушение

В Швеции Гарбо продолжала работать на МИ-6, сообщая Александру Корде и Уильяму Стивенсону обо всем, что могло, по ее мнению, заинтересовать разведку.

Но амбиции Гарбо, возможно, простирались гораздо дальше. Много лет спустя она сказала своему близкому другу Сэму Грину: «Гитлер был моим поклонником. Он часто писал мне и много раз приглашал в Германию. Мне следовало бы поехать туда, прихватив пистолет в сумочке. Я могла бы убить его очень легко. Ведь я была единственным человеком, которого не осмелились бы обыскать».

Вот что пишет по этому поводу британский историк и публицист Дэвид Брет в своей вышедшей в 2012 году книге

«Грета Гарбо: божественная звезда»: «У нее было огромное желание проникнуть к самому большому злодею и убить его... У Греты был чрезвычайно скрытный и независимый характер. Никто не мог приказать ей, что надеть или как себя вести. Она не была замужем, не имела детей и жила одна. И, конечно же, эта гениальная актриса никак не показывала, что готовится к важнейшей миссии — уничтожению Гитлера».

Но документальных доказательств подготовки актрисы к покушению на фюрера автор не приводит. Верить в это или не верить?.. Пусть это останется романтической загадкой яркой кинозвезды и смелой разведчицы Греты Гарбо.

Детективная сага о Форсайте

Прикрытие — репортер

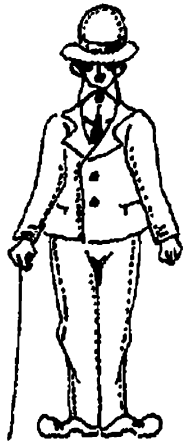
Лишь в 2015 году, после выхода романа «Аутсайдер», автор популярных шпионских романов Фредерик Форсайт признался, что свыше двадцати лет работал на внешнюю разведку Великобритании. В 1960-е годы МИ-6 пригласила Форсайта к сотрудничеству, учитывая то, что у него была за плечами служба в ВВС, он бегло говорил по-немецки и по-французски, а его профессия журналиста была готовым прикрытием.

Кандидат в шпионы стал полноценным разведчиком в 1967 году. Это случилось в Нигерии, где самопровозглашенная Республика Биафра пыталась отстоять свою независимость. Вот как Форсайт вспоминал об этом в интервью российскому Первому каналу: «В конце 60-х я работал журналистом в Нигерии, освещал гражданскую войну, где мы поддерживали правительство. И люди из разведки хотели знать, правда ли, что во время этой войны гибнет много детей, ведь такого быть не может? Это, мол, журналисты напридумывали! Они сказали: у нас в Нигерии никого нет, подтверди нам, что это действительно так. Чтобы мы как-то поменяли политику. И я описал им ужасное, истинное положение дел».

Свои впечатления о войне в Нигерии Форсайт описал в 1969 году в своем первом романе «История Биафры». Одновременно с этой книгой были написаны отчеты, которые легли в архив британской разведки.

Известным писателем он стал после выхода второй книги — «День Шакала», о покушении на французского президента де Голля. Форсайт рассказывал слушателям «Радио Свобода»: «...После войны между Биафрой и Нигерией, которую я освещал, я вернулся в январе 70-го года в Лондон и оказался у разбитого корыта: ни денег, ни квартиры, ни машины, ни работы. Что делать? Вот тогда и пришла мысль заработать писательством... Я написал “День Шакала”, книга хорошо продалась, я рассчитался с долгами...»

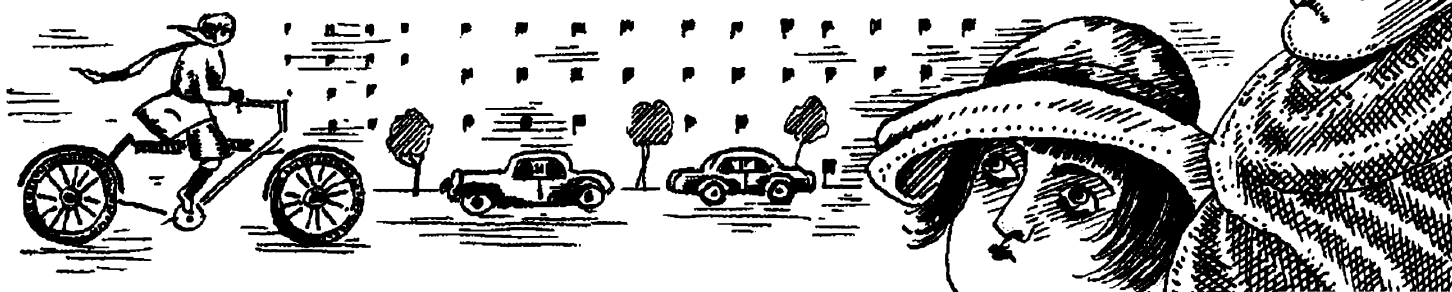
«День Шакала» принес Форсайту деньги и славу, но при этом чуть не погубил своего автора!

Чем опасна популярность

Дело было так. В 1974 году Форсайт работал над романом «Псы войны». По сюжету группа белых наемников готовит захват власти в африканской стране. Форсайт всегда стремился к реалистичности, был тщателен в мелочах, точен в деталях. Всегда во время работы над книгой или перед этим он посещал места, в которых происходит действие.

Форсайт знал, что центром нелегальной торговли оружием в Европе считается Гамбург, и отправился туда под видом помощника южноафриканского бизнесмена. Под этой «легендой» писатель решил войти в контакт с преступной группировкой, занимавшейся оружейной контрабандой. Состоялась даже встреча с одним из членов этой ОПГ. Но надо же было такому случиться: пришедший на переговоры с писателем контрабандист в этот же день оказался около книжного магазина, в витрине которого был выставлен роман Форсайта «День Шакала» с портретом автора. Торговец оружием тут же поднял тревогу. «Расшифрованный» таким образом Форсайт оказался под угрозой смерти.

Едва он вернулся в отель, как зазвонил телефон. Незнакомый голос твердо велел: «Захватите паспорт и деньги и срочно бегите из города! Вас опознали по портрету». Форсайт понял, что «засветился», и не стал мешкать. Спустя несколько часов он уже летел домой.

Впоследствии выяснилось, что его предупредил об опасности агент британской разведки, внедренный в окружение гамбургских оружейных «баронов».

Секретный пакет в туалете музея

В 1973 году Фредерик Форсайт выполнял задание британской разведки в ГДР. Оно состояло в том, чтобы получить секретные документы от агента и доставить их в Лондон.

В интервью журналистам Форсайт не назвал имени агента и не стал описывать его внешность. Лишь сказал: «Там был агент, русский полковник, работавший на нас в Восточной Германии, у него был пакет, который мы должны были вывезти». И с усмешкой добавил, что пакет получил в туалете Музея изобразительных искусств в Дрездене.

Это задание стало самым опасным в карьере Форсайта. «...Мне пришлось всю ночь на огромной скорости выбираться из ГДР, — рассказывал он, — у меня заканчивался срок визы. С собой у меня были важные секретные документы, которые не должны были попасть в руки восточногерманских властей. За мной тогда увязался полицейский патруль. Он меня догнал, но дело было лишь в превышении скорости. Я это быстро уладил. Когда полицейские гнались за мной, я этого не знал, думал, что конец, операция провалилась. И, конечно, я тогда жутко нервничал».

Роман с чешкой

Самым романтичным периодом своей шпионской деятельности Форсайт считает работу в Праге в 70-х годах прошлого века, когда он сотрудничал с местным информационным

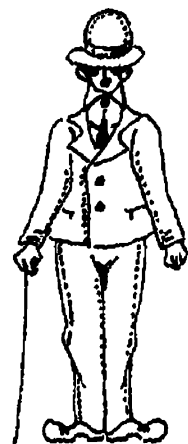
агентством и одновременно занимался сбором разведывательной информации для МИ-6. В это время познакомился в Праге с очаровательной чешкой, и между ними начался роман.

Форсайт вспоминал: «Помню, мы лежали на берегу озера, где занимались любовью, и я сказал ей: “Похоже, что сейчас ваши гэбэшные “хвосты” оставили меня в покое”. — “Ошибаешься, дорогой, — сказала моя пассия, — это я присматриваю за тобой от нашей службы безопасности”. — “Ну, если ты — тайная полиция, — ответил я, — тогда, конечно, никаких проблем, такая слежка меня устраивает”».

Сотрудничество Форсайта с МИ-6 длилось двадцать лет. Это был тоже своего рода роман, ведь за агентурную деятельность писатель не получал денег. Это была его принципиальная позиция — работать на этом поприще бесплатно.

И все же шпионская работа окупилась с лихвой. Его романы «День Шакала», «Досье ОДЕССА», «Псы войны», «Поводырь», «Четвертый протокол», «Кулак Аллаха», «Икона», «Афганец», «Кобра», «Список убийств», «Аутсайдер. Моя жизнь как интрига» и другие изданы суммарным тиражом более 70 миллионов экземпляров. Они переведены на десятки языков, многие экранизированы.

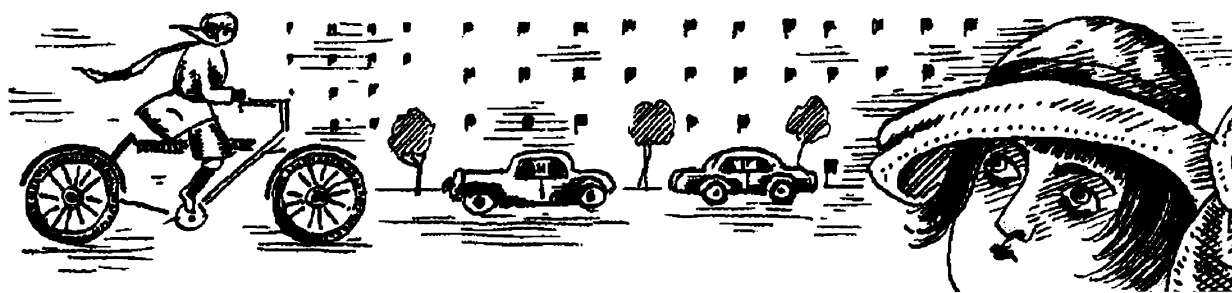
По собственному признанию, детективы Форсайт читает редко. Наверное, потому, что слишком многое угадывает с первых же страниц.

Нелегал Глущенко учил Гитлера рисованию

Привет от Виктора

17 апреля 1940 года художник Николай Глущенко прибыл в Берлин в составе делегации Всесоюзного общества культурных связей. День выдался интересный: беседы с представителями немецкой интеллигенции, чиновниками министерства культуры и переехавшими в Германию соотечественниками.

Вечером был устроен прием в честь гостей из СССР. Когда Глущенко закончил беседу с немецким чиновником и на какое-то время оказался один, к нему подошел человек с неярко выраженными кавказскими чертами лица.

— Вам привет от Виктора, — негромко сказал незнакомец.

На пароль последовал отзыв:

— Он тоже просил меня перед отъездом передать вам привет.

Так состоялось знакомство советского разведчика Николая Петровича Глущенко, носившего агентурное имя «Ярема», с резидентом НКВД в Берлине (под прикрытием должности первого советника полпредства СССР в Германии) Амаяком Кобуловым, братом Богдана Кобулова, заместителя Берии. В московской картотеке Амаяк Кобулов был зашифрован под псевдонимом «Захар».

— Рад встрече и знакомству с вами, — улыбнулся Амаяк «Захар». — В этой светской круговерти нам не удастся, пожалуй, толком поговорить. Если вы завтра вечером свободны, мы могли бы погулять по парку Тиргартен. Там спокойно пообщаемся и подышим свежим воздухом.

Они встретились в парке, у озера Нойер, неторопливо пошли по аккуратным, присыпанным мелкой балтийской галькой, дорожкам.

День иссякал, эстафету принимали сумерки, готовые быстро сдать темному вечеру.

— Слушаю вас, — деловито произнес «Захар».

Глущенко осторожно посмотрел по сторонам и негромко сказал:

— Начну с главного. Гитлер готовится к войне с СССР.

Амаяк Кобулов задумчиво пожевал губами.

— Информация, как вы понимаете, сверхважная. Назовите источники.

Николай Петрович пояснил:

— Я встречался с руководством Украинского научного института. По сути, это одно из ведомств Министерства пропаганды Германии. Финансирование, контроль за их деятельностью очень плотные. Там работает некто профессор Кузели, он руководит научно-исследовательской частью.

В частной беседе со мной он прямо так и сказал: война точно будет.

— Это не могло быть просто эмоциональное утверждение? Откуда данные?

— Он ссылался на общение с высокопоставленными представителями немецкого правительства, — уточнил «Ярема».

— Понятно. Продолжайте.

— Косвенно это подтверждается тем, что недавно по заданию ведомства Геббельса институт издал большими тиражами немецко-украинские словари для пехоты и летчиков. Кроме того — большой словарь военно-топографических, экономических и политических терминов на украинском языке. Сейчас готовятся к печати немецко-украинские разговорники и топографические карты Украины...

Разговор продолжался. Со стороны казалось, что добрые товарищи гуляют по парку, вспоминают что-то приятное. В Москве, когда Глуценко получал инструкции, его наставляли: не нервничайте, сдерживайте эмоции на людях, иногда улыбайтесь, и вы не привлечете к себе ненужного внимания. Если, конечно, вас не будут целенаправленно «пасти» гестапо или абвер.

По итогам этого разговора Амаяк Кобулов на следующий день отослал шифровку, а вскоре за подписью Берии была подготовлена докладная записка на имя Сталина и Молотова. Тема: возможное начало войны Германии с СССР. В документе говорилось:

«Посланный ГУГБ НКВД СССР в Берлин разведчик “Ярема” сообщил: “Невзирая на заключенный с СССР договор о дружбе, правительство Германии активно готовится к войне против Советского Союза. Всеми средствами гитлеровцы маскируют приготовление с целью не дать повода к недовольству со стороны Правительства нашей страны. В подготовке агрессии Германия широко использует украинские националистические организации под флагом борьбы за создание «самостоятельной Украины”».

Для националистических ячеек создан ряд материальных правовых льгот, среди украинской эмиграции проводится значительная пропагандистская работа. Националисты на-

значаются на разные должности в министерстве внутренних дел, армии, полиции и пограничных войсках под предлогом подготовки государственных, политических и военных деятелей для будущей соборной Украины. Украинский научный институт, который работает в Берлине под руководством министерства пропаганды, в последнее время значительно активизировал свою деятельность и стал центром научно-исследовательской работы украинских националистических организаций, призванных научно обосновать антисоветскую работу. С 1939 г. институт фактически подчинен немецкой администрации, но персонал остался украинским. Это научное заведение развило бурную издательскую и исследовательскую деятельность специфического характера. В течение 1939–1940 гг. им был издан военный немецко-украинский словарь для инфантерии, аналогичный словарь для пилотов и большой немецко-украинский словарь специально для военно-топографических, экономических и политических обзоров отдельных регионов Украины.

Готовятся к печати карманные военные словари и детальные карты территории Украины. Научно-исследовательской работой института руководит профессор Кузеля, прежний “гетманец”, связанный с бюро Розенберга. В разговоре с “Яремой” относительно немецко-оуновских планов в ближайшее время он сказал: “Я общаюсь со многими немецкими политическими деятелями и скажу со всей ответственностью — война с СССР не за горами. Мы и в настоящий момент много работаем, но пытаемся быть незаметными, потому что немцы заинтересованы, чтобы не заострять отношений с Советским Союзом. Для украинской национальной эмиграции Гитлером создан режим наибольшего благоприятствования”.

Характеризуя разнообразные политические группировки эмиграции, их антагонизм, Кузеля отметил: “В сущности, споры между ними имеют формальный характер. Такое состояние временно устраивает немцев, но главная цель одна и хозяин один”».

Таким образом, советский разведчик «Ярема», он же известный к тому времени художник Николай Петрович

Глущенко, сообщил о подготовке Германии к войне с СССР на пять месяцев раньше, чем это сделал легендарный Рихард Зорге.

Кисть и штык

Когда «Ярема» встречался с «Захаром», ему было 38 лет, из которых он провел в Российской империи и Советском Союзе лишь двадцать. Нет, он не путешествовал, не искал художественного вдохновения вдали от родины. Так уж сложилась судьба многих из тех, кто появился на свет в начале тяжелого и непредсказуемого XX века.

Он родился в семье бухгалтера в сентябре 1901 года, в городе Новомосковске Екатеринославской губернии (ныне — Днепропетровская область). После ранней смерти отца семья переехала в Курскую губернию, в село Борисовку. Тут Николай впервые заинтересовался живописью: стены дома старинного казацкого рода Глушковых-Глущенко были увешаны портретами воинов-запорожцев со сверкающими «шаблюками» в руках. Позже мальчик узнал, что его дядя был хорошим копиистом. Познакомившись с местными иконописцами, под их влиянием он начал учиться рисованию.

По настоянию матери, мечтавшей о благополучии сына, которое, как она считала, может дать только стабильная профессия, Николай поступил в восьмиклассное Коммерческое училище в Юзовке (ныне — Донецк). Но к коммерческим наукам он относился с прохладцей и продолжал рисовать то, что видел: шахты и шахтеров, терриконы, бараки, дымящиеся трубы.

Вот если бы, мечтал Николай, получилось зарабатывать на жизнь любимым делом, кистью, красками и карандашами...

После училища он отправился в Харьков, где поступил в высшую техническую школу. Но большую часть времени проводил не над учебниками, а за мольбертом. Ходил по музеям, покупал альбомы старых мастеров — и планировал стать художником.

Жизнь, однако, внесла коррективы в его планы. Суровая и жесткая реальность 1919 года: восемнадцатилетнего Николая мобилизовали в деникинскую армию, присвоили звание прапорщика, — ведь за спиной училище, и, значит, быть ему офицером (тогдашний прапорщик — это сегодняшний младший лейтенант).

Он воюет в составе Добровольческой армии против красных. А затем с остатками разгромленных деникинцев оказывается в Польше, в лагере для интернированных лиц. Лагерь очень напоминает концентрационный, при первой же возможности Николай бежит и оказывается в Германии.

Учитель будущего фюрера

Несколько месяцев он неприкаянно скитался на чужбине, с трудом зарабатывая на кусок хлеба разовыми работами, найденными по объявлениям в немецких газетах. Языка он почти не знал, а его коммерческое образование никого здесь не интересовало.

Год жизни прошел в тягостной неопределенности. Одно радовало — возможность рисовать с натуры в местных парках. И вот случилась встреча, которая круто изменила судьбу Николая.

Как-то раз рано утром он рисовал в парке стоявшую в центре цветочной клумбы статую женщины. Карандашный рисунок был уже почти готов, когда на лист бумаги упала тень. Николай поднял голову — его работу внимательно рассматривал немолодой мужчина с бородкой и длинными седыми волосами. Разговорились: оказалось, к Глущенко подошел профессор берлинской художественной школы.

— Весьма недурно, молодой человек, — одобрительно заметил профессор. — Учились? Или еще учитесь?

— Самоучка, — коротко и скромно ответил Глущенко. Он был смущен неожиданной похвалой и стеснялся своего акцента.

— Тем более... Зайдите ко мне, если сможете. Вот моя визитная карточка. — Профессор был приветлив. — До свидания.

Через некоторое время после этой встречи Николай стал слушателем частной художественной школы-студии Ганса Балушека, а потом и студентом Берлинской высшей школы изобразительных искусств в Шарлоттенбурге. Учеба была платной, и здесь молодому талантливому художнику помогли бывший «Его Светлость Ясновельможный Пан Гетман Всея Украины» Павел Скоропадский и его соратники — один из лидеров националистов профессор Роман Смаль-Стоцкий и писатель, общественный деятель Владимир Винниченко.

Жизнь стала налаживаться. Появились заказы и деньги. Николая хвалили и ценили в школе. Он пользовался успехом у женщин, там более что умел и любил стильно одеваться, а еще потому, что был строен и силен: занимался теннисом, десятиборьем и боксом.

Вскоре он уже сам преподает в Берлине в художественной школе профессора Кампфа. По некоторым свидетельствам, несколько уроков у него в то время взял начинающий художник Адольф Шикльгрубер. В те годы в щуплом и неуверенном в себе человеке еще не угадывался будущий Гитлер.

Глуценко в советские годы, впрочем, не подтверждал этого факта, который мог бросить тень на его репутацию. Не любил он вспоминать и о своих берлинских покровителях Скоропадском, Смаль-Стоцком и Винниченко — по тем же соображениям.

Знакомство с Александром Довженко

Тем временем вытесненная гражданской войной в Европу и Америку националистическая украинская эмиграция, не брезгуя ничем, обзаводилась новыми источниками финансирования. Центры националистических украинских движений находились во Львове, Варшаве, Вене, Париже, Праге и Берлине.

Пан Скоропадский не желал считать себя «калифом на час». Он пережил быстрый политический взлет аж до гетмана Украины и такое же быстрое падение. Но Скоропадскому

грезился реванш. Со товарищи он создал монархическую организацию под названием «Украинский союз хлеборобов-державников», ее филиалы действовали в США, Канаде, Австрии, Чехословакии, Польше, Франции.

Параллельно с «хлеборобами» существовала и становилась все более влиятельной «Украинская военная организация» (УВО), которую возглавлял Евгений Коновалец. Через два десятка лет он, в отличие от Скоропадского, будет сотрудничать с гитлеровцами.

Советской разведке нужен был человек, вхожий или могущий войти в круги украинской националистической эмиграции. И вот в поле зрения Иностранного отдела ОГПУ попадает молодой, элегантный, общительный и талантливый художник Николай Глущенко. Воевал на стороне белогвардейцев? Это как раз сейчас на руку советской разведке. И то, что ему в свое время покровительствовали враги советской власти, — тоже большой плюс. Сделает легенду прикрытия убедительной.

В 1923 году у Николая Глущенко начинает брать уроки рисования будущий великий кинорежиссер, а тогда — секретарь консульского отдела Торгового представительства УССР в Берлине Александр Довженко. Они не то чтобы дружили, скорее — приятельствовали. Об их беседах и спорах ничего неизвестно, но известен факт: в том же 1923 году Николай Глущенко оформил советское гражданство. Какова роль в этом Александра Довженко — трудно сказать. Но возможно, именно он рекомендовал Глущенко на вербовку. Ведь и сам Довженко к тому времени уже, скорее всего, работал на советские спецслужбы.

Кстати, завербовать Александра Довженко было нетрудно: на него был серьезный компромат: он успел послужить добровольцем в армии Украинской народной республики, в Третьем Сердюцком полку. Каким же образом человек, воевавший в свое время против большевиков, стал сотрудником торгпредства УССР в Берлине? Предположение напрашивается само: вероятно, Довженко параллельно работал на ОГПУ.

Парижские тайны

В 1924 году Глущенко получает диплом художественной школы и — тут же следует стремительный профессиональный взлет: берлинский свет приятно удивлен персональной выставкой молодого и дотоле практически неизвестного художника. В организации экспозиции помощь Глущенко оказал уже упоминавшийся эмигрант — Винниченко. Кстати, познакомил Николая Глущенко с Винниченко все тот же Александр Довженко.

Затем неожиданно для берлинской богемы, у которой имя Глущенко уже на устах, художник покидает столицу Германии и отправляется в Париж. Уж не гордыня ли одолела молодого человека? — судачили в аристократических салонах Берлина. Нет, он жаждал попасть в Париж, где кипела литературная, театральная и художественная жизнь.

В 1925 году в Париже открывается художественное ателье, где Николай Глущенко пишет портреты знатных персон. Он успешен, хорошо зарабатывает. Уже свободно говорит на немецком и французском языках. Его ателье — больше, чем просто ателье, это еще и клуб, где встречаются люди искусства, науки, крупные чиновники, а также имеющие общественный вес и авторитет эмигранты из ушедшей в историю Российской империи.

В этом клубе спорят о литературе, политике, философии, смахивая слезы от туманом нависающего в комнате папиросного дыма, наши знаменитые соотечественники — Владимир Маяковский, Иван Бунин, художники Иван Труш и Николай Кричевский. Иногда для своих друзей Глущенко устраивает «сеанс одновременной игры»: на трех-четыре мольбертах одновременно пишет работы в разных жанрах, и гости получают в подарок кто натюрморт, кто пейзаж, кто портрет.

Бывали в клубе-салоне Глущенко и другие выдающиеся люди — Ромен Роллан, Пабло Пикассо, Анри Матисс, захаживал Луи Арагон с женой Эльзой Триоле, младшей сестрой возлюбленной Маяковского — Лили Брик. А кроме того, навещались к земляку видные деятели украинской эмиграции

и вместе с ними Вильгельм Франц Габсбург-Лотарингский, эрцгерцог Австро-Венгрии, младший сын Карла-Стефана и Марии-Терезии Тоскано-Австрийской. Эрцгерцог, который на досуге пописывал вирши, взял себе псевдоним Василий Вышиваный — и совсем не случайно.

У эрцгерцога в отношении украинских националистов был свой интерес: он плотно контактировал с лидерами ОУН Евгением Коновальцем и Андреем Мельником, и те прочили его на украинский престол в случае образования некоего украинского монархического государства. Он был ценным источником информации, тем более что в кругу друзей и прекрасных дам был весьма говорлив.

Вербовка

В октябре 1926 года утром, когда художник укреплял на подрамниках свежие холсты и поглядывал на часы в ожидании натурщицы, над входной дверью ателье зазвонил колокольчик.

Показавшийся в проеме незнакомец элегантно приподнял шляпу.

— Здравствуйте, Николай Петрович! Вы меня не знаете, но я о вас наслышан. В частности, от Александра Петровича Довженко.

— Доброе утро. Прошу вас, проходите. Присядьте.

Этого визита Глущенко не ждал, но предчувствовал, что рано или поздно к нему придет кто-то из тех, кого он уже считал своими согражданами. Не каждому эмигранту, воевавшему с большевиками, выдавали «серпасто-молоткастый» паспорт. Значит, последуют предложения.

— Я ваш поклонник. Часто бываю на выставках, радуюсь вашим успехам, — сказал гость.

Глущенко поставил на стол две чашечки кофе и спросил:

— Хотите заказать портрет? Или пейзаж?

Гость переспросил:

— Пейзаж? Что-нибудь из екатеринославских красот?

Николай вопросительно посмотрел на своего собеседника. Тот продолжил:

— Скучаете по родным пейзажам, Николай Петрович? Давайте поговорим о дорогих нашему сердцу местах...

Разговор продолжился. Последовало предложение: сотрудничество с советской разведкой в обмен на возможность Глущенко вернуться на родину. Ведь хотя и был у него советский паспорт, но не было в СССР, как говорится, ни кола, ни двора.

— В наших силах решить вопрос с жильем, Николай Петрович. И разумеется, мы поможем вам на первых порах...

На следующий день в Москву ушла шифровка: «Нами привлечен к разведывательной работе художник Глущенко Николай Петрович... С 1925 года Глущенко проживает в Париже, имеет собственное ателье на улице Волонтеров, 23. Специалисты считают его одним из самых талантливых художников Европы. Выставки картин устраивались во многих европейских городах. Его ателье посещают лидеры белоэмигрантских и украинских националистических группировок, правительственные чиновники, туристы... Считаю целесообразным на первом этапе нацелить Глущенко на сбор информации о враждебной деятельности и намерениях зарубежных антисоветских и националистических организаций, а затем расширение контактов с их руководством».

Глущенко присваивают оперативный псевдоним «Ярема». Он продолжает писать картины, его работы выставляются в галереях Франции, Испании, Германии, Италии, Бельгии, Румынии, Чехословакии, Швеции. Он участвует в создании экспозиций советских стендов в торгово-промышленных выставках в Брюсселе, Милане, Вене. Коллекционеры и музеи покупают его пейзажи с видами Корсики, Иль-де-Франса, Виль-д'Авре, Виллена-на-Сене, Ножана-на-Марне... Все это позволяет ему вращаться в кругах влиятельных и информированных людей и поставлять в СССР ценные сведения.

...Несколько неожиданным стало для Глущенко задание советской разведки: кое-что нарисовать.

Репортажи из зала суда

Симон Петлюра стоял у витрины книжного магазина, радуясь весеннему солнцу и красивым обложкам. Самуил Шварцбард поздоровался с ним и спросил по-украински:

— Скажіть, будь ласка, вас звать Симон Петлюра?

Тот, полуобернувшись, кивнул головой.

Шварцбард мгновенно открыл огонь. Две пули прошли мимо, последняя застряла в стволе револьвера. Но пять, начиненных цианидом, попали в цель. Стрелявший дождался полиции, покорно сдал оружие и объявил стражам порядка, что он не просто застрелил — а казнил убийцу. Петлюра скончался через несколько часов после покушения в госпитале.

Суд над Шварцбардом начался 18 октября 1927 года, через полтора года после стрельбы в Латинском квартале Парижа. Судебное разбирательство вызвало широкий резонанс, широко освещалось в прессе. За подсудимого вступились известные люди: писатели Максим Горький, Ромен Роллан, Анри Барбюс, философ Анри Бергсон, художник Марк Шагал, физики Альберт Эйнштейн и Поль Ланжевен, бывший министр — председатель Временного правительства России Александр Керенский и другие.

Глущенко получил из Центра задание: подготовить с этих судебных заседаний репортаж в рисунках. Особенно хотели видеть на Лубянке тщательно прорисованные портреты самого Шварцбарда и его адвоката Торреса. Зачем это было нужно, можно только строить версии.

Шварцбард был оправдан судом. Свою жизнь он завершил в южноафриканском Кейптауне в 1938 году.

Мирабо — ценный источник информации

Как большой успех расценили в Москве знакомство Глущенко с бельгийским коммерсантом Андрэ Мирабо. Солидный преуспевающий бизнесмен любил живопись, разбирался

в ней, сам пробовал рисовать. Знакомство с художником было для него душевной потребностью.

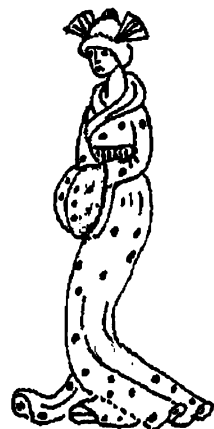
Они быстро подружились. Разговаривали, гуляли по парижским улицам, ходили на выставки, спорили о разном. Глущенко помнил советы своих наставников: в споре люди часто проговариваются, выводите их на жаркие дискуссии. Мирабо вращался в кругу промышленников, военных, руководителей финансовых учреждений, дипломатов из Франции, Германии, Бельгии, Англии. И самое главное — он занимался внедрением в производство новых разработок, гражданских и военных.

Контакты с Мирабо позволили Глущенко получить важную военно-техническую информацию. В архивных документах об этой его работе говорится так: «...Выполнил ряд сложных заданий по добыванию научно-технической информации оборонного характера. В результате советская разведка получила секретные чертежи двухсот пяти видов военной техники, в частности авиационных моторов для истребителей».

Способы, которыми пользовался Глущенко при добывании чертежей, неизвестны. Документы о подробностях этой работы до сих пор засекречены. Но мы можем предположить, что и здесь пригодился талант художника: увидев каким-то образом секретный чертеж или эскиз, Глущенко мог потом воспроизвести его по памяти.

Попытка ударить в спину

Глущенко продолжает успешную карьеру художника. По заказу советского правительства рисует портреты известных французских интеллектуалов — Ромена Роллана, Мишеля Кашена, Анри Барбюса, президента общества «Франция — СССР» Поля Синьяка. В галереях его работы соседствуют с произведениями мэтров живописи — Ван Гога, Матисса, Пикассо. В 1934 году он привозит серию пейзажей с Балеарских островов и Майорки. И при этом продолжает поставлять через связников важную информацию.

Из служебной характеристики: «...С помощью “Яремы” иностранный отдел Главного управления госбезопасности привлек к разведывательной работе несколько влиятельных чиновников из иностранных антисоветских националистических организаций, что позволило в значительной мере локализовать их враждебную деятельность против СССР».

Но усталость от двойной жизни дает о себе знать. В 1935 году парижская резидентура советской разведки сообщает в Москву, что Глущенко просит разрешения о возвращении на родину. Центр просит потерпеть. Глущенко работает еще год.

Наконец, в июле 1936 года художник с женой и ребенком прибывает в Москву, где ему выделяют 9-метровую комнату в коммуналке. Жена Глущенко — его давняя натурщица Мария, с которой он познакомился еще в Берлине.

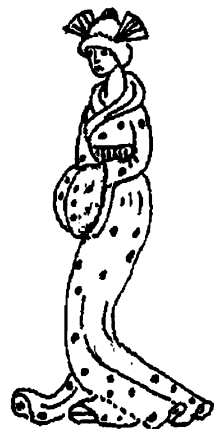
Глущенко рад, что оказался в родной стране. Он рисует и занимается организацией выставки своих картин в украинской столице. И не подозревает, что ему готовится удар в спину. В то время, когда он принимал поздравления по поводу удачной выставки в Киеве, оттуда в Москву поступило секретное донесение:

«Начальнику ГУГБ НКВД СССР комиссару госбезопасности 2-го ранга т. Молчанову. По сообщению “Агафона”, в Киев приезжал художник Глущенко, который конспиративно связался с участниками украинской национал-фашистской организации художников. Эти контакты прикрывались выставкой картин, которую он организовал. “Агафону” удалось узнать о том, что украинское фашистское подполье через Глущенко поддерживает связь с иностранными украинскими контрреволюционными группами. Во время разговоров с участниками подполья Чечвянским и Божко “Агафон” получил данные, что Глущенко является прямым агентом руководителя ОУН Евгена Коновальца, который предоставил ему широкие полномочия. В Москве он встречается с украинским фашистом Колядою, должен установить контакты с российскими антисоветскими группировками, а также с троцкистами. Имеет их адреса и явки.

Изучение контрреволюционных связей Глущенко продолжаем.

Капитан госбезопасности Рахлис».

Но донос остался без последствий. Встречи Глущенко в Киеве с представителями украинской интеллигенции были частью операции советских спецслужб. А на донесении на-против псевдонима «Агафон» появилась лаконичная пометка: «Расстрелян как провокатор». Агенту не стали объяснять его ошибку — просто расстреляли. Вполне в стилистике той эпохи, предпочитавшей, если искать аналогии в изобразительном искусстве, черно-белую графику...

Подарок от Риббентропа

Неискушенным людям может показаться, что 1939 и 1940 годы прошли под негласным девизом укрепления дружеских связей СССР и Германии. Было подписано в августе 1939 года германо-советское торговое соглашение: выделялся кредит СССР на 200 миллионов германских марок, поставлялись станки и другое заводское оборудование, а также военная техника. Тогда же был заключен Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова—Риббентропа), в секретном протоколе к которому устанавливались разграничение сфер интересов сторон. В феврале 1940 года было подписано Хозяйственное соглашение о расширении торговли.

Могло показаться, что СССР и Германия — надежные, доверяющие друг другу партнеры и союзники. Но из разных источников в Москву приходили сведения о двуличии Гитлера, об агрессивных планах немцев. Соответственно возрастала активность советской внешней разведки в Германии. Было принято решение подключить к этой работе и «Ярему».

В начале 1940 года ему ставится задача через немецкое посольство в Москве выйти на референта Риббентропа по культуре Клейста. Это ему удалось, и вскоре усилиями Клейста в Берлине была организована выставка творчества

народов Советского Союза. В последний день ее работы неожиданно для всех пожаловал глава германского МИДа Иоахим фон Риббентроп. Он передал организаторам приветствие от фюрера, а Глущенко получил еще и персональный подарок — альбом с литографиями акварельных рисунков Адольфа Гитлера.

— Если вы пожелаете, мы попросим фюрера сделать для вас на альбоме дарственную надпись, — предложил Риббентроп.

Глущенко отреагировал мгновенно:

— Глубоко признателен за такое лестное предложение. Но мне не хотелось бы этим обременять фюрера, у которого много важных государственных дел.

После возвращения в Москву Глущенко передал альбом своего, в некотором смысле, ученика в НКВД. Говорят, что какое-то время альбом находился у Сталина, а затем его вернули художнику. После смерти Глущенко альбом Гитлера оказался в Министерстве культуры УССР, а после распада СССР исчез. Возможно, был вывезен за границу и оказался в чьей-либо коллекции.

После войны

Сегодня нельзя сказать определенно, привлекался ли Глущенко к разведдеятельности в годы войны. Известно, что в 1944 году художник с семьей переехал в Киев. Глущенко выделили три комнаты в пятикомнатной квартире на Владимирской улице.

Время и место, а главное — идеология — заставляли художника творить в стилях и жанрах, далеких от его любимого экспрессионизма. Глущенко пишет на заказ «Смерть героя Гражданской войны Василия Боженко», «Выборы в Верховный Совет у гуцулов», «Строительство Днепрогэса», «Оборона Москвы», «Киев после освобождения». И многое другое в таком же духе.

Николай Петрович Глущенко умер в 1977 году в Киеве.

Икебана майора Алимовой

Ночной Тяньцзинь

Пекинский поезд опоздал, и уже за полночь она сошла на холодную пыльную платформу, освещенную лишь слабым светом из окон остановившихся вагонов. Приземистое здание вокзала китайского города Тяньцзинь (таким оно было тогда, в 1953 году) было полупустым и казалось ей неприветливым. Она вышла на вокзальную площадь. Темно и тревожно. Жених почему-то не смог ее встретить. А может, он где-то рядом, просто они разминулись? Ведь они еще ни разу не виделись... Но нет, никто ее не ищет взглядом и не волнуется с букетом в руках.

Впрочем, кажется, кто-то все-таки заинтересовался ею. Этот «кто-то» — полицейский. А вот этого совсем не нужно... Увидев рикшу, она окликнула его. Рикша радостно засеменял в ее сторону, повозка заскрипела осями.

Но и полицейский быстро зашагал в ее сторону. Ей нужно было перехватить инициативу. И она чуть жеманным голосом обратилась к строгому человеку в форме, пожаловалась по-уйгурски:

— Темновато у вас. Так и каблучки сломать немудрено. А то, пожалуй, и голову. — Она усмехнулась.

Полицейский расплылся в улыбке, ответил тоже по-уйгурски:

— Ремонт идет. Уж вы извините. Вам посветить фонариком?

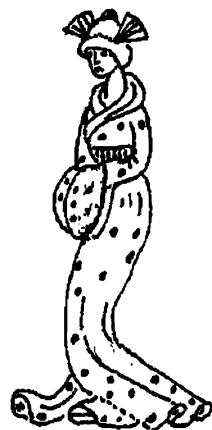
— Нет, нет, благодарю. Я найму рикшу... а вот и он.

Полицейский козырнул и зашагал дальше. Ей повезло — полицейский был уйгуром. А мог ведь проверить документы. И прицепиться к чему-то... Все могло случиться тогда.

Рикша ждал указаний. Она села в повозку и велела:

— В ближайшую гостиницу.

И повозка с советской разведчицей Ириной Алимовой покатила в сторону гостиницы со слабо освещенными лампочкой иероглифами на двери... Завтра она познакомится

со своим женихом, тоже советским разведчиком. На душе по-прежнему неспокойно. Почему он не пришел? А если он провалился?.. И что ей делать тогда?..

Она прилегла на постель в верхней одежде, тем более что в номере было холодно. Не спалось... Было около 5 часов утра, когда внезапно, без стука, вошел мужчина. Ирина напряглась: грабитель, контрразведка? Пригляделась: человек был в кальсонах. Сумасшедший?.. Но нет, это был истопник со связкой поленьев. Он растопил печку, не сказав ни слова и не глядя на постоялицу, и удалился. Видимо, такая простота нравов здесь в порядке вещей, подумала Ирина. Она с трудом успокоилась.

Пыталась уснуть, но мешали доносившиеся со стороны порта команды по громкой связи: кипели ночные погрузки-разгрузки. Торговые суда на рейде Бохайского залива время от времени завывали ревунами... Только под утро она задремала...

От лягушек — к съемочной площадке

Она родилась в 1920 году. Детство ее прошло в Мары, городе на юге Туркмении. При рождении ее назвали Биби-иран, но потом она постепенно стала Ириной. Ее отец, Карим Алимов, прошел Гражданскую войну, потом стал хорошим часовщиком и ювелиром. В школу Ирина пошла в Ашхабаде. Там увлеклась художественной самодеятельностью, играла в школьном театре. Но поступать в театральный институт после получения аттестата не решилась, пошла учиться на рабфак при Ашхабадском сельхозинституте, чтобы потом стать ветеринаром, и подрабатывала лаборанткой в институте. В ее обязанности входило ежедневно зашивать шелковыми нитями тельца подопытных лягушек после студенческих операций.

И так каждый день: лекции, учебники, потом лягушки, потом опять учебники... Но неожиданно на втором курсе рабфака Ирине предложили сняться в кино. И не в массовке, а в одной из главных ролей. Счастливый случай — ее увидел

ассистент режиссера на городской улице — направил девушку на предназначенный ей самой судьбой путь.

В 1937 году на экраны СССР вышел звуковой фильм режиссера Александра Маковского «Умбар». Ирина сыграла в нем роль девушки красивой, энергичной, по-комсомольски задорной, влюбленной в главного героя, джигита Умбара. Когда фильм вышел на экраны, молодой актрисе начали присылать письма многочисленные поклонники со всего СССР, ее узнавали на улицах Ашхабада.

После успешного дебюта Алимову направили в Ленинград — учиться актерскому мастерству у знаменитого режиссера Григория Козинцева. Спустя много лет она вспоминала: «В Ленинграде я встретила со многими известными советскими артистами: Тамарой Макаровой, Яниной Жеймо, Зоей Федоровой, Яковом Свердлиным, Петром Алейниковым и видными режиссерами: Хейфицем, Зархи, Траубергом, Роммом, Герасимовым. Они хвалили меня, говорили, что у меня есть хорошие перспективы стать настоящей актрисой».

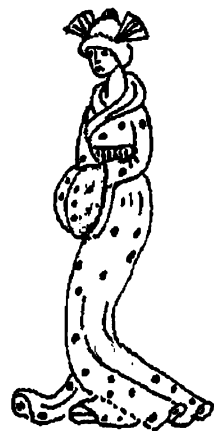
В 1939 году девятнадцатилетняя Алимова закончила обучение в театральном училище и получила распределение в Ташкент, на киностудию «Узбекфильм». В 1941 году ее назначили на роль в фильме «Алишер Навои».

Просмотрено военной цензурой

Но началась война, и подготовка к фильму была остановлена, а Ирина отправилась в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Служить ее взяли, но не на передовую, а в военную цензуру Группы советских войск в Иране на должность политконтролера. Военная цензура в то время входила в систему органов государственной безопасности.

Алимова была ценным сотрудником, так как знала восточные языки, в том числе фарси, и могла заниматься перлюстрацией писем советских солдат не только на русском.

В военной цензуре она прослужила всю войну. Так называемые политконтролеры следили за сохранением государственной тайны, чтобы через почтово-телеграфную связь

не передавались пораженческие, провокационные и клеветнические сообщения, подрывающие дух в тылу и на фронте, а в конечном итоге — обороноспособность страны. Также в письмах вымарывались указания на места дислокаций воинских частей, любые намеки на планы и сроки военных действий.

На вскрытых и просмотренных документах Ирина и ее сослуживцы ставили штамп «Просмотрено военной цензурой». Один политконтролер в день просматривал примерно 150 писем или 600 телеграмм.

После Победы над фашистами Алимова служила в Чехословакии и Австрии, а затем вернулась в Ашхабад. Она радовалась тому, что родители ее живы, и можно будет продолжить карьеру киноактрисы. Ведь она еще молода и хороша собой!

Но семья бедствовала, родители болели, а работу в кино никто не предлагал. Тот же фильм «Алишер Навои» сняли без ее участия. А тут ей предложили поступить на службу в контрразведку. Алимова оказалась в подразделении наружного наблюдения; здесь она приобрела навыки «ведения объекта», выявления слежки за собой и ухода от нее. Она даже не догадывалась, что все это пригодится ей в будущей куда более ответственной работе.

Требуется красивая молодая женщина

В 1947 году Алимова отдыхала в санатории НКВД в подмосковном поселке Кратово. Неожиданно ее пригласили к телефону. Голос в трубке сказал, что ее срочно ждут в Москве и уже выслали машину.

Ирину принял в своем кабинете, с портретом Дзержинского на стене, руководитель советской нелегальной разведки полковник Александр Коротков.

— Как отдыхается? — вежливо поинтересовался полковник.

— Спасибо, хорошо, — просто ответила Алимова.

— Вот такая женщина, как вы, нам нужна: красивая, молодая, проверенная. Прошедшая войну. И знающая языки...

Давайте прямо к делу: мы хотим предложить вам работу, связанную с зарубежными командировками. Они будут длиться годами. Вы нужны советской разведке... Ирина Каримовна, вы можете отказаться, ведь это лишь предложение. Если угодно — наша просьба к вам.

Ирина молчала несколько секунд.

— Я согласна. Я хочу быть полезной своей стране.

Ей присвоили кодовое имя «Бир». Началась скрупулезная подготовка к предстоящим командировкам. Алимова изучала спецдисциплины — работу с тайниками, системы и методы связи с агентами, шифровальное дело, радиосвязь. Учила иностранные языки с персональными преподавателями: турецкий, уйгурский, английский, немецкий, совершенствовала фарси. Увереннее всего она чувствовала себя при отработке легенды-биографии на репетициях-тренировках, когда требовалось вжиться в образ эмигрантки. Пригодились навыки, полученные в мастерской Григория Козинцева.

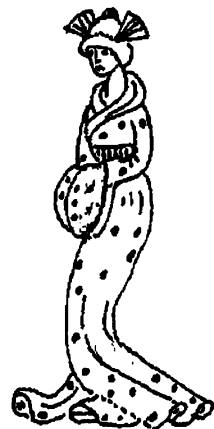
По первоначальному плану «Бир» должны были направиться на нелегальную работу в Австрию. Чтобы она пожила в немецкой языковой среде, ее командировали в ГДР. Но ситуация в мире изменилась, и в Москве решили отправить ее в Японию.

План проникновения в страну предполагал, что на первом этапе «Бир» прибудет в Китай. По легенде, она, уйгурка из богатой семьи, направляется к жениху, который ждет ее в Тяньцзине.

В 1953 году глубокой ночью она вышла из пекинского, сбившегося с расписания поезда, и никто ее не встретил, кроме полицейского и рикши.

Под сень сакуры

Конечно же, она волновалась. Это было ее первое свидание с женихом, пусть и не настоящим. Но ведь надо будет годами изображать супружескую пару, делить тяжелую работу, напряжение и риск. Как сложатся их отношения? Жених знаком ей только по фотографии. Известен его оперативный

псевдоним — «Халеф». И его легенда, согласно которой он — уйгур Энвер Садык. А ее, по той же легенде, зовут Хатыга. Скоро они будут супругами Энвер и Хатыга Садык. Так надо.

И вот рано утром она стоит неподалеку от входа в большой универмаг. Это точка встречи, оговоренная в Москве как резервная.

Он подходит с легкой улыбкой, шаг его уверен, пружинист, несмотря на некоторую полноту, костюм безупречен; он протягивает ей букет цветов, чмокает в щечку, говорит по-уйгурски:

— Здравствуй, дорогая. Я очень соскучился! Извини, что вчера не смог тебя встретить. Мне сказали в справочном бюро, что пекинский поезд отменен... Жаль, что я не перепроверил, так ли это на самом деле...

Она подыгрывает, тоже говорит ласковые слова человеку, которого до этого момента знала только по фотографии:

— Ничего страшного, я переночевала в гостинице. Представь себе — ночью истопник в белых кальсонах запросто вошел в мой номер... Я чуть не умерла со страху, думала — привидение! — Она засмеялась. — Спасибо за букет, мой дорогой... Я тоже очень скучала по тебе...

Позже, когда их фиктивный, созданный для конспирации брак перерастет в настоящую семью, она узнает о нем много больше. «Халефа» на самом деле звали Шамиль Хамзин. Родился он в Архангельске в 1915 году в татарской семье. Когда Шамилю было восемь лет, семья переехала в Казань. После окончания школы он поступил на факультет приборостроения Ленинградского электротехнического института, где защитил дипломную работу на тему: «Управление с самолета торпедными катерами по радио».

Во время войны, как ценный специалист, он получил «бронь» и работал на оборонном заводе в Москве. А в 1946 году получил предложение перейти на работу во внешнюю разведку. Его направили в разведшколу.

Там он овладел уйгурским, турецким, арабским, английским и румынским языками. Знал, разумеется, русский и родной татарский. Восточная внешность позволяла «Халефу» легко выдавать себя за араба. Он и был направлен

поначалу как нелегал в одну из стран Ближнего Востока. Но вскоре в Центре было принято решение поэтапно и осторожно перевести разведчика в Японию, где требовалось организовать и возглавить работу нелегальной резидентуры.

В 1952 году «Халеф», он же уйгур Энвер Садык, он же советский разведчик Шамиль Хамзин, прибыл в китайскую провинцию Тяньцзинь. Энергичность, сильная воля и предприимчивость позволили ему быстро стать своим в местной мусульманской общине и даже сделаться помощником муллы.

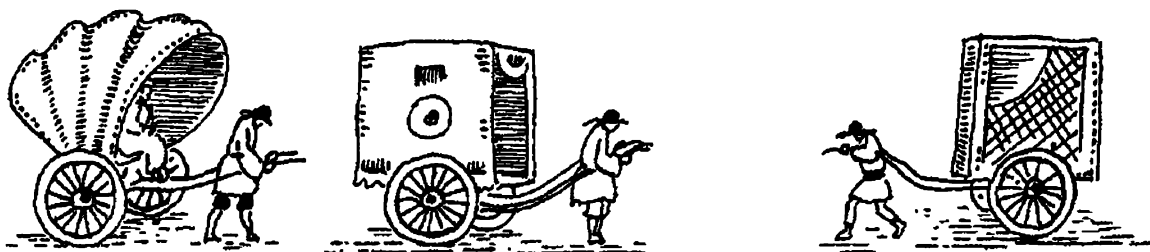
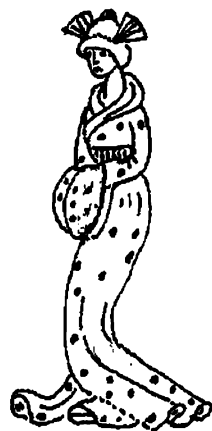
«Бир» и «Халеф» зарегистрировали брак, поселились в квартале Тяньцзиня, где обитало немало эмигрантов-мусульман. Удача сопутствовала им: вдруг выяснилось, что их тяньцзиньская знакомая продает в Японии небольшой участок земли. Они купили его, и это значительно упростило переезд.

В Японию «Бир» и «Халеф» прибыли осенью 1954 года полноценными мужем и женой: они полюбили друг друга по-настоящему и уже не расставались до конца жизни.

Двухэтажный шпионский особняк

Портовый японский город Кобе, вытянувшийся на узкой полосе берега между горами Рокко и водами Внутреннего моря, издавна нацеленный на торговлю, был шумен и криминален. Они купили здесь небольшой двухэтажный дом, потратив практически все свои деньги. Зарегистрировали фирму по продаже одежды. Но дела не двигались — не хватало средств на закупку товара. И тогда пригодился талант Ирины, искусной вышивальщицы. Она украшала платья, юбки, воротнички женских блузок искусными узорами и орнаментами. Заказов было много, и супруги, какое-то время не получавшие денег из Москвы (еще не были налажены соответствующие каналы), успешно справлялись с финансовыми проблемами.

Подспорьем стала сдача в аренду части дома. На первом этаже они поселились сами, а второй сдали двум американцам, мужу и жене. Те исправно оплачивали жилье, были веж-

ливы и приветливы. Через связника «Бир» и «Халеф» узнали об удивительном совпадении: эти симпатичные мужчина и женщина оказались сотрудниками американской разведки. Последнее обстоятельство было на руку супругам Садык. Японские контрразведчики вряд ли могли допустить мысль о том, что в доме на втором этаже живут шпионы американские, а на первом — советские.

Полтора года американская и советская разведка были добрыми соседями. У спецслужб и полиции Японии добропорядочная уйгурская семья не вызывала никаких подозрений. Осмелев, американцы стали использовать свою квартиру как явочную — здесь проходили их встречи с японской агентурой.

Но случилось нечто неожиданное. Один из русских эмигрантов, осевших в Кобе, поделился своими подозрениями с японской контрразведкой, мол, «странные они люди, эти супруги Садык, надо бы проверить». За «Бир» и «Халефом» началась слежка, они ее сразу же заметили и... пожаловались в турецкое представительство, где успели обзавестись друзьями. Турецкие дипломаты по своим каналам уладили дело.

В любом случае супругам Садык пора было перебираться в столицу. Они продали дом в Кобе и купили похожий на него в Токио.

Предмет особой заинтересованности

Раны войны в столице Японии понемногу заживали, бойко шла торговля. На первом этаже своего нового дома «Халеф» и «Бир» оборудовали магазин одежды. Коммерческое предприятие было удобным прикрытием.

Советское руководство остро нуждалось в информации по Японии. Планету начинало знобить от «холодной войны». Проигравшая в «горячей» войне Япония все заметнее склонялась к союзу с победившими и зверски бомбившими ее Соединенными Штатами Америки. Хотя формально американская оккупация ушла в прошлое, на деле США продолжали контролировать многие процессы в Японии.

Отсутствие дипломатических отношений СССР с Японией не позволяло советской разведке создать там резидентуру под прикрытием. Поэтому перед нелегалами, такими как Хамзин и Алимова, ставилось множество самых разных задач. Из Москвы разведчикам поступило указание:

«Предметом особой заинтересованности на ближайшее время должны стать следующие вопросы:

1. Взаимоотношения Японии с США: насколько они тесны, в каком русле будут впредь развиваться.

2. Политика Японии в отношении СССР.

3. Насколько сильны тенденции милитаризации экономики и воссоздания армии: ее структура, финансирование, вооружение, возможные планы совместных учений и боевых действий с США».

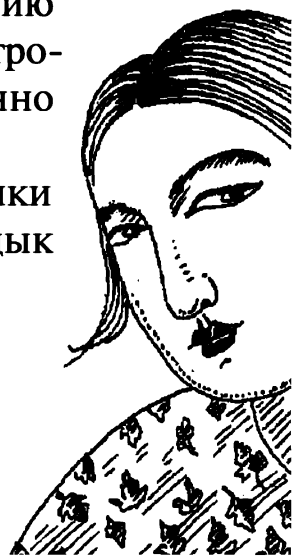
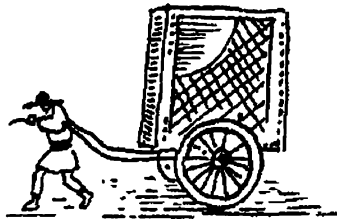
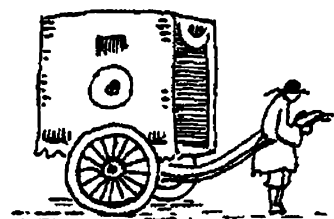
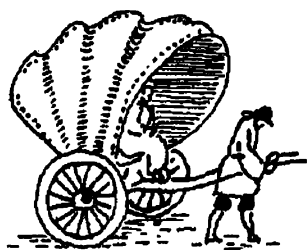
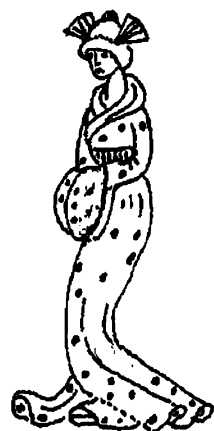
Постепенно была подготовлена разведывательная инфраструктура — оборудованы тайники, через связников получены шифры. Зашифрованные сообщения из Центра поступали по обычному радио, материалы, предназначенные для передачи в Москву, зашифровывались и закладывались в тайники.

Ставка на турецких военных

Сбор информации велся ими постоянно. В этом деле хорошим подспорьем стали обширные знакомства Шамиля в мусульманской среде, завязавшиеся еще в Китае. Благодаря им удалось разыграть турецкую карту. Татарин Хамзин и туркменка Алимова свободно владели турецким языком. Кстати, многие в Токио принимали их за турецкую чету, а они этого, по возможности, не опровергали.

В те годы в Японию на отдых часто приезжали турецкие военнослужащие из состава контингента ООН по поддержанию мира на Корейском полуострове. Кроме того, Япония строила военные корабли для Турции, и, значит, там постоянно присутствовали турецкие инженеры.

Словом, общение с турками было перспективным с точки зрения получения нужных сведений. Поэтому супруги Садык

организовали в части своего большого дома что-то вроде турецкого клуба, причем все расходы на питание, обслуживание и развлечения взяли на себя.

Радужные хозяева всегда были рады пообщаться с «земляками», поиграть с ними на бильярде, посидеть за дружеским столом. А турецкие офицеры, расслабившись в неформальной обстановке, открыто обсуждали при них служебные дела.

Понемногу у супругов Садык сложились близкие отношения с турецким посольством и с самим послом. Они становятся частыми гостями на посольских приемах, а в их доме целый месяц гостил турецкий военный атташе — настоящий кладезь информации!

В 1955 году «Бир» и «Халеф» отправили в Москву сообщение: «Георгу. Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием». Позже от Хамзина и Алимовой в Москву пришло сообщение о том, что базировавшийся в Японии самолет ВВС США U-2 совершил над Сибирью полет, который не удалось засечь советским локаторам; причем уже на подлете к базе у него из-за перегрева заглох двигатель. Об этом они услышали во время приема в посольстве Турции от разговорившегося военного.

— Хорошо, что двигатель остановился уже над Японией, а не над русской Сибирью, — усмехнулся турецкий полковник.

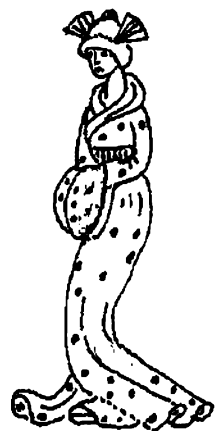
В 1990-х годах, когда документы из дела «Бир» и «Халефа» начали понемногу рассекречивать, одна из японских газет написала: «Одним из успехов деятельности шпионов Садык было приобретение сделанных с воздуха фотоснимков баз США и сил самообороны. Эти данные они смогли заполучить благодаря знакомству с американским солдатом турецкого происхождения».

О чем не знала супруга императора Японии

«Бир» часто бывала в американском дамском клубе, где общалась с женами и дочерьми высокопоставленных турецких и американских военных, иностранных дипломатов и биз-

несменов. Однажды она стала даже героиней светской хроники. В японской прессе появилась фотография: госпожа Хатыга Садык во время открытия выставки икебаны стоит рядом с супругой тогдашнего императора Японии. Знал бы императорский двор, что обаятельная госпожа Садык — это майор советской разведки и что после открытия выставки она у себя дома зашифрует для Москвы срочное сообщение:

«Георгу. Под видом создания новых полицейских отрядов в Японии началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации Японии держатся в глубокой тайне, ибо это является серьезным нарушением взятых Токио на себя обязательств по демилитаризации страны в ходе международной конференции в Сан-Франциско. В ближайшие годы предполагается таким образом увеличить численность японской армии вдвое. Правительством страны заключены секретные контракты с целью развития военной промышленности. Местной прессе запрещено публиковать какую-либо информацию по данной проблеме».

Авария

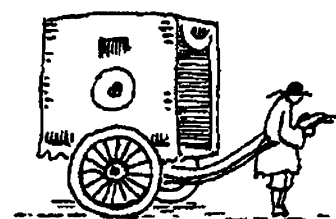
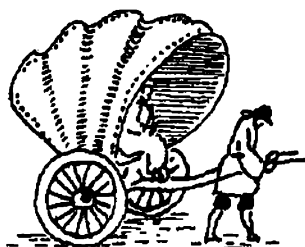
Работа супругов чуть не прервалась из-за опасной дорожной аварии, когда поздним вечером в сильный ливень их машину занесло на деревенской грунтовке. Автомобиль заскользил в глубокий кювет. «Халеф» крикнул жене:

- Прыгай, Хатыга! Я попробую вырулить, прыгай!
- Прыгай, Энвер, бросай машину, без тебя не прыгну! Ты нужнее!
- Только вдвоем!

Они выпрыгнули оба, судорожно уцепились за какие-то кусты среди размокшего желтого глинистого месива. Машина ухнула вниз.

Утром автомобиль вытащили краном.

После они хвалили друг друга за то, что даже в самый критический момент говорили по-уйгурски и обращались друг к другу по именам, присвоенным по легенде. Такая вот получилась невольная проверка на выдержку.

Операция «Боулинг» и другие

В один из дней Алимова зашифровала сообщение, которое немедленно ушло через связника в Центр: «Георгу. Хорошо информированный источник сообщает о планах создания американцами новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Япония, Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Новая Зеландия и Австралия. Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Создание такой группировки явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии».

Это была крайне важная информация. Операция по ее получению получила название «Боулинг». Сведения разведчиков подтвердились через несколько лет, когда на конференции 14–16 июня 1966 года в столице Южной Кореи Сеуле была создана новая военно-политическая группировка, тесно связанная с США, — Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК).

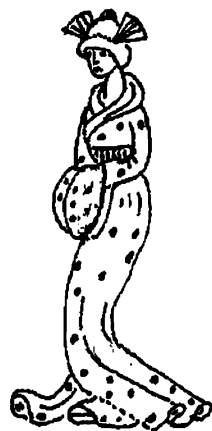
Супруги получали от завербованных агентов (их имена до сих пор засекречены) «загрифованные» документы, которые срочно фотографировали, а пленку передавали через связника в Центр. Обычно со связником встречался «Халеф», но однажды он заболел, и к месту встречи пошла «Бир». Связник ждал ее поздно ночью в районе императорского парка, добираться пришлось пешком. Ирина невольно вспомнила свой приезд в Тяньцзинь, когда ее пугало все — темная улица, шум порта, странный истопник в кальсонах. Но как и тогда, все обошлось...

Возвращение

Летом 1967 года разведчики вернулись домой. Выезжали из Японии сложным путем, через несколько стран, по пути несколько раз меняя документы, где были вписаны другие имена-фамилии, другие гражданства и подданства. Хамзин

и Алимова оставили в Японии дом, машину, деньги в банке. Заплатили горничной жалованье за год вперед. Ни у кого не должно было возникнуть даже мысли о том, что супруги уезжают не в отпуск, а навсегда...

Как-то, много позже, Ирина Каримовна Алимова сказала: «Я всю жизнь играла очень трудную роль, только без дубляжа и суфлеров». Она ушла из жизни в 2011 году, пережив мужа на двадцать лет. Их оперативное дело в архиве Службы внешней разведки РФ насчитывает 7000 страниц — 22 тома.

Приложение

Как «записали в шпионы»
фантаста Ивана Ефремова

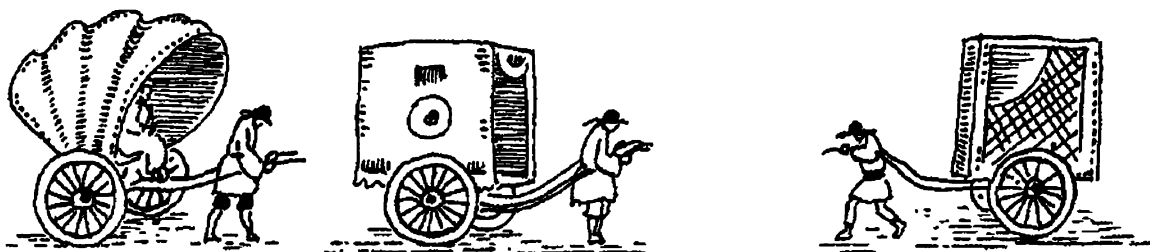
Недовольство ЦК КПСС

В 1970 году в свет вышел роман всемирно известного писателя, философа, ученого Ивана Ефремова «Час Быка». И вскоре после того, как тираж книги начал быстро раскупаться, а в библиотеках выстроились очереди за долгожданной новинкой, в ЦК КПСС за подписью председателя КГБ Юрия Андропова поступила служебная записка. В ней говорилось: «В романе “Час Быка” Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клеветает на советскую действительность...»

Иван Ефремов был приглашен на беседу к секретарю ЦК Петру Демичеву. Во время высокой аудиенции в марте 1970 года писатель и партийный чиновник беседовали взаимноуважительно. Демичев всячески подчеркивал в разговоре, что он на стороне Ефремова, но для пользы дела надо бы внести несколько поправок в текст. Писатель пообещал подумать.

Через какое время запрет на «Час Быка» был снят. Казалось, инцидент исчерпан. Но вскоре стало ясно, что нет. По инициативе секретаря ЦК по идеологии Михаила Суслова

12 ноября 1970 года собирается специальное заседание Секретариата ЦК. И рождает под грифом «Совершенно секретно» постановление, насыщенное нелицеприятными для Ефремова формулировками. Вот одна из них: «...Писатель допустил ошибочные оценки проблем развития социалистического общества, а также отдельные рассуждения, которые дают возможность двусмысленного толкования».

После этого был приостановлен выход собрания сочинений Ефремова. Писатель негодовал. Почему он должен оправдываться, вносить поправки в тексты по указанию власти? Почему выброшен из издательского плана его пятитомник?

Обидно. Унизительно. Несправедливо. Иногда хочется втайне от всех рыдать ночь напролет. Но ведь под звездами не рыдают, под ними живут... Позже Ефремов использует эту фразу в романе «Таис Афинская». И фраза станет крылатой.

Погребение по индуистской традиции

Через несколько месяцев на Ефремова заводится дело в КГБ по статье «шпионаж». При желании писателю с большими натяжками можно было бы инкриминировать антисоветчину, симпатии диссидентскому движению, но... шпионаж? Попробуем разобраться.

Поздний вечер. Москва. 1971 год. На столе офицера контрразведки Управления КГБ по Москве и Московской области, в круге света от включенной лампы, — свежая, пока еще тонкая, светло-коричневая папка. Это не что иное, как ДОР (дело оперативной разработки), заведенное в отношении Ивана Ефремова. Разработка идет по линии «шпионаж в пользу Великобритании». Это дело отныне — приоритетное в деятельности начальника УКГБ генерал-лейтенанта Виктор Алидина.

Офицер, которому поручили ответственное задание, начинает входить в курс дел. В папке пока только одна бумага — десятилетней давности рапорт о некоем эпизоде 1961 года.

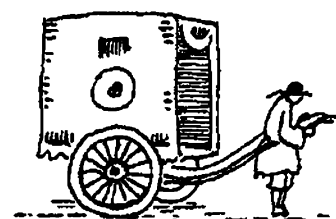
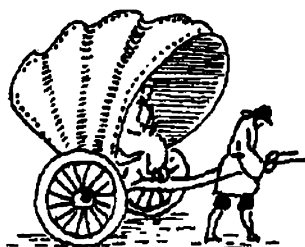
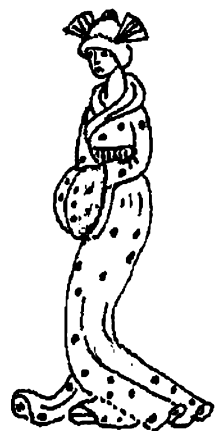
...Это был день скорбный. Словно в унисон настроению Ефремовых, отца и сына, небо было свинцовым, тяжелым, иногда плачущим мелким дождем. Скрипели уключины лодки. Отец и сын молчали. На середине реки отец вытащил урну с прахом умершей жены и медленно высыпал пепел в воду. Именно таким образом было решено на семейном совете попрощаться с умершей от тяжелой болезни женщиной — по индуистской традиции.

И это в атеистической стране, строящей коммунизм, светлое будущее всего человечества! Благодаря стараниям осведомителя это событие в тот же день попало в сводку регионального отделения КГБ. А теперь тот давний рапорт лежал в папке ДОР. Машина по фабрикации «дела» Ефремова была запущена. Раз уже легла в досье бумага о необычном для советских людей обряде погребения, то много ли чего еще можно накопать...

В московском УКГБ родилась рабочая версия, да еще какая: отец и сын Ефремовы, Иван и Аллан, — самые настоящие агенты разведки Великобритании. Глубоко законспирированные. И генерал-лейтенант Алидин довел до подчиненных свое видение того эпизода 1961 года на подмосковной речке. Суть такова: жена Ивана Антоновича и мать Аллана Ивановича — Елена Конжукова, известный ученый-палеонтолог, узнала о шпионской деятельности своих близких и решила, во имя высших ценностей, сдать их органам госбезопасности. Но английские шпионы Ефремовы, рядившиеся до поры до времени в ризы честных советских людей, проведали об этом и казнили женщину, представлявшую для них опасность разоблачения. После чего следы преступления растворили в тихих водах речушки.

По сути, Алидин дал приказ подчиненным обосновать эту версию и превратить ее в обвинение по статьям «измена Родине» и «шпионаж в пользу иностранного государства».

Затем в деле появились материалы уже на новую жену Ефремова. Алидин обратил внимание офицеров управления, что в биографии Таисии Иосифовны Ефремовой есть несколько месяцев, не поддающихся оперативной проверке, а именно: период пребывания на оккупированной немцами

территории во время Великой Отечественной войны. Было решено отрабатывать версию, согласно которой там действовала английская резидентура, которая и завербовала женщину. Согласно этой версии, после войны в Лондоне приняли решение о взаимной расшифровке двух агентов друг перед другом, да не просто так, а через заключение брака. Для этого и пришлось, дескать, Ефремову ликвидировать первую жену, как помеху, чтобы новой спутницей его жизни стала коллега-шпионка.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, как написал в свое время Лермонтов.

Три сестры

Во время очередного совещания Алидин приказал офицерам контрразведки предъявить фотокарточку Ивана Ефремова трем сестрам писателя. Как говорят в тех кругах — для оперативного опознания.

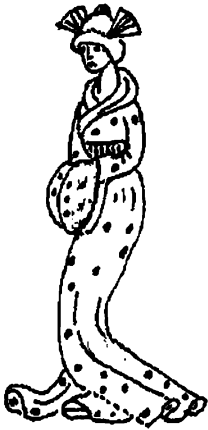
Но тут вдруг начинается череда смертей: сразу после совещания умирает одна сестра, а еще через несколько дней — две другие, которые жили вместе. Предъявить им фотографию просто не успели. И тут же делается вывод: Ефремов, узнав о намерениях оперработников провести опознание, убил своих сестер.

При этом не стали заморачиваться вопросом: откуда писатель узнал, о чем говорилось в генеральском кабинете?.. Этот вопрос отбросили, поскольку он мешал вталкивать аляповато нарисованную картину в рамки заданной начальством версии.

Хотя наверняка у подневольных офицеров возникали простые мысли: сначала могла естественной смертью умереть одна старушка, после чего, узнав о ее кончине, ушли в мир иной от огорчения две ее сестры.

Впрочем, самого Ефремова чекисты не трогали. Но за ним, как утверждала впоследствии вдова, пустили наружное наблюдение. Судя по всему, Ефремов об этом знал. В «Книжечке советов» (жена писателя нашла предназначенную ей

тетрадку уже после смерти мужа) Иван Антонович предостерегал Таисию Иосифовну: «...Не пускай неизвестных людей, а впустив, никогда не говори запальчиво или откровенно с неизвестным человеком. Немало шансов, что это окажется дрянь, подосланная или просто решившая воспользоваться беззащитностью...»

Смерть под запись

Маховик паранойи раскручивался все сильнее, но внезапно, 5 октября 1972 года Иван Ефремов умер на глазах у оперработника, который, как говорится в официальном документе, «осуществлял за ним негласный визуальный контроль с помощью специальных оперативно-технических средств». Возможно, речь шла о скрытой кино- или телесъемке.

Опер рапортовал, что смерть наступила в тот момент, когда «объект» вскрыл некое письмо. Из чего Алидин, ничтоже сумняшеся, сделал заключение: английская разведка, установив, что их агент на грани провала, убрала его с помощью письма, обработанного сильнодействующим ядом из категории боевых отравляющих веществ.

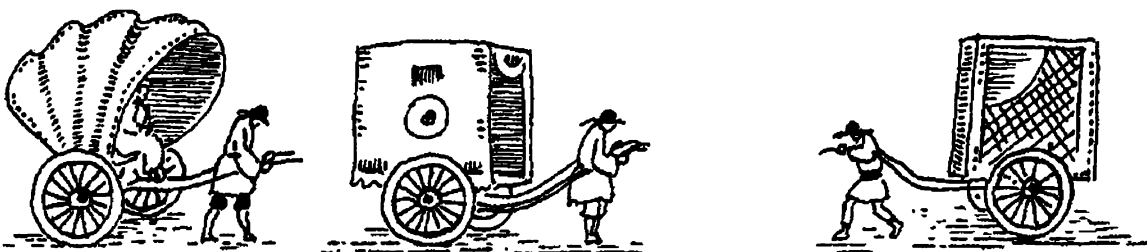

Чекисты продолжали плодить все более фантастические версии, которые тут же брались в разработку. Так как труп Ефремова был быстро и неожиданно для КГБ кремирован, на Лубянке сделали вывод: вдова шпиона помогла спрятать улики.

Оранжевый тубик с иностранными словами

Без малого через месяц со дня кончины Ивана Антоновича, 4 ноября 1972 года, в его квартире был проведен многочасовой тщательный обыск. Он начался утром и закончился за полночь. В поте лица трудились одиннадцать сотрудников госбезопасности.

О том, что происходило в квартире покойного писателя, свидетельствует документ:

«Секретно.

Заведующему Отделом административных органов ЦК КПСС

тов. Савинкину Н. И.

4 ноября 1972 года с целью возможного обнаружения литературы антисоветского содержания, на основании постановления, санкционированного первым заместителем Генерального прокурора СССР тов. Маляровым М. П., на квартире Ефремова Ивана Антоновича, 1907 года рождения, беспартийного, писателя-фантаста, умершего 5 октября 1972 года, сотрудниками УКГБ по гор. Москве и Московской области был произведен обыск.

Постановление о производстве обыска было предъявлено вдове Ефремова — Ефремовой Т. И., о чем она расписалась.

Обыск проводился с соблюдением процессуальных норм, и претензий к сотрудникам органов госбезопасности Ефремова не предъявляла.

При обыске был изъят документ, носящий резко антисоветский характер (позднее было установлено, что автором этого документа является некий Гейнрихс, проживающий в гор. Фрунзе), а также ряд предметов, которые могли использоваться Ефремовым в проведении противоправной деятельности.

Часть изъятых предметов после их исследования специалистами была Ефремовой возвращена.

Материалы на Ефремова И. А. докладывались в инстанции.

22 января 1973 года Управлением КГБ при СМ СССР по гор. Москве и Московской области по факту смерти Ефремова возбуждено уголовное дело.

Ведется следствие.

При ответе заявителю просим иметь в виду, что продолжается оперативная проверка связей Ефремова И. А.

Заместитель Председателя КГБ

при Совете Министров СССР

В. Чебриков».

Историк Никита Петров изучал документы по делу, заведенному после смерти Ефремова в отделе по надзору за

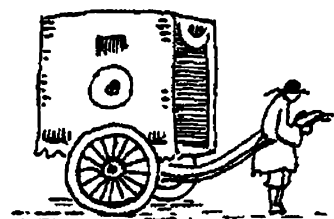
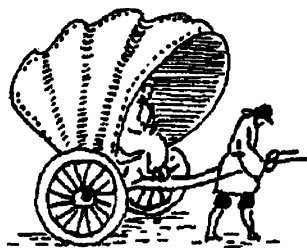
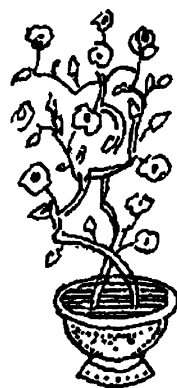
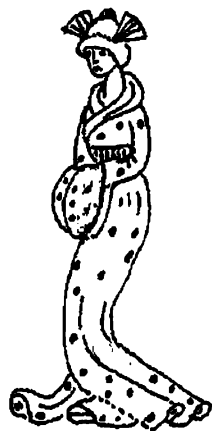
следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР. Выяснилось следующее. После смерти писателя следственный отдел УКГБ по столице и области возбудил уголовное дело по факту кончины Ефремова «в связи с неясностью причины смерти и для проверки его личности». Снова был сделан обыск. По протоколу, искали «идеологически вредную литературу». Однако вынесли из квартиры совсем другое. В перечне изъятого: старые фотографии Ефремова и его друзей, письма его к жене и ему от читателей, квитанции, «оранжевый тюбик с иностранными словами», образцы минералов, разборная трость, «металлическая палица из цветного металла», книга про Африку, «различные химические препараты в пузырьках и баночках», которые оказались гомеопатическими лекарствами. Всего 41 предмет.

«Самое странное, что в поисках чего-то сотрудники КГБ прощупали все стены, потолки, полы металлоискателем. На прямой же вопрос Таисии Ефремовой к оперативникам, в чем же обвиняется писатель, ей ответили: “Ни в чем, он уже покойник”», — поделился информацией Никита Петров с журналистами. Историк считает, что если бы писателя всерьез подозревали в сотрудничестве с иностранными разведками, то в деле имелось бы прямое указание об этом. Но там были заявлены иные мотивы, включая «проверку личности». Будто бы Ефремов и в самом деле был «не тот, за кого себя выдавал».

Несколько раз следствие продлевали и, наконец, прекратили 7 марта 1974 года «за отсутствием события преступления».

Фантазия и фантастика

Несколько лет назад в интервью «КП» петербургский писатель Андрей Измайлов рассказал совсем неожиданную версию чекистского внимания к Ефремову, оговорив при этом, что автор ее — не он, а известный советский писатель-фантаст Аркадий Стругацкий.

Как-то Измайлов и Стругацкий говорили о том, что в конце 1960-х и начале 1970-х годов в спецслужбах США были созданы учреждения, которые занимались «летающими тарелками» и возможностью проникновения на Землю инопланетян. Измайлов по памяти воспроизвел журналистам слова Аркадия Стругацкого (уже покойного к тому времени):

«У наших могла появиться аналогичная идея... Мы с братом получили не одно письмо про инопланетных шпионов. Можно себе представить, что вновь созданный отдел компетентных органов возглавил чрезвычайно романтично настроенный офицер, который поверил в абсурд “фантасты суть агенты”. Я ставлю себя на место гипотетического романтического офицера и рассуждаю здраво: если Ефремов — агент внеземной цивилизации, то должно быть какое-то средство связи. Но как выглядит средство связи у цивилизации, обогнавшей нас лет на триста—четыреста, да еще и хорошенько замаскировавшей это средство?! Поэтому брали первое, что попало».

В русле этой версии Стругацкого можно предположить: Лубянку насторожило то, что в своих произведениях Ефремов предвидел много важных событий и открытий. Так, например, в 1944 году в рассказе «Алмазная труба» он рассказал об открытии месторождения алмазов в Якутии. А в 1954 году, всего на 300 километров южнее от описываемых в рассказе мест, было открыто первое якутское месторождение алмазов — так называемая трубка «Мир». Ефремов предсказал открытие крупного месторождения ртутных руд на Южном Алтае в рассказе «Озеро горных духов» (1943). Идея голографии у него описана в рассказе «Тень минувшего» (1945). А об особенности поведения жидких кристаллов можно прочитать в рассказе «Атолл Факаофо» (1944).

Множеством революционных идей, которые тогда казались лишь фантастикой, наполнен роман «Туманность Андромеды» (1955): Трехмерное телевидение с параболическим вогнутым экраном, геостационарный спутник, который всегда находится над одной точкой земной поверхности, экзозокостюм («прыгающий скелет»), помогающий преодолевать гравитацию и многое другое.

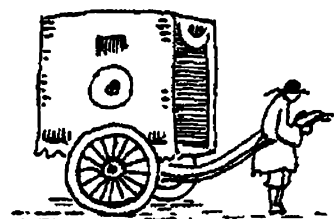
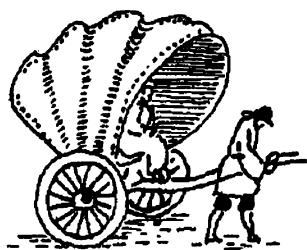
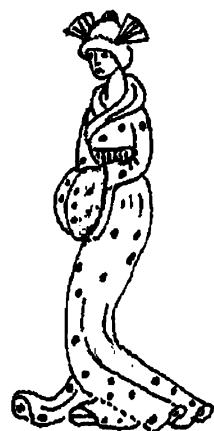
А был ли мальчик?

Сон не только разума, но и совести рождает чудовищ. Чего только не придумывали «фантасты» в погонах! Всплыл, например, такой факт: в 1924 году английским резидентом в Турции был некий белоэмигрант Ефремов. Была известна лишь его фамилия, а больше ничего — ни возраста, ни примет, ни биографических данных. А не «наш» ли это, товарищи офицеры, Иван Антонович Ефремов?

К делу подшивается справка, согласно которой у Ивана Антоновича в детстве был приемный брат-одногодок. Что-либо узнать о послереволюционной судьбе этого мальчика «не представилось возможным». Тогда выдвигается версия о том, что Иван Ефремов — вовсе не Иван Ефремов, а тот самый мальчик. После 1917 года он якобы убил подлинного Ивана Ефремова и воспользовался его именем для прикрытия своей шпионской деятельности. После этого отбыл в Турцию по делам службы. И много лет спустя лже-Ефремов был заброшен англичанами в СССР.

Бывший офицер КГБ В. Королёв, служивший в 1970-е годы под началом В. Алидина, спустя двадцать лет после этого вспоминал в журнале «Столица» о событиях, в которых, правда, не участвовал, но о которых знал в силу своего служебного положения:

«По причине высокого уровня работы английской разведки оперативных дел на них практически не было, и она считалась “гнилой” как у нас, так и во Втором главке, ведущем контрразведывательном органе страны... Насколько я помню, главный “идеологический контрразведчик” страны — начальник 5-го управления Ф.Д. Бобков — был единственным чекистом, поощрявшим титанический труд Алидина. Второй главк, курировавший наши дела по шпионажу, к материалам на И.А. Ефремова относился, мягко говоря, скептически. Однако никто не рисковал открыто возражать Алидину, поскольку всему Комитету он был известен как доверенное лицо Брежнева и Гришина. “Липа” была настолько очевидной, что над разработчиками потешались все, кому при-

ходило знакомиться с материалами. Именно потешались, но не удивлялись и, тем более, не возмущались, поскольку сляпанных наподобие этого “дел” в КГБ в те годы было немало в силу плановости в работе...»

Итак, выдающийся писатель, ученый, философ-космист, даже, если угодно, пророк Иван Ефремов попал в жернова чекистской «плановой работы». Имело значение также острое желание Ю. Андропова поднять престиж возглавляемого им тогда КГБ. Лес рубят, щепки летят...

И внеземные цивилизации здесь ни при чем.

Содержание

Предисловие	5
Даниэль Дефо — создатель английской разведки	7
Бомарше, секретный агент двух Людовиков	25
Бремя страстей шпионских Сомерсета Моэма	36
Любовь к «колдовской стране» Николая Гумилёва	55
Романтик и военный разведчик Владимир Арсеньев	65
Ноты и шифры Надежды Плевицкой	73
Как Эрнест Хемингуэй сотрудничал с НКВД	90
Грэм Грин не выдал советского агента	101
Опасный чардаш Марики Рёкк	107
Коммандер Ян Флеминг	129
Секретная миссия Михаила Калатозова	139
Стать разведчиком Лоуренсу Оливье приказал Черчилль	150
Грета Гарбо, шпионка на экране и в жизни	158
Детективная сага о Форсайте	170
Нелегал Глущенко учил Гитлера рисованию	173
Икебана майора Алимовой	189
<i>Приложение</i>	
Как «записали в шпионы» фантаста Ивана Ефремова	201

Казаков А.

- К14** Шпионаж под сенью муз. Как представители творческих профессий служили разведке / Алексей Казаков. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 216 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-528-9

Книга Алексея Казакова посвящена тайным операциям, в которых главные роли достались служителям муз — актерам, писателям, художникам... Двойную жизнь, как со временем стало ясно, вели Сомерсет Моэм и Грета Гарбо. Сотрудничал с НКВД Эрнест Хемингуэй. На советскую разведку работал оказавшийся в эмиграции импрессионист Николай Глущенко, дававший уроки начинающему художнику Адольфу Гитлеру. Советским агентом «Илоной» была знаменитая немецкая актриса и любовница Геббельса Марика Рёкк. Тринадцать лет под чужой личиной провела в Японии когда-то артистка «Узбекфильма», а потом майор КГБ Ирина Алимова. Словом, в этой книге много интересного — и неизвестного даже о том, что, казалось бы, давно известно. Все знают, что автор «Робинзона Крузо» Даниэль Дефо был создателем английской разведки, но предположение о том, что он был с разведывательной миссией в России, появилось только сейчас...

Алексей Казаков — писатель, один из авторов ежемесячника «Совершенно секретно».

УДК 355.401

ББК 63.3(0)6

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Алексей Казаков

Шпионаж под сенью муз

Как представители творческих профессий
служили разведке

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 03.05.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 500 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019 Чувашская Республика, г. Чебоксары,
пр. Ивана Яковлева, дом 13
Сайт: www.ipk21.ru, E-mail: office@ipk21.ru,
Тел. (8352) 64-24-01